

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЗАПАДНО-УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

*Материалы II Всероссийской с международным участием
научно-практической конференции*

Пермь 2015

УДК 34:001
ББК 67.0
А 43

А 43 Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты: материалы II Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. В. Носов; Зап.-Урал. ин-т экономики и права. – Пермь, 2015. – 352 с.

ISBN 978-5-89919-211-1

В сборнике представлены материалы II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты», проводившейся в г. Перми в апреле 2015 г.

Дается анализ дискуссионных вопросов научной и практической деятельности в правовой сфере, в сфере развития российского законодательства с учетом приоритетов и норм международного права и региональных особенностей.

Рассматриваются актуальные вопросы теории и истории права и государства, истории учений о праве и государстве; осмысляются состояние и перспективы современного публичного права; раскрываются разные подходы к решению проблем цивилистической науки и практики; выявляются особенности и пути реализации уголовно-правовой политики на федеральном и региональном уровнях.

Материалы объединяют результаты исследований ученых, преподавателей вузов России и ближнего зарубежья, юристов-практиков, аспирантов, магистрантов, изучающих проблемы права.

УДК 34:001
ББК 67.0

Печатается по решению научно-методического совета
НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права»

Редакционная коллегия:

А. М. Елохов, А. В. Ассессорова, Н. В. Голохвастова,
А. С. Зарубин, Д. В. Носов (отв. ред.), Е. В. Аристов,
Д. А. Формакидов, Н. М. Чудин

ISBN 978-5-89919-211-1 © НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИИ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Аристов Е.В.</i> Вариации социального государства, социальное государство в различных странах.....	7
<i>Арпентьева М.Р.</i> Проблемы восстановительной юстиции в развитии юридической науки и практики России	15
<i>Беляев В.П., Антонова Ж.Д.</i> Стадии механизма защиты прав и свобод граждан: вопросы теории.....	25
<i>Беляева Г.С.</i> К вопросу о признаках процессуально-правовых средств.....	31
<i>Белевская Ю.А.</i> Информация как объект правового регулирования в информационном обществе.....	38
<i>Голохвастова Н.В.</i> Правовое сознание крепостных служащих уральского горнозаводского имения в первой половине XIX века (на примере пермских вотчин Строгановых).....	43
<i>Клименко Е.П.</i> Международное сотрудничество в борьбе с инфекционными заболеваниями (1851–1951 гг.).....	48
<i>Козьминых Е.С.</i> Западники «Вестника Европы» о национально-культурных ценностях.....	58
<i>Скоробогатов А.В.</i> Систематизация права в России в царствование Павла I.....	68
<i>Соловьёва В.В., Лисий В.В.</i> К вопросу соотношения прав и свобод человека	77
<i>Сосенков Ф.С.</i> Национальное единство как основа государственного единства в политико-правовых воззрениях А.Д. Градовского	85

Шащенко А.Н.

Борьба с безработицей в дореволюционной России
на рубеже XIX–XX вв.: некоторые аспекты..... 95

**РАЗДЕЛ 2. СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ
СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА:
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Евлоев И.М.

Разграничение полномочий конституционных судов
по рассмотрению споров о компетенции 102

Коновальчиков Я.А.

Функции народного представительства как методологическая
основа отношений политических партий и государства..... 112

Сергеева О.С.

Экологическая безопасность: федеральный и региональный
аспекты государственной политики..... 122

Телегин А.С.

Дисциплинарная ответственность муниципальных служащих..... 132

Хамадиярова Т.А.

Правовое регулирование земель, предоставляемых
под захоронения в городе Перми..... 139

Хисматуллин И.Р.

Проблемы совершенствования правовой основы
этнической политики в Российской Федерации 148

Худолей Д.М.

Обязательные субъекты избирательного процесса..... 156

Худолей К.М.

Закрепление суперпрезидентской республики
в Конституции Российской Федерации 166

Чулакова О.Ю.

Управление имуществом публичного собственника как
правовая категория: определение понятия и его содержание..... 176

Щукина Р.И.

Социально-философские аспекты национальной (этнической)
политики на региональном уровне 181

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

<i>Антропов Р.В.</i>	
Современное трудовое право Германии: структурные особенности и тенденции в развитии	188
<i>Богустов А.А.</i>	
Конвергенция гражданского и торгового права в модельных правилах европейского частного права.....	195
<i>Глевич М.А.</i>	
К вопросу о компенсации за нарушение исключительного права на секрет производства.....	200
<i>Гройсберг А.И.</i>	
Условия для рассмотрения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, в арбитражном процессе	208
<i>Зарубин А.С.</i>	
Новация в изменившейся парадигме обязательственного права Российской Федерации.....	219
<i>Ильянова Ю.А.</i>	
Кредитные организации с иностранными инвестициями как форма коммерческого присутствия иностранных банков в России: правовые аспекты.....	227
<i>Карманова Е.В.</i>	
Штрафная функция гражданско-правовой ответственности: общая характеристика	238
<i>Мирских И.Ю., Файн В.А.</i>	
Проблемы защиты авторских прав в Российской Федерации	243
<i>Носов Д.В., Бикбова Т.И.</i>	
Обратное правопреемство при признании реорганизации корпорации несостоявшейся	249
<i>Тозик Л.В.</i>	
О субъектах государственных закупок товаров (работ, услуг) для вооруженных сил Республики Беларусь.....	260
<i>Ухтинский П.В.</i>	
Право работников на отдых в течение рабочего дня.....	266
<i>Фокеева Ю.В.</i>	
Нормы гражданского процессуального и трудового права: проблемы соотношения и реализации.....	281

РАЗДЕЛ 4. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

<i>Васильев Д.С.</i>	
Виды постпенитенциарных мер безопасности	287
<i>Дараган В.В.</i>	
К вопросу об элементах криминологической характеристики преступлений в сфере государственных закупок в Украине.....	293
<i>Жуйков А.Л.</i>	
Причины и условия побегов из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи	304
<i>Корж П.А.</i>	
Правоприменительные и технико-юридические вопросы ст. 203 УК РФ.....	316
<i>Маринкин Д.Н.</i>	
Важные вопросы особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам	323
<i>Семенчук В.В., Филиппова И.В.</i>	
Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков, совершаемому с использованием сети интернет	329
<i>Шмыков Д.В.</i>	
Порнография, эротика, нравственность	339
Сведения об авторах	345

РАЗДЕЛ 1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИИ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 342
ББК 67.400

Е.В. Аристов

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

ВАРИАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Статья посвящена исследованию особенностей социального государства в разных странах. Показаны особенности закрепления гарантий социальности государства в законодательстве.

Ключевые слова: социальное государство, социальность государства, конституционное право, конституционно-правовой принцип, государство благосостояния.

E. V. Aristov

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

VARIATION AS A WELFARE STATE, WELFARE STATE IN DIFFERENCE COUNTRIES

The article investigates the features of model of the welfare state implemented in different countries. The article shows the features of fixing of guarantees of the welfare state in legislation.

Key words: Welfare State, welfaring of the State, Constitutional Law, basis of the constitutional system, constitutional-legal principle of the Welfare State.

По мнению Франца-Ксавера Кауфманна, общая идея социального государства так или иначе реализована в большин-

стве государств Западной Европы, однако предпосылки легитимизации данной концепции, специальные цели и институциональная реализация различаются от государства к государству, и на международной арене англо-саксонский и скандинавский подходы остаются доминирующими, в отличие от немецкого и французского подходов¹.

Наряду с внешними и внутренними факторами, которые оказывают воздействие на формирование и функционирование различных социальных государств (именно в аспекте их социальнойности), существующими различными возможностями и препятствиями, институциональное и конституционное устройство различных социальных государств варьируется².

Наиболее часто используемая исследователями и оптимальная типология социальных государств предполагает существование таких типов государств благосостояния, как либеральные государства благосостояния, социал-демократические государства благосостояния (главным образом, государства с англо-саксонской системой права) и корпоративистские государства благосостояния (государства с континентальной системой права)³.

К корпоративистским (консервативным) государствам благосостояния относятся Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Италия, Мальта, Кипр, Турция, Нидерланды, Испания и Португалия. Определяющими характеристиками государств данной модели выступают консервативное, сильное государство, слабая либеральная традиция, наличие заботящихся о своем статусе среднего и рабочего классов, а также существенное присутствие католической церкви. К основным преимуществам, положительным сторонам данной модели относят высокий

¹ Kaufmann F.-X. European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). N.Y.: Berghahn Books, 2012. 406 p. P. 3.

² Taylor-Gooby P. The Politics of Welfare in Europe // Welfare States Under Pressure / Ed. by P. Taylor-Gooby. L.: Sage Publications, 2001. 218 p. P. 1–28.

³ Van Waarden F. Renegotiating the welfare state through corporatist concertation: An introduction / Renegotiating the Welfare State Flexible adjustment through corporatist concertation // Ed. by F. van Waarden, G. Lehmbruch. N.Y.: Routledge, 2003. 317 p. P. 3–30. Taylor-Gooby P. The Politics of Welfare in Europe // Welfare States Under Pressure / Ed. by P. Taylor-Gooby. L.: Sage Publications, 2001. 218 p. P. 5.

уровень государственной поддержки населения, возможность населения поддерживать свой уровень доходов, возможность функционирования частных систем предоставления услуг без их поддержки, увеличение льгот для населения с увеличением его вклада¹.

К основным недостаткам корпоративистской модели государства благосостояния относят следующие:

- поддержание и усиление социальных расколов;
- чувствительность к условиям рынка труда и демографии;
- тенденция к установлению санкций для лиц с нестабильными, нетрадиционными условиями труда;
- создание преимуществ для нахождения вне модели социального страхования².

Либеральная модель государства благосостояния англосаксонского типа – это Швейцария, Великобритания и Ирландия. Данная модель характеризуется политически влиятельным средним классом, либеральной или оппозиционной политической традицией, доминирующим положением государства на рынке, обществом с широкими возможностями для социального продвижения, слабым государством, а также протестантской традицией. Государство благосостояния данной модели является наименее чувствительным к демографическим изменениям в населении, низкими налогами, дифференциацией услуг, предоставляемых населению услуг, стимулированием карьерного роста среди населения³.

Среди негативных моментов либеральной модели государства благосостояния можно отметить значительное социаль-

¹*Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences. 2014. Vol. 7 (56). № 1. P. 174; *Heinisch R.* How to Conceptualize the Welfare State. URL: <<http://www.pitt.edu/~heinisch/concept.html>>.

²*Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences. 2014. Vol. 7 (56). № 1. P. 174; *Heinisch R.* How to Conceptualize the Welfare State. URL: <<http://www.pitt.edu/~heinisch/concept.html>>.

³*Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences. 2014. Vol. 7 (56). № 1. P. 174; *Heinisch R.* How to Conceptualize the Welfare State. URL: <<http://www.pitt.edu/~heinisch/concept.html>>.

ное неравенство, низкий уровень предоставляемых для необеспеченных слоев населения услуг¹.

В англосаксонском подходе к пониманию и реализации социального государства, под государством благосостояния понимается, прежде всего, весь комплекс институционализированной политики. В государствах с континентальной правовой системой, в особенности в Германии, термин «социальное государство» используется, главным образом, для обозначения нормативной заинтересованности государства в обеспечении благосостояния, что выражается в ставящихся конституционных целях или в заключении соответствующих международных соглашений².

Скандинавская модель государства благосостояния представлена Данией, Норвегией, Исландией, Финляндией, Швецией и характеризуется протестантской либеральной традицией с учетом индивидуализма и равенства, сотрудничеством между разными классами населения, а также доминирующей позицией левых партий³.

Ввиду того, что некоторыми исследователями указываются именно государства скандинавской модели как первыми реализовавшие концепцию социального государства на практике, а также того, что в научной литературе именно скандинавская модель государства благосостояния представляется как наименее спорная, также представляет интерес обратиться к ее положительным и отрицательным характеристикам⁴.

¹*Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences. 2014. Vol. 7 (56). № 1. P. 174; *Heinisch R.* How to Conceptualize the Welfare State. URL: <<http://www.pitt.edu/~heinisch/concept.html>>.

²*Kaufmann F.-X.* European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). N.Y.: Berghahn Books, 2012. P. 11.

³*Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences. 2014. Vol. 7 (56). № 1. P. 174; *Heinisch R.* How to Conceptualize the Welfare State. URL: <<http://www.pitt.edu/~heinisch/concept.html>>.

⁴*Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences. 2014. Vol. 7 (56). № 1. P. 174; *Heinisch R.* How to Conceptualize the Welfare State. URL: <<http://www.pitt.edu/~heinisch/concept.html>>.

Так, данная модель отличается универсальностью, поощрением поддержки населения, предоставлением высоких пособий, дифференцированностью услуг, предоставляемых населению, а также снижением уровня социальной разобщенности. Вместе с тем, управление государством благосостояния такой модели представляет собой сложный дорогостоящий бюрократический процесс. Кроме того, скандинавская модель государства благосостояния предполагает высокий уровень взимаемых налогов, а также излишнее давление на государственный бюджет¹.

Если говорить о конституционных основаниях социальной ответственности государства в государствах указанных категорий, обратимся к скандинавской модели государства благосостояния.

Как отмечает Йоаким Нергелиус, что интересно, в скандинавских социальных государствах не существует сложившейся сильной конституционной традиции или конституционной доктрины социального государства, поскольку развитие таких государств на протяжении XX в. осуществлялось, главным образом, посредством принятия решений органами публичной власти либо посредством реализации законодательных мер, но не в рамках конституционного права, в частности, по той причине, что некоторые основные аспекты конституционного права, такие как, к примеру, необходимость защиты человека от возможных вмешательств или нарушений его прав со стороны органов публичной власти, не являются значимыми в модели социального государства (которая, главным образом, основывается на идее о том, что государство базово выступает в качестве доброжелателя, благодетеля). Это, безусловно, не означает, что концепция социального государства и конституционного права как теории или конституционализма являются несовместимыми, просто в рамках данной модели концепция социального государства реализовывалась, в ос-

¹*Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences. 2014. Vol. 7 (56). № 1. P. 174; *Heinisch R.* How to Conceptualize the Welfare State. URL: <<http://www.pitt.edu/~heinisch/concept.html>>.

новном, в сферах административного права или права социального обеспечения¹.

Специфической проблемой европейских государств благосостояния являются последствия успешности их функционирования в данном аспекте, поскольку существующие системы поддержки населения меняют его запросы, развитие таких систем меняет их собственную динамику, и они становятся в конечном счете все более и более дорогостоящими. Поэтому государство благосостояния нуждается в постоянном политическом управлении и контроле над выполнением его задач и целей в контексте изменяющихся условий².

В конце XX в. реализация концепции социального государства сталкивается с рядом трудностей, таких как быстрое изменение систем, для обеспечения поддержки которых в принципе и создавалось социальное государство – рынка труда и семьи, поскольку возрастающее количество населения пожилого возраста ожидает от государства пенсионных выплат надлежащего уровня, а также соответствующих услуг по здравоохранению и социальному обеспечению, а процессы глобализации в некоторой степени расшатывают авторитет государства. Кроме того, расширение Европейского союза приводит к созданию и обеспечению более единого и конкурентного рынка в Западной Европе с дальнейшими перспективами расширения. Однако несмотря на это нельзя говорить о том, что социальное государство устаревает³.

Кроме того, в настоящее время сохранению и функционированию социального государства угрожают определенные изменения в мировой экономике, которая характеризуется сейчас интеграцией в нее некапиталистических экономик, а капиталистическая часть мировой экономики является слишком

¹ *Nergelius J.* New Tendencies in Modern Nordic Constitutional Doctrine or the Development of Nordic Constitutional Law: Introduction and General Background // *Scandinavian Studies In Law*. P. 11–16. URL: <<http://www.scandinavianlaw.se/pdf/52-1.pdf>>.

² *Kaufmann F.-X.* European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). N.Y.: Berghahn Books, 2012. 406 p. P. 11.

³ *Taylor-Gooby P.* The Politics of Welfare in Europe // *Welfare States Under Pressure* / Ed. by P. Taylor-Gooby. L.: Sage Publications, 2001. P. 1–28.

слабой для трансформации остальной части соответствующим образом¹.

Стоит отметить, что исследователи зачастую выделяют именно процессы глобализации и внешнее воздействие на государство в качестве факторов, негативно влияющих на успешность реализации принципа социальности государства.

По мнению Прадипа Босе, государство благосостояния в перспективе может сохраниться только в том случае, если оно подтвердит и продолжит выполнять свои традиционные обязанности, при этом, однако, пересмотрит меры, на это направляемые, не отказываясь от своих базовых основополагающих ценностей².

При этом все же различные социальные государства различаются по степени уязвимости к внешнему воздействию со стороны международного сообщества, соответственно, не существует каких-либо универсальных мер, позволяющих государству благосостояния поддерживать свою экономическую жизнеспособность, не отказываясь при этом от реализации соответствующей социальной политики³.

Библиографический список

1. *Bose P. Welfare States in Perspective // Welfare States and the Future / Ed. by B. Vivekanandan, N. Kurian. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 409 p. – P. 14–19.*

2. *Elsenhans H. A. World Economy Based on the Welfare State Principle // Welfare States and the Future / Ed. by B. Vivekan-*

¹ *Elsenhans H. A World Economy Based on the Welfare State Principle // Welfare States and the Future / Ed. by B. Vivekanandan, N. Kurian. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 41–19.*

² *Bose P. Welfare States in Perspective // Welfare States and the Future / Ed. by B. Vivekanandan, N. Kurian. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. 409 p. P. 19.*

³ *Scharpf F. The viability of advanced welfare state in the international economy: vulnerabilities and options // Working paper of Max Planck Institute for the Study of Societies. 1999. № 99/9. 39 p. (Цит. по: Taylor-Gooby P. The Politics of Welfare in Europe // Welfare States Under Pressure / Ed. by P. Taylor-Gooby. L.: Sage Publications, 2001. P. 2.)*

andan, N. Kurian. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 409 p. – P. 41–19.

3. *Kaufmann F.-X.* European foundations of the welfare state (Translated from the German by J. Veit-Wilson with the assistance of T. Skelton-Robinson). – New York: Berghahn Books, 2012. – 406 p.

4. *Nergelius J.* New Tendencies in Modern Nordic Constitutional Doctrine or the Development of Nordic Constitutional Law: Introduction and General Background // *Scandinavian Studies In Law*. – P. 11–16. <<http://www.scandinavianlaw.se/pdf/52-1.pdf>>.

5. *Pop-Radu I.* The european welfare model. Is Romania a welfare state?! // *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series V: Economic Sciences*. – 2014. – Vol. 7 (56). – № 1. – P. 171–178.

6. *Scharpf F.* The viability of advanced welfare state in the international economy: vulnerabilities and options // Working paper of Max Planck Institute for the Study of Societies. – 1999. – № 99/9. – 39 p.

7. *Taylor-Gooby P.* The Politics of Welfare in Europe // *Welfare States Under Pressure* / Ed. by P. Taylor-Gooby. – London: Sage Publications, 2001. – 218 p. – P. 1–28.

8. *Van Waarden F.* Renegotiating the welfare state through corporatist concertation: An introduction // *Renegotiating the Welfare State Flexible adjustment through corporatist concertation* // Ed. by F. van Waarden, G. Lehmbruch. – New York: Routledge, 2003. – 317 p. – P. 3–30.

УДК 34.06.+159.9.
ББК 67.627

М.Р. Арпентьева

Калужский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ РОССИИ

Статья посвящена проблемам внедрения и процедурам понимающей (восстановительной) юстиции, рассматриваются зарубежный и отечественный опыт (проблемы) ювенальной и матуральной юстиции. Сравниваются доктрины карательной и понимающей юстиции.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, доктрина понимания, социальный работник, судопроизводство по делам несовершеннолетних.

M.R. Arpentieva

Kaluga state university

PROBLEMS OF RESTORATIVE JUSTICE IN THE DEVELOPMENT SCIENCE AND PRACTICE OF JUSTICE IN RUSSIA

The article is devoted to problems of implementation and procedures of the understanding (restorative) justice system, are considered foreign and domestic experience (problems) of the juvenile justice system. Compared doctrine of punitive and understanding justice.

Key words: juvenile justice, the doctrine of understanding, social worker, legal proceedings in juvenile cases.

Развитие современной юридической науки и практики идет в направлении осмысления проблемы правосубъектности, его внутреннего содержания, реализации всеми участниками юридического процесса своих обязанностей и прав. Выделяют также дееспособность как компонент правосубъектности и обусловленную правом способность своими собственными действиями (бездействием) приобретать субъективные юридические права и обязанности, осуществлять и прекращать их. В нее, в свою очередь, включена деликтоспособность – способность

лица самостоятельно нести ответственность за вред, причинённый противоправным деянием (действием либо бездействием), самостоятельно сознавать свой поступок и его вредоносные результаты, отвечать за свои противоправные деяния. На международном и частно-государственном уровнях в настоящее время решаются вопросы, связанные с необходимостью смены парадигм и основанных на них моделей юстиции. Наиболее активно этот процесс протекает в сфере ювенальной юстиции: проблема прав ребенка традиционно является фокусом отдельного рассмотрения. В решении проблем ответственности (включая деликтоспособность) как ребенка, так и взрослого перед обществом, участники процесса решают вопрос о соотношении прав и обязанностей, и, следовательно, о необходимости реабилитационного, защищающего права человека, или карательного, наказывающего совершенные преступления, подходов. Особую роль в этом процессе играет восстановительное правосудие, основной идеей которого является помощь жертве, а также преступнику, родственникам жертвы и преступника, сообществу в целом как «жертвам» – с одной стороны, преступления и, с другой стороны, – нарушений социального функционирования, приведших к преступлению. Кроме того, утверждается, что процесс не менее важен, чем результат, поскольку он может помочь залечить раны, нанесенные преступлением. Консорциум восстановительного правосудия в Великобритании полагает, что «Восстановительное правосудие стремится сбалансировать интересы жертвы и сообщества с потребностью интеграции преступника в общество. Оно стремится способствовать восстановлению жертвы и дает возможность всем сторонам, вовлеченным в процесс судопроизводства, полноценно участвовать в нем» [12]. Сторонники восстановительного правосудия считают наиболее важными задачами удовлетворенность потерпевших и справедливость обращения с преступниками. Э. Фатах отмечает: «Первоочередными задачами уголовного законодательства должно быть восстановление мира и покоя, залечивание ран и компенсация ущерба жертвы. Основной задачей должно быть примирение, а не возмездие; урегулирование конфликтов между людьми, а не увековечивание их; и приближение враждующих

сторон вместо еще большего отдаления» [10]. Это «Правосудие, которое исцеляет» и которое видит в участниках процесса людей, субъектов права, стремящихся понять и улучшить свою жизнь. В разных доктринах современной юстиции вес каждой из сторон правосубъектности рассматривается по-разному. В традиционной, особенно матуральной юстиции («юстиции взрослых») с ее доктриной наказания («кары»), функции правозащиты не выделены, существуют для редких «случаев» оправдания обвиняемых и подозреваемых, а также осужденных и вышедших на свободу. Это проявляется в том, что функции психосоциальных работников как защищающих права человека агентов не определены: специалисты этого профиля в традиционном судопроизводстве могут быть привлечены в качестве экспертов, однако их присутствие не только не является обязательным, но и может быть оспорено в связи с достаточностью имеющихся у суда данных о преступлении (событии и составе) и преступнике, его жизнедеятельности. В связи с попытками реализации в мире, в том числе и в международной практике, судебной реформы активно обсуждается вопрос о дополнении общей юстиции специализированными элементами, которые позволяли бы защищать права обвиняемых, в том числе детей, а также максимально учитывать в процессе международных и внутригосударственных розысков и экстрадиций, расследований, при определении и исполнении наказания особенности личности и жизни человека и иных субъектов, социальные, групповые, личностные и межличностные предпосылки и последствия совершенного преступления, а также возможности не карательного, а реабилитационного или восстановительного правосудия. Попытка преодолеть карательный модус господствующей в мире, включая международный уровень, традиционной юстиции в рамках ставшей за рубежом классической ювенальной юстиции, с ее доктриной защиты (прав) несовершеннолетнего, привела к тому, что для социального работника наиболее значимыми по-прежнему оказываются экспертные функции. Однако экспертная деятельность направлена на помощь в защите прав несовершеннолетнего: не столько как подсудимого,

сколько как человека, одного из жертв ситуации, наряду с потерпевшим. Отстаивание прав несовершеннолетнего, как показала зарубежная практика, осуществляется подчас в ущерб нравственным императивам, в том числе – императивам искупления и прощения. Психосоциальный работник, а в его лице и общество, игнорируют факт преступления ради ложно понятой «гуманности»: асимметрия карательной доктрины правосудия, центрированной на обязанностях и обязательствах личности перед обществом, сменяется асимметрией доктрины защиты прав, центрированной на обязанностях общества перед личностью, а также на правах личности, вне связи с ее общественными обязанностями.

Парадигма реабилитации и защиты предполагает индивидуализацию обращения, основана на медицинской модели, объясняющей преступное поведение как симптом скрытых нарушений, при которых преступление было менее значимо, чем реабилитационные услуги для исцеления таких предполагаемых нарушений. Преступление рассматривается не само по себе, а как частное проявление нарушенных процессов социализации. Однако специалисты вскоре поняли, что ориентированная на защиту прав юстиция и «защита прав» – не одно и то же: помощь должна осуществляться в направлении и способами, связанными с сокращением криминализации и виктимизации в сообществе [2]. Поэтому необходимо обращение к подходам и технологиям восстановительного правосудия, которое позволяет отделить функцию разрешения дела (включая определение виновного, удовлетворение интересов жертвы и назначение санкций) от профессиональных судебных процедур. Карательный и реабилитационный подходы по своей сути односторонни. В первом случае цель – наказание правонарушителя, лишённого возможности исправить содеянное, отсутствие учета потребностей жертвы. Во втором случае – воздействие на преступника путем индивидуализации обращения, исключая остальных участников, игнорирование проблемы ответственного поведения несовершеннолетнего правонарушителя. Восстановительный подход охватывает все аспекты для успешного разрешения конфликтов пострадавших и правона-

рушителей, которые, кроме того, находятся в конфликте с нормами права. Наряду с реабилитацией формируются навыки ответственного поведения. Реабилитационная доктрина акцентирует внимание на решении проблем правонарушителя, восстановительная – в процессе решения проблем фокусируется на условиях и способах формирования ответственного поведения. Восстановительный подход осуществляется в рамках доктрины понимания. Он является попыткой и юридически, и психологически грамотно, в соответствии с существующими уголовными и гражданскими кодексами и конвенциями, исходя из особенностей внешних и внутренних обстоятельств правонарушения (преступления), осуществлять анализ причин правонарушения (преступления), вероятных тенденций и условий преобразования дальнейшего поведения, жизнедеятельности субъекта, в категорию социально неопасного. Суть правосудия в рамках данной доктрины – помочь жертве и правонарушителю разрешить конфликт: преступление есть насилие, вред, причиненный другому человеку, а не только поступок против государства и общества. Преступление связано с вредом конкретному субъекту и порождает у совершившего лица обязательства по исправлению причиненного вреда (ответственность). Жертва преступления также может нести часть ответственности за ситуацию: наличие и характер такой ответственности также являются вопросом, подлежащим изучению и анализу социального работника. Деятельность психосоциального работника гарантирует соблюдение конкретных человеческих прав конкретного человека. Доктрина понимания предполагает, что в восстановительной работе нельзя оставлять вне внимания преступное поведение, его психологические и социальные предпосылки и последствия для человека и его жертв. Несмотря на свою подчас весьма выраженную неадекватность, наказание, по крайней мере, хоть как-то связано с преступлением, а индивидуализированные программы работы связаны с нуждами преступника, мало требуя от него взамен. Попытки донести до преступника, что он причинил ущерб и должен предпринять действия для возмещения ущерба, отвечать за его последствия – второй важный момент психосоци-

альной работы. Субъект преступления должен рассматриваться не только как получатель социально-психологических услуг, но и как подлинный участник, субъект разрешения ситуации, в которую он попал, от поступков которого зависит нормализация самочувствия жертвы, возмещение ущерба и налаживание отношений с обществом.

Судопроизводство, использующее восстановительную технологию, исходит из того, что а) преступление нарушило нормальную жизнедеятельность и работу сознания всех его участников; б) правонарушитель должен быть реабилитирован и интегрирован в общество, нести социальную и иную ответственность; в) необходимо восстановить разрушенные преступлением связи правонарушителя с обществом [5; 7]. Обращая внимание на деликтоспособность как способность, отвечая за совершенное деяние, налаживать связи с обществом и компенсировать нанесенный обществу и жертве ущерб, государственное и международное правосудие движется по пути своего развития. Разница между старыми и новыми парадигмами и связанными с ними доктринами осмысления подытожена Х. Зером и другими исследователями [4; 6; 13]. Гуманистическая, направленная на понимание и диалог доктрина – модель примирения базируется на восстановительной парадигме, критически переосмысляющей опыт карательно-репрессивных отношений государства и общества, общества и человека.

Л. Голд называет систему задач, которые отличают восстановительную парадигму от карательной, «решения проблем» [11]:

1. Демонстрировать внимание, безоценочное принятие человеческого достоинства. Выстраивать контакт, «быть там». Всегда говорить от сердца. Создавать безопасное пространство для диалога.

2. Дать человеку надежду и помощь. Быть реалистичным и «тождественным». Уверенность в важности присутствия посредника и его тесном контакте с вовлеченными сторонами для облегчения эффективного разрешения конфликта. Уверенность в целительной функции посредничества, которая воплощается через диалог и взаимную помощь людей.

Классические и современные парадигмы юстиции

Старые цели (карательные)	Новые цели (восстановительные):
Преступление – это нарушение правил. Акцент на причинении боли. Правосудие, основанное на правилах и результате. Акцент на виновности и принципах. Жертва – государство.	Преступление – нарушение против людей, отношений. Акцент на восстановлении справедливости. Правосудие определяется самим процессом, сутью. Акцент на причиненном вреде. Жертвы – люди
Доктрина наказания	Доктрина понимания
<p>Сдерживание: если ты нарушил закон, ты будешь наказан. Потенциальный правонарушитель должен полагать, что его удастся поймать; карательная санкция, не способная обеспечить сдерживание, должна применяться как карательная мера, что является разрушительным для преступника и его семьи; государство не должно намеренно причинять боль своим гражданам, если есть иные способы защиты остальных граждан. Карательные санкции заставляют преступника думать о себе, а не о своей жертве, стимулируют к тому, чтобы отрицать или занижать нанесенный ущерб, жертва требует признания ущерба.</p> <p>Тюремное заключение как вид наказания до сих пор применяется и даже приобретает в некоторых странах, по мнению специалистов, характер индустрии. Общество не участвует в разрешении проблемы, специалисты по психосоциальной и медицинской работе привлекаются либо по указанию либо с согласия иных участников судопроизводства. Возмездие – это выражение идеи «свершения правосудия». Преступник, который нанес ущерб, должен понести определенный ущерб в ответ. «Порицание» или «общественное осуждение». Общественные нормы должны поддерживаться за счет указания на то, какие варианты поведения не являются приемлемыми для общества. Чем неприемлемее поведение, тем суровее</p>	<p>В большинстве случаев преступники неизвестны. Те, на кого преступление оказало сильное воздействие, должны получать соответствующую помощь и поддержку. Если преступник известен жертве, предпочтительнее, когда обе стороны могут обсудить свои позиции, не посредством судебного процесса (медиации или семейные конференции с участием родных и близких как преступника, так и жертвы). Часто бывают виноватыми обе стороны. Для того чтобы выразить свой стыд и искреннее раскаяние, правонарушитель должен находиться в состоянии «абсолютной незащитности», отдаться на милость жертвы, обнажив все свои скрытые переживания.</p> <p>Критика эффективности тюремного заключения. Penal mediation – альтернатива уголовному преследованию, которую прокурор в праве предложить правонарушителю, заключающаяся в урегулировании криминальной ситуации в интересах жертвы (возмещение ущерба) и/или принятии правонарушителем иных условий (направление на реабилитационную программу и т.д.). Модель независимой медиации – предоставление услуги в равной степени жертве и правонарушителю, в том числе с участием добровольцев – общества. Согласие правонарушителя на участие в медиации уже является началом репарации, которая, по сути, означает восстановление ущерба или выплату определенной компенсации в этих целях. Ущерб должен уравниваться не нанесением нового ущерба, а конструктивными действиями по его компенсации. Зависимость тяжести преступления и наказания является произвольной и разнится от</p>

<p>будет наказание. Реабилитационные программы «соревнуются» с вредным воздействием тюремной атмосферы, результат зависит от поддержки, которую получит преступник, вернувшийся в сообщество</p>	<p>страны к стране и от суда к суду. Нужно отталкиваться не от ущерба, а от возможной его компенсации. Преступник должен иметь возможность восстанавливать нанесенный им вред, ущерб самостоятельно, а также испытывать такие меры воздействия, которые удовлетворяют государство и обеспечивают безопасность преступника для общества после снятия наказания (ограничения свободы и др.).</p>
--	--

3. Думать о душевных ранах клиентов, а не о способах защиты. Создавать духовное пространство. Признавать, что исцеление не является исправлением. Уверенность в способности большинства людей мобилизовать внутренние ресурсы для преодоления трудностей, для личного роста и помощи другим людям, оказавшимся в сходных обстоятельствах

4. Помочь людям прислушаться к их внутренней мудрости, их стремлению к миру. Уверенность во взаимосвязи всех вещей и всеобщей человечности. Использовать общую добрую волю. Уверенность в желании большинства людей жить в согласии. Понимать, что исцеление признает наличие боли и разрыва и означает совместный путь преобразования. Уверенность в присущем всем людям достоинстве.

Для каждой из сторон существуют определенные рекомендации:

- Жертвы должны иметь возможность участвовать в процессе восстановления ущерба, нанесенного преступлением, но не должны принимать участие в принятии решений о карательных санкциях.

- Признание нанесенного ущерба преступниками должно приветствоваться, равно как и максимально возможная компенсация такого ущерба, однако не следует спрашивать с преступников за то социальное давление, которое повлияло на их поведение (я намеренно не говорю «обусловило их поведение»).

- Сообщество должно способствовать реинтеграции преступников в общество и не должно отсекалть или исключать их, оно также должно предлагать помощь жертвам.

Доктрина понимания и восстановительная парадигма, представленная Л. Голд и другими зарубежными и отечествен-

ными исследователями [5; 9; 11], основывается на богатейшем опыте работы эдологов (психосоциальных работников) и посредников в ювенальной юстиции, она имеет значение для практики гуманистического примирения в любом контексте, в которых в основе конфликта лежит кризис взаимоотношений. Это особенно верно, когда стороны переживают потерю нормальных взаимоотношений (между коллегами на работе, друзьями и супругами, родителями и детьми или соседями). Обидчик и пострадавший, даже не будучи знакомы ранее, могут неожиданно оказаться в особого рода ситуациональном взаимодействии. Кроме того, жертвы преступлений, особенно серьезных, часто переживают потерю ощущения безопасности, неприкосновенности. Понимание и применение практики примирения основывается на безусловном уважении жизни человека, человеческих взаимоотношений и общества, глубокой духовной связи людей, учете всего разнообразия религиозных, культурных, политических различий в образе жизни.

Опыт ювенальной юстиции, внедренный также в контексте юстиции матуральной, обогащает само представление о преступлении или ситуации, связанной с нанесением и компенсацией ущерба обществу и его членам, превращая пострадавших из жертв в преступника, а подозреваемых, обвиняемых, осужденных – из жертв карательного судопроизводства в людей, обладающих подлинной, а не мнимой правосубъектностью. Однако в мире до сих пор используются лишь элементы восстановительного правосудия, но не все его возможности, процесс и на теоретическом и на практическом уровне идет медленно [1; 3; 8]. Прежде всего потому, что люди мало внимания обращают на процессы сотрудничества и социальной взаимовыручки, в противовес конкуренции и попыткам манипулирования и управления друг другом и самими собой. Отсутствие доверия в отношениях снижает человеческий и социальный капитал, который, как известно, служит основой развития страны. Однако понимание, что рост «тюремного народа» и ужесточение расправ над жертвами несовершенной социальной системы, в том числе системы государственного управления – отдельная задача развития человечества.

Библиографический список

1. *Арпентьева М.Р.* Этические проблемы ювенальной и матуральной юстиции // Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы НПК 25 ноября – 2 декабря 2014 года, г. Москва. – М.: МГУ, МГЮА, 2014.
2. *Бэйзмор Г.* Три парадигмы ювенальной юстиции // Восстановительная ювенальная юстиция. – Пермь: Изд-во ПНИЦАА, 2006. – С. 8–25.
3. *Гринин Л. Е.* Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.
4. *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. М.: Идея-Пресс, 1999.
5. *Максудов Р.* Движение за восстановительное правосудие в России: предмет институционализации // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 2. – М.: МОО Центр – Судебно-правовая реформа, 2000. С. 4–12.
6. *Максудов Р.Р., Флямер М.Г.* Программа восстановительного правосудия и социальная работа: возможности взаимодействия // Вестник восстановительной юстиции. – 2000. – № 1. – С. 13.
7. *Ювенальные технологии* / Под ред. О.В. Зыкова и др. – М.: НАН, 2004. – 352 с.
8. *Braithwaite J.* Crime, Shame and Reintegration. Cambridge, UK: CUP, 1998.
9. *Bush R.A.B. and Folger J.P.* The Promise of Mediation Responding to Conflict Through. – San Francisco: Jossey-Bass, 1994.
10. *Fattah Ez.* Towards a victim policy aimed at healing, not suffering // Victims of crime / Eds. by A. J. Lurigio et al. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.
11. *Gold L.* Influencing Unconscious Influences // Mediation Quarterly. – 1993. – 11 (1). – P. 55–66.
12. *Standards for Restorative Justice.* – L.: Restorative Justice Consortium, 1998.
13. *Zehr H.* Changing Lenses – Scottdale, PA: Herald Press, 2005.

УДК 340.1
ББК 67.0

СТАДИИ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В.П. Беляев, Ж.Д. Антонова

Юго-Западный государственный университет, Курск

В статье определяется понятие правовой защиты во взаимосвязи с юридическим процессом, а также изучаются стадии механизма защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: правовая защита, юридический процесс, стадия юридического процесса, стадия механизма защиты.

V. P. Belyaev, Z. D. Antonova

Southwest State University, Kursk

STAGES OF THE MECHANISM OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS: THEORY QUESTIONS

In article the concept of legal protection in interrelation with legal process is defined, and also stages of the mechanism of protection of the rights and freedoms of citizens are studied.

Key words: legal protection, legal process, stage of legal process, protection mechanism stage.

Следует сразу отметить, что правовую защиту, с нашей точки зрения, целесообразно и продуктивно рассматривать в ее взаимосвязи с юридическим процессом [4, с. 38–54]; особенно это относится к динамической стороне механизма защиты прав и свобод граждан, то есть его функционированию.

В этой связи механизм правовой защиты в широком смысле предстает как система взаимосвязанных правовых форм деятельности индивидуальных (граждан) и коллективных (об-

ществленных объединений, юридических лиц, органов государства) субъектов права; в узком смысле – это система взаимосвязанных, специально упорядоченных, следующих друг за другом действий и операций, подчиненных общей цели и приводящих с помощью соответствующих приемов и средств к конкретному результату – восстановлению нарушенного права.

Поскольку формами правовой защиты выступают правотворческая и правоприменительная деятельность, функционирование механизма защиты прав и свобод граждан предполагает:

- разработку, принятие, изменение, отмену уполномоченными государственными органами нормативно-правовых актов, содержащих гарантии защиты прав человека, полномочия субъектов правозащитных отношений, процессуальный порядок реализации права на защиту и ответственность субъектов за нарушение прав (правотворческая составляющая);

- реализацию правоприменительными органами нормативных предписаний, принятие индивидуально-властных, юридически значимых решений, направленных на реализацию прав и свобод граждан (правоприменительная составляющая).

Таким образом, последовательность осуществления защиты прав и свобод граждан обеспечивается процессуальными стадиями, составляющими в целом механизм таковой.

В общетеоретическом плане процессуальные стадии – это динамическая характеристика юридического процесса: они дают представление о начальном моменте ее осуществления, свидетельствуют о каких-то промежуточных (иногда относительно обособленными) этапах, а также являются логическим завершением производства по конкретному юридическому делу.

В общей теории права большинство ученых правоприменительный процесс подразделяют на три основные стадии: а) установление фактических обстоятельств дела, то есть совершение действий, связанных с анализом фактов, доказыванием их полноты и достоверности; б) выбор и анализ нормы права, подлежащей применению в связи с установленными по делу фактическими обстоятельствами (квалификация); в) решение юридического дела по существу, выраженное в издании акта применения права [6, с. 30; 7, с. 24].

Деятельность участников административного процесса также развивается во времени как последовательный ряд связанных между собой процессуальных действий по реализации прав и взаимных обязанностей. Процесс проходит несколько следующих друг за другом стадий.

Так, по мнению Д.Н. Бахраха, под стадией в административном процессе следует понимать «такую сравнительно самостоятельную часть производства, которая, наряду с его общими задачами, имеет свойственные только ей задачи. Стадии отличаются друг от друга и кругом участников производства». Ученый предлагает делить административное производство на четыре стадии: а) административное расследование; б) рассмотрение дела; в) пересмотр постановления; г) исполнение постановления. На каждой из стадий, отмечает Д.Н. Бахрах, существуют этапы – группы взаимосвязанных действий [1, с. 540–541].

Соглашаясь с последним утверждением автора, однако не вполне разделяем его подход к определению стадий административного процесса. Прежде всего, не следует в число основных стадий включать пересмотр постановления. Скорее, это – факультативная стадия, поскольку она не является обязательной и реализуется только в определенных случаях.

Кроме того, по непонятным причинам из системы стадий административного процесса Д.Н. Бахрах исключает, пожалуй, самую главную – возбуждение дела об административном правонарушении, предусмотренную ст. 28.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Представляется, что набор стадий в административном процессе в соответствии с действующим законодательством выглядит следующим образом: а) возбуждение дела об административном правонарушении (ст. 28.1 КоАП РФ); б) административное расследование (ст. 28.7 Кодекса); в) рассмотрение дела об административном правонарушении; г) исполнение постановления по делу об административном правонарушении (раздел V Кодекса). В этом нам видится правильный подход к определению стадий в административном процессе, исходя из основного критерия – действующего законодательства, а также с учетом логики осуществления действий и операций

с момента возникновения дела вплоть до его разрешения по существу.

Если говорить о контрольном процессе, то он представляет собой систему последовательно сменяющих друг друга однообразных этапов деятельности контролирующих (лидирующих) субъектов, получивших в науке название стадий. Мы предлагаем включать в контрольный процесс следующие стадии: а) организационно-подготовительная; б) установление фактических обстоятельств дела, анализ фактов; в) выработка и принятие решения; г) проверка и исполнение решения [3, с. 57–61; 5, с. 183–186].

В свою очередь, в систему надзорного процесса включаются такие стадии: а) возбуждение надзорного производства; б) сбор и проверка материалов о нарушении законности; в) реагирование на выявленные правонарушения (принятие мер) [2, с. 36–38; 5, с. 222].

Можно было бы продолжить анализ вопросов относительно стадийности юридического процесса с учетом мнения ученых и действующего законодательства. Однако, полагаем, что изложенное в достаточной степени позволяет сделать следующие выводы:

1. Процессуальные стадии присущи любому виду юридической деятельности; они имеют свои пространственно-временные границы.

2. В каждой процессуальной стадии могут быть обнаружены, кроме главных целей и задач, факультативные элементы, которые дают возможность подчеркнуть автономность каждой из стадий и их специфическое наполнение в зависимости от вида юридической деятельности.

3. Каждая из стадий юридической деятельности (и соответственно, юридического процесса) может включать в себя определенные этапы, в ходе которых решаются промежуточные задачи, входящие в динамический процесс разрешения юридического дела.

4. Содержание стадий юридического процесса нельзя представлять как нечто статическое; оно постоянно изменяется и дополняется; но наряду с этим, всегда индивидуально, хотя включает в себя нечто общее, присущее содержанию всех стадий юридического процесса.

Таким образом, под процессуальной стадией юридической деятельности следует понимать автономный комплекс процессуальных действий, закрепленных действующим законодательством, объединенных общей конечной целью, осуществляемых в определенных пространственно-временных границах, с определенным функциональным содержанием и в логической последовательности, направленных на достижение конечного, материально-обусловленного результата.

С учетом изложенного выше, предлагаем выделять следующие стадии механизма защиты прав и свобод граждан:

1) Стадия признания прав и свобод граждан как стадия их правовой защиты включает нормотворческую деятельность соответствующих органов государственной власти и местного самоуправления: принятие нормативных правовых актов, в которых закрепляются права и свободы человека и гражданина и процедуры их защиты, а также имплементация норм международного права, ратификация международных договоров и т.д. Данная стадия создает основание для реализации субъективных прав и свобод личности. Это часть правотворческого процесса, в котором закрепляется перечень прав и свобод граждан и определяются процедуры защиты тех или иных субъективных прав.

2) Стадия выявления нарушения права – юридический факт, основание для «запуска» правозащитного процесса. Осуществляется посредством обращения различных лиц либо как результат правоохранительной работы государственных органов (в ходе оперативно-розыскной деятельности, проверок, ревизий, в порядке надзора и т.п.). Важность данной стадии заключается в том, что она предваряет использование соответствующих процедур защиты прав личности;

3) Стадия досудебного урегулирования спора (факультативная) – обращение к органам, не обладающим властными правоприменительными функциями, – медиативным органам, третейским судам и т.д.

4) Стадия непосредственной защиты нарушенного права правоприменительными органами (оперативное реагирование на

правонарушение, запуск юридических процедур, составляющих правозащитный процесс). Например, в административном процессе это: возбуждение дела об административном правонарушении; административное расследование; рассмотрение дела об административном правонарушении; исполнение постановления по делу об административном правонарушении. Данная стадия завершается восстановлением нарушенного права.

5) Контрольно-надзорная стадия включает деятельность государственных органов, осуществляющих исполнительные, узкоспециализированные контрольные, разрешительные, регулирующие и другие функции. Проверка может осуществляться как с точки зрения законности (в процессе надзора), так и путем принятия мер (в ходе или по результатам надзора) государственного принуждения (мер предупредительно-пресекающего характера и мер юридических наказаний).

Такими нам видятся основные стадии механизма защиты прав и свобод граждан.

Библиографический список

1. *Бахрах Д.Н.* Административное право России. М., 2000. 640 с.
2. *Беляев В.П.* Надзорно-процессуальные стадии // Современное право. 2005. № 6. С. 36–41.
3. *Беляев В.П.* Стадии контрольного процесса: теоретический аспект // Право и государство. 2015. № 1 (66). С. 57–61.
4. *Беляев В.П., Беляева Г.С., Ларина О.Г.* Юридическая деятельность и ее процессуальное оформление: общетеоретические аспекты: монография. Курск, 2015. 183 с.
5. *Беляев В.П.* Контроль и надзор в Российском государстве: монография. М., 2005. 272 с.
6. *Деготь Б.Е.* Налоговое контрольное производство // Финансовое право. 2003. № 5. С. 27–33.
7. *Общая теория советского права* / Александров Н.Г., Братусь С.Н., Грацианский П.С., Лейст О.Е., и др.; Под ред.: Братусь С.Н., Самощенко И.С. М., 1966. 491 с.

УДК 340.1
ББК 67.0

Г.С. Беляева

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ

В данной статье рассматриваются основные подходы к определению правовых средств, анализируются и определяются их признаки и основания для их классификации. Обобщая особенности процессуальных средств, автор приходит к выводу, что процессуальные средства представляют собой такие правовые инструменты и деяния, которые создают при их правильном подборе и использовании наиболее благоприятную обстановку для разрешения юридических дел.

Ключевые слова: юридический процесс, процессуально-правовые средства, понятие, признаки, классификация.

G. S. Belyaeva

Southwest State University, Kursk

TO THE QUESTION OF SIGNS OF PROCEDURAL LEGAL MEANS

This article provides analysis of the basic approaches to defining legal means, analyzing their constituent features, grounds and fundamentals for their classification: procedural norms, procedural relations, procedural acts. Generalizing the specific features of procedural means the author draws a conclusion that procedural means are legal instruments and acts, which when correctly chosen an used form the beneficial conditions for the resolution of legal cases.

Key words: legal process, procedural legal means, definition, characteristic features, procedural relations.

Приступая к исследованию общетеоретических проблем процессуально-правовых средств, необходимо сразу отметить, что на сегодняшний день в юридической науке имеется значительное количество монографических исследований, посвящен-

ных изучению вопросов относительно правовых средств, и только одно из них посвящено процессуально-правовым средствам непосредственно [4].

В то же время нельзя не сказать о наличии работ, посвященных изучению процессуально-правовых (далее по тексту: процессуальных) средств на отраслевом уровне, однако в них редко дается понятие процессуально-правовым средствам, как правило, оно заменяется только характеристикой процессуальных средств применительно к разновидностям юридического процесса.

Продолжая начатый разговор, рассмотрим и проанализируем общетеоретическое понятие процессуальных средств, используя высказанные в науке суждения по нему.

Так, С.К. Струнков определяет процессуальные средства как «правовые инструменты и деяния, при помощи которых обеспечиваются интересы субъектов юридического процесса» [4, с. 28]. Думается, что применительно к сфере процессуально-правового регулирования данное определение может быть признано наиболее приемлемым, и вот почему: по нашему мнению, любое процессуальное средство (иск, заявление, жалоба, ходатайство, приговор и т.д.) существует и как институциональная конструкция позитивного права, и как реальная процедура (процессуальное действие), то есть и как инструмент, и как деяние (технология).

Более детальное определение процессуальных средств предложено М.Н. Шрамковой. По ее мысли, это «целостная система объективированных в процессуально-правовых актах (нормативных, правореализационных и правоприменительных) способов, приемов и механизмов, позволяющих гарантированно достигать цели и задачи процессуально-правового регулирования, реализовывать права и законные интересы участников процессуально-правовых отношений» [5, с. 12–13]. С нашей точки зрения, при всем многообразии признаков, названных в данном определении процессуальных средств, остается неясным, какие именно способы, приемы и механизмы включены в систему процессуальных средств, а какие – нет. То есть нет авторского

видения относительно наиболее дискуссионного вопроса в юридической науке, считать ли деяния (технологии) правовыми средствами или нет [1; 2].

В данном аспекте интересно мнение И.А. Майдана, который, рассматривая на монографическом уровне вопросы процессуально-правовой политики в современной России, отмечает, что к средствам последней целесообразно относить как инструменты сугубо юридической природы, так и технологии, влекущие юридически значимые последствия, но, по сути, правовыми средствами не являющиеся. В последнюю группу средств он включает, в частности, финансово-экономические, материально-технические, информационные, политические, идеологические средства [3, с. 92–95]. Полагаем, что подобный подход может быть применим к характеристике именно процессуально-правовой политики, где сфера процессуально-правового регулирования выступает как объект преобразования (совершенствования) с помощью различных по характеру инструментов, в том числе не имеющих правового закрепления. Относительно же процессуально-правового регулирования как специально-юридического воздействия на общественные отношения следует признать, что его инструментами могут быть только правовые явления (процессы).

В результате, суммируя сказанное выше, можно отметить следующие признаки процессуальных средств:

а) процессуальные средства имеют сугубо правовой (нормативно-правовой) характер, они закреплены в нормах процессуального права, и в дальнейшем объективированы в правовых институтах, нормативно-правовых и правоприменительных актах, актах реализации права и т.д.;

б) в рамках процессуальной формы процессуальные средства формализованы в нормах процессуального права, в процессуальных документах (в исковых заявлениях, жалобах, постановлениях, приговорах и др.) и процессуальных действиях (допросах, экспертизах, обысках, выемках, осмотрах и др.);

в) процессуальные средства направлены на решение нормативно закрепленных процессуальных целей и задач.

Так, в рамках уголовно-процессуального регулирования подобные общепроцессуальные задачи обозначены в ч. 1 ст. 6 УПК РФ: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Кроме того, каждое определенное процессуальное средство также направлено на достижение конкретных процессуальных целей и задач. Например, в соответствии со ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела;

г) процессуальные средства, в свою очередь, являются способом объективизации (формализации) целей процессуально-правового регулирования, то есть их воплощения в жизнь. Другими словами, средство есть способ достижения цели, и наоборот, цель, чтобы она была достигнута, должна быть обеспечена реальными средствами (инструментами);

д) процессуальные средства носят системный характер: объединяясь, взаимодействуя друг с другом, они группируются в правовые механизмы и режимы;

е) процессуальные средства по отношению к материально-правовым выполняют обеспечительную функцию, т.е. основное предназначение юридического процесса – обеспечение надлежащей реализации материальных норм;

ж) процессуальные средства обеспечиваются возможностью применения средств государственного принуждения, в том числе мер юридической ответственности. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 294 УК РФ вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными ра-

ботами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев;

з) применение процессуальных средств всегда приводит к тем или иным юридически значимым последствиям.

В силу многообразия процессуальных средств важное значение при теоретическом изучении имеет их научная классификация, некоторые из оснований которой мы и рассмотрим.

По предмету правового регулирования выделяют конституционно-процессуальные, гражданско-процессуальные, уголовно-процессуальные, арбитражно-процессуальные, административно-процессуальные средства. Так, важнейшими гражданско-процессуальными средствами являются иск, обеспечение иска, определение суда, решение суда и другие.

По своей значимости в процессе процессуально-правового регулирования все процессуальные средства делятся на основные и вспомогательные. Основные процессуальные правовые средства используются субъектами для достижения поставленных целей и задач, вспомогательные – содействуют реализации основных средств. Например, иск является основным процессуальным средством, а заявление об обеспечении иска – вспомогательным.

В зависимости от функциональной роли процессуальные средства подразделяются на регулятивные и охранительные. Регулятивные процессуальные средства можно признать основополагающими, поскольку главное назначение права состоит в регулировании общественных отношений. Регулятивными процессуальными средствами являются дозволения и запреты. Охранительные процессуальные средства производны от регулятивных, вступают в действие при возникновении препятствий для действия регулятивных норм. К данной группе следует отнести меры принуждения, наказания, иски. Это, например, меры по обеспечению иска (ст. 140 ГПК РФ): наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц; запрещение ответчику совершать определенные действия; запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать

имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства и т.д.

Можно также выделить первичные и комплексные процессуальные средства. Первичные процессуально-правовые средства действуют на уровне отдельных элементов механизма процессуально-правового регулирования. К примеру, это меры уголовно-процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ): подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; залог; домашний арест; заключение под стражу. Комплексные процессуально-правовые средства формируются из первичных и представляют собой своеобразные конструкции, блоки процессуального инструментария. Такими средствами являются юридические институты. Например, институт производства в суде первой инстанции в уголовном процессе (раздел IX УПК РФ).

Заканчивая анализ процессуально-правовых средств, подведем некоторые итоги, заключающиеся в следующем.

Во-первых, процессуально-правовые средства представляют собой такие правовые инструменты и деяния, которые создают при их правильном подборе и использовании наиболее благоприятную обстановку для разрешения юридических дел;

Во-вторых, процессуально-правовые средства должны быть направлены на достижение целей субъектов юридического процесса. В свою очередь, сущностное предназначение юридического процесса – достижение предусмотренного законом юридического результата, заложенного в соответствующей норме материального права; обеспечение надлежащей реализации материальных норм.

В-третьих, процессуальные средства, формируясь в определенную систему, образуют механизм процессуально-правового регулирования.

Рассматриваемая категория дает возможность исследовать сущность и природу процессуального права с новой стороны – в процессе действия и реализации поставленных целей, достижения запланированного в процессуальном праве результата.

Библиографический список

1. *Беляев В.П., Беляева Г.С.* К вопросу о понятии и сущности процессуального правового режима // Вопросы правоведения. 2013. № 2 (18). С. 101–113.

2. *Беляева Г.С.* Правовой режим: общетеоретические аспекты: монография. Курск, 2013. 123 с.

3. *Майдан И.А.* Процессуально-правовая политика современной России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 222 с.

4. *Струнков С.К.* Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики. Саратов, 2005. 187 с.

5. *Шрамкова М.Н.* Понятие и закономерные свойства процессуально-правовых средств // Современное право. 2011. № 5. С. 11–14.

УДК 340.1
ББК 67.0

Ю.А. Белевская

Юго-Западный государственный университет, Курск

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье рассматриваются основные характеристики информации как объекта правового регулирования в информационном обществе.

Ключевые слова: информация, информационное общество, информационная безопасность.

Yu.A. Belevskaya

Southwest State University, Kursk

INFORMATION AS OBJECT OF LEGAL REGULATION IN INFORMATION SOCIETY

In this article the main characteristics of information as object of legal regulation in information society are considered.

Key words: information, information society, information security.

Правовое регулирование информационной сферы современного информационного общества и его материально-энергетических сфер и видов деятельности тесно связано с необходимостью развития теории права в этом обществе. Эта взаимосвязь основана на всевозрастающей роли и значении информации как основного объекта не только собственно информационной сферы. Но и как важнейшей составляющей, интегрированной в материально-энергетические объекты информационного общества и возникающих разнообразных и многообразных правоотношениях, обуславливающей и обеспечивающей необходимую эффективность правового регулирования как информационной сферы, информационной безопасности личности, общества и государст-

ва, других материально-энергетических сфер и видов деятельности общества.

При этом эффективность правового регулирования информационной сферы и обеспечения ее информационной безопасности, так и всего информационного общества в целом, будет зависеть, прежде всего, от качества информации, циркулирующей в искомой сфере, являющейся основным объектом соответствующих правоотношений, а также от воздействия на нее различных угроз.

Анализ результатов исследований и трудов известных отечественных и зарубежных ученых в области информатики, права, социотехнических систем, в том числе информационных систем различных классов, современных информационно-коммуникационных технологий (далее: ИКТ), уделивших достаточное внимание формированию и развитию терминологического базиса исследуемой предметной области, и, прежде всего содержанию термина «информация» позволил уточнить и систематизировать известные положения и сделать ряд выводов:

– одним из центральных понятий информатики, в том числе информационных систем различных классов и ИКТ, лежащих в основе развития и формирования информационной сферы, а также ее самой, в том числе и сфере ее информационной безопасности является термин «информация»;

– содержание искомого термина «информация» может быть отнесено к абстрактным категориям и первичным, аксиоматическим понятиям;

– содержание искомого термина «информация», рассматриваемое в выше перечисленных источниках, позволяет утверждать о существовании достаточно широкого спектра его понимания и толкования: от наиболее широкого, в общесистемном, философском смысле, до наиболее узкого, технократического и прагматического смысла (информация есть все сведения, являющиеся объектом хранения, передачи и преобразования) [1];

– в ряде работ под информацией понимаются определенные свойства материи, воспринимаемые управляющей системой, как из окружающего внешнего материального мира, так и из процессов, происходящих в самой системе [1];

– существует взгляд отождествляющих понятий «информация» и «сообщение», в котором информация определяется как существенная для получателя часть сообщения, а сообщение – как материальный носитель информации, один из конкретных элементов конечного или бесконечного множества, передаваемых по каналу связи и воспринимаемых на приемном конце системы связи некоторым получателем [1];

– на практике и в ходе теоретических исследований, часто термин «информация» используют, без должного анализа глубины его содержания и отождествляется с такими терминами как «знания», «данные» без учета исследования предмета реальной действительности.

– широко используемое известное содержание термина «информация», определенное К. Шенноном [4], где информацией называют количество непредсказуемого, содержащегося в сообщении, представляет вариант выбора количественной меры информации, где количество информации, есть мера того нового, которое данное сообщение вносит в сферу, окружающую получателя. В работах Хартли и Шеннона информация представляется нам лишь в своей внешней оболочке, т.е. в форме материально-энергетического носителя, которая представлена отношениями сигналов, знаков, сообщений друг к другу, являющимися синтаксическими отношениями. Количественная мера Хартли-Шеннона не претендует на оценку содержательной (семантической) или ценностной, полезной (прагматической) сторон передаваемого сообщения [4];

– в исследованиях П.У. Кузнецова информация рассматривается как сложный объект, состоящий из сигнала и отраженного образа (контента) [3];

– новый этап теоретического расширения содержания понятия информации связан с кибернетикой – наукой об управлении и связи в живых организмах, обществе и машинах. Оставаясь на позициях шенноновского подхода, кибернетика формулирует принцип единства информации и управления, который особенно важен для анализа сути процессов, протекающих в самоуправляющихся, самоорганизующихся биологических и социальных системах [3].

Развитая в работах Н. Винера концепция информации предполагает, что процесс управления в упомянутых самоуправляющихся, самоорганизующихся биологических и социальных системах является процессом переработки (преобразования) некоторым центральным устройством информации, получаемой от источников первичной информации (сенсорных рецепторов) и передачи ее в те участки системы, где она воспринимается ее элементами как приказ для выполнения того или иного действия. По совершении самого действия сенсорные рецепторы готовы к передаче информации об изменившейся ситуации для выполнения нового цикла управления. Так организуется циклический алгоритм (последовательность действий) управления и циркуляции информации в системе. При этом важно, что главную роль играет здесь содержание информации, передаваемой рецепторами и центральным устройством [2].

Таким образом, информация, по Винеру – это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств». Поэтому, кибернетическая концепция подводит к необходимости оценить информацию как некоторое знание, имеющее одну ценностную меру по отношению к внешнему миру (семантический аспект) и другую по отношению к получателю, накопленному им знанию, познавательным целям и задачам (прагматический аспект) [2].

Попытки построить модели понятия информации, охватывающие семантический аспект знания, содержащегося в некотором высказывании относительно обозначаемого объекта, привели к созданию ряда так называемых логико-семантических теорий (Р. Карнап, И. Бар-Хиллел, Дж. Г. Кемени, Е.К. Войшвилло и др.). В рамках этих теорий, информация рассматривается как уменьшение или устранение неопределенности, что фактически, адекватно взглядам Хартли и Шеннона на информацию, о которых говорилось выше.

Естественно предположить, что средствами какого-либо языка, с помощью создаваемых в нем высказываний, можно описать некоторую совокупность возможных ситуаций, состояний, альтернатив. Семантическая информация, содержащаяся

в каком-либо высказывании, исключает некоторые альтернативы. Чем больше альтернатив исключает высказывание, тем большую семантическую информацию оно несет.

С учетом выше рассмотренных подходов, взглядов, позиций ученых и специалистов, содержания действующего законодательства, сложившегося практики делового оборота современного общества в части рассмотрения содержания исследуемого термина «информация», можно сделать, следующие очевидными выводы:

– рассматриваемые термины «информация» отражают содержание и применимы для практически всех сфер и видов деятельности личности, общества и государства, и, следовательно, лежат в основе правоотношений, являясь при этом их объектом;

– достаточно сложно сформулировать содержание однозначно определенного и обобщенного термина «информация»;

– наиболее приемлемым, с учетом общеизвестного факта, что в отношении философских понятий, каждое из них имеет право на существование и приведение определения понятия к конкретному содержанию, является некорректным, по мнению автора, может быть термин «информация», отнесенный к философской категории.

Библиографический список

1. *Берг А.И.* Информация и управление. М., 1966. 63 с.
2. *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и в машине. М., 1983. 343 с.
3. *Кузнецов П.У.* Теоретические основания информационного права: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 55 с.
4. *Шеннон К.* Имитационное моделирование систем – искусство и наука. М., 1978. 470 с.

УДК 340.153
ББК 67.3

Н.В. Голохвастова

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

**ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ КРЕПОСТНЫХ СЛУЖАЩИХ
УРАЛЬСКОГО ГОРНОЗАВОДСКОГО ИМЕНИЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКИХ ВОТЧИН СТРОГАНОВЫХ)**

В статье рассматриваются представления крепостных служащих уральской горнозаводской вотчины о праве, законе, законности, основные черты, характеризующие уровень их правосознания, правовой культуры.

Ключевые слова: уральская горнозаводская вотчина, пермские имения Строгановых, крепостные служащие, правосознание, самосознание, правовая культура.

N. V. Golohvastova

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

**LEGAL CONSCIOUSNESS SERFS EMPLOYEES
OF THE URAL MINING AND METALLURGICAL ESTATE
IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF PERM ESTATES STROGANOFF)**

The article deals with the submission of serfs employees Ural metallurgical patrimony of the law, the law, the rule of law, fundamental Jun-you characterize the level of legal awareness and legal culture.

Key words: Ural mining estate, Perm country seat of the Stroganovs, serf employees, legal consciousness, self-consciousness, legal culture.

Одной из своеобразнейших групп в социальной структуре российского общества первой половины XIX в., особенно в структуре уральских горнозаводских латифундий, являлись крепостные служащие. Они явственно выделялись из массы крепостного населения по своему образовательному уровню,

характеру занятий, условиям труда и быта и особенно по своему менталитету, социально-психологическим установкам [2, с. 7].

Вопрос о правовом сознании крепостных служащих специально никогда не рассматривался исследователями. Однако его изучение представляет особый интерес в связи с тем, что указанная социальная группа занимала специфическое место в системе управления горнозаводского имения, обладала более высокой культурой по сравнению с другими крепостными уральских вотчин, и, в частности – более развитым правовым сознанием. Представления, взгляды строгановских служащих о праве, законе, законности и т.п. не были оформлены в стройную систему, но наличие некоторых общих, типичных для всех представителей этой социальной категории черт правового сознания в пермских вотчинах Строгановых нельзя отрицать.

Отношение к законам, как данным свыше, созданным для блага людей и требующим поэтому беспрекословного следования им, было характерной чертой правового сознания строгановских «служителей». Как писал сельский приказчик Лука Мокрушин, «законы Государственные основаны на Священном писании, на преданиях и на чистоте совести и правды. Бог благословил помазанника своего составить эти законы для благосостояния Государства вообще, для благосостояния всех и каждого из людей Российской христианской державы. Законы должно исполнять беспрекословно, свято и ненарушимо, как и законы божественные»¹. Но, что интересно, необходимость следования государственным и религиозным законам сочетались в психологии крепостного служащего с постоянной сверкой своих действий с т.н. «законом совести». Понятие «закон совести» в лексиконе вотчинных служащих было практически тождественно понятию «справедливость», которым они тоже оперировали, например, в своих прошениях². Категория «справедливости», в свою очередь, зачастую употреблялась наравне с понятием «законность». Переплете-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 58 об.

² Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1470. Л. 1а, 30, 38, 41 об., 58, 62 об.; д. 3675. Л. 1-2, 26-27.

ние категорий правовых и нравственных – специфическая черта психологии вотчинных служащих.

Источником правовых знаний крепостных служащих уральского горнозаводского имения помимо газет были регулярно получаемые в заводских конторах и окружных управлениях копии императорских указов, правительственных положений, государственных законов, предписаний уральского горного правления и т.п., находившиеся в непосредственном пользовании административно-управленческого аппарата вотчин. Строгановские служащие были неплохо осведомлены в области государственных законов и в случае необходимости обращались к ним. Конечно, в этом смысле особо отличались поверенные – крепостные юристы феодальной эпохи. Так, поверенный Строгановых в Перми крепостной служащий Адриан Пушкин в своем прошении к графу Сергею Григорьевичу Строганову совершенно свободно оперирует многочисленными статьями различных юридических документов, пытаясь доказать не только несправедливость, но и незаконность действий пермского Приказа общественного призрения по отношению к его отпущенным на волю сыновьям. При этом Пушкин, стремившийся защитить права своих детей, дважды жаловался самому пермскому губернатору¹.

Еще лучше знали служащие «строгановское законодательство», поскольку именно оно гарантировало им особые права и привилегии. Ссылки на строгановские нормативно-правовые акты в прошениях крепостных служащих – далеко не редкость. В отличие от крепостных мастеровых, которые, как отмечает В.А. Шкерин, тоже хорошо были знакомы со «строгановским законодательством», но не пытались обосновать этими «Положениями» свои просьбы, «чувствуя их непрочность и зависимость от воли владельца» [3, с. 134], вотчинные служащие часто оперировали данными документами, причем не только высшие, но и низшие. Так, А.Е. Теплоухов, говоря о несправедливой остановке выплаты ему жалования во время его поездки за

¹ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1478. Л. 14-17.

границу на лечение, ссылается на свое право, предусмотренное пенсионным уставом для больных служащих майората Строгановых¹. Служительская вдова Татьяна Мохнаткина в своем прошении на имя главноуправляющего В.А. Волегова выражает надежду, что «благодетельное начальство» даст ей с сиротами средства к существованию не столько из милости, сколько за 13-летнюю службу мужа, «на основании правил, изданных матерью нашей, покойной Ея Сиятельством Графиней Софией Владимировной». Служащий Федор Воронин в своем прошении графу С.Г. Строганову об освобождении его от крепостной зависимости подчеркивает, что ему «по званию воспитанника Школы Земледелия и Горнозаводских наук и по правам, дарованным... в Бозе почившею графиней Софьей Владимировной, по степени аттестата... 2 разряда за 15-летнюю беспорочную службу положена награда вечным отпуском на волю»². Прекрасно зная свои права, служащие в случае необходимости аргументированно защищали их, но это всегда выражалось в форме просьбы, рассчитанной на милость владельца, но никогда – как требование.

Для правового сознания крепостных служащих пермских вотчин Строгановых были свойственны довольно четкие представления о законности и противозаконности вообще. Любые действия, направленные непосредственно против власти императора и правительства, оценивались служащими однозначно как противозаконные. Точно так же характеризовались ими и недовольство крестьян действиями владельца и вотчинного начальства, побег крестьян и т.д.³. Представители административно-управленческого аппарата строгановских вотчин осознавали себя элементом власти, хотя и занимавшим низшую ступень в её иерархии [1, с. 58].

Таким образом, сознание крепостных строгановских служащих в конце XVIII – первой половине XIX в. характеризова-

¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 613. Оп. 1. Д. 70. Л. 65-65 об.

² РГАДА. Ф 1278. Оп.2. Д. 4659. Л. 3об., 6 об.; д.1478. Л.2.

³ Там же. Д. 1470. Л. 5 об., 37-37 об.

лось наличием определенной совокупности наиболее распространенных в их среде представлений о правовых явлениях; социально-психологических установок, направленных в правовую сферу. Эти взгляды, установки, основанные на правовых знаниях «служителей», находили непосредственное выражение в их реальной жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Голохвастова Н.В.* Традиции и инновации в профессиональной деятельности служащих уральской горнозаводской вотчины (на примере пермских вотчин Строгановых) // Антро. 2015. № 1. С. 56–78.

2. *Курмачева М.Д.* Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). М., 1983.

3. *Шкерин В.А.* Социальное самосознание уральских рабочих первой половины XIX века (по материалам прошений): дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992.

УДК 341
ББК 67.412.1

Е.П. Клименко

Таврическая академия
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», Симферополь

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ (1851–1951 ГГ.)

Статья посвящена вопросу международного сотрудничества государств в сфере борьбы с инфекционными заболеваниями в период с 1851 по 1951 гг. Проведен анализ всех крупных международных медицинских учреждений, деятельность которых была направлена на обеспечение эпидемиологической безопасности в мире.

Ключевые слова: международное сотрудничество, инфекционные заболевания, международная организация, санитарно-эпидемиологическая безопасность.

E.P. Klimenko

Taurida Academy
FSAEI HE “Crimean Federal V. I. Vernadsky University”

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST INFECTIOUS DISEASES

The article is devoted to the question of international cooperation of the states in the fight against infectious diseases in the period from 1851 to 1951. The analysis of all the major international medical institutions, whose activities were aimed at providing epidemiological safety in the world, was carried out.

Key words: international cooperation, infectious diseases, international organization, sanitary-epidemiological security.

На сегодняшний день все чаще наука международного права концентрируется на вопросе международного сотрудничества в таких сферах как валютно-финансовая, инвестиционная, банковская деятельность, кредитные отношения и т.д. Безусловно, такие отрасли имеют немаловажное значение для пре-

дотворачивания мирового экономического кризиса, развития международного диалога в сфере финансового рынка. Однако нельзя забывать об обеспечении нормальной жизнедеятельности населения, рассмотрении вопросов улучшения услуг здравоохранения, развитии санитарно-эпидемиологических условий. Только прошедший 2014 г. запомнился всей мировой общественности губительной и опасной лихорадкой Эбола в Западной Африке, которая началась в Гвинее и продолжается до сих пор, выйдя за пределы страны и распространившись на Либерию, Сьерра-Леоне, Нигерию, Сенегал, США и Испанию [1]. В силу этого, научный анализ развития международной кооперации в сфере противостояния эпидемиям представляется необходимым и своевременным. Рассматривая данный вопрос в период с 1851 г., когда была проведена первая международная санитарная конференция, и заканчивая 1951 г., датой принятия международных санитарных правил, успешнее всего можно проследить все ключевые аспекты зарождения и дальнейшего развития такой деятельности.

Эпидемия холеры в Европе с 1830 и 1847 гг. принесла много ущерба и хлопот как представителям власти, так и в целом всему населению. Эти вспышки вызывали не только серьезную заболеваемость и смертность по всей Европе, но и увеличение нагрузки на потоки международной торговли. В это время возникла острая необходимость международного сотрудничества государств в борьбе с инфекционными заболеваниями. Начало такой работе было положено в ходе проведения первой международной санитарной конференции в Париже, Франция, в 1851 г. Так, на протяжении второй половины XIX в. были проведены 10 санитарных конференций и принято 8 конвенций (большинство из которых не вступило в законную силу) относительно межгосударственных мер, направленных на приостановление эпидемий [2, p. 2623].

Созывая первую санитарную конференцию, правительство Франции руководствовалось чрезвычайно разумным желанием достигнуть международного соглашения по стандартизации карантинных мер, направленных на предотвращение ввоза холеры, чумы и желтой лихорадки [3, p. 12]. Однако итогом стала

неудавшаяся Конвенция. За первой конференцией последовала следующая, в 1859 г., также в Париже. На ней был составлен только проект Конвенции. На третьей конференции, в 1866 г., в Константинополе, были выработаны правила паломничества в Мекку. На четвертой, в 1874 г., в Вене, было вынесено предложение о создании международного санитарного бюро. На пятой, в 1881 г., в Вашингтоне, были разработаны рекомендации касательно уведомления об эпидемиях через международное бюро. На шестой, в 1885 г., в Риме, были составлены прочие рекомендации, в первую очередь касающиеся холеры. На седьмой, в 1892 г., в Венеции, была принята первая эффективная Конвенция, ограничивающая паломничество в Мекку. На восьмой конференции, в 1893 г., в Дрездене, была принята общая Конвенция по холере. В Париже, на девятой конференции, в 1894 г. была выработана дальнейшая Конвенция о холере и паломничестве в Мекку (не действующая). На одиннадцатой конференции, в Париже, в 1903 г., была подписана объединенная Конвенция по холере и чуме. На двенадцатой конференции, в 1912 г., в Париже, принята Конвенция с внесенными поправками, включая желтую лихорадку. Тринадцатая конференция, в 1926 г., в Париже, ознаменовалась принятием Конвенции с внесенными поправками, включая сыпной тиф и оспу. На четырнадцатой, в 1938 г., были внесены поправки к Конвенции [4, р. 40].

Проведение таких совещаний было крайне важно и целесообразно, однако уже в начале XX ст. участники пришли к выводу о том, что необходимо создать единый, постоянно действующий орган, ответственный за принятие и согласование эпидемиологических правил и инструкций. Так, на одиннадцатой Международной санитарной конференции, состоявшейся в Париже в 1903 г., было принято решение об учреждении Международного бюро общественной гигиены (МБОГ). Оно было основано согласно римскому соглашению от 9 декабря 1907 г. и базировалось в Париже. Действующее от имени государств-участников, основной целью МБОГ было руководство международной кодификацией процедур по карантину и связанной с ним надзорной деятельности. В пределах этой компетенции, МБОГ выполняло три основные функции:

– как орган, ответственный за пересмотр и подписание международных санитарных конвенций и связанных с ними конференций;

– как техническая комиссия для изучения эпидемических заболеваний;

– как агентство для оперативного обмена эпидемиологической информацией, касающейся заболеваний, охватываемых международными санитарными конвенциями.

Парижская штаб-квартира МБОГ находилась на 195 Бульваре Сен-Жермен, которая стала центром распространения регулярного (ежемесячного) отчета для государств-участников под названием *Bulletin Mensuel* (Ежемесячный Информационный Бюллетень).

Развитие событий после Первой мировой войны ознаменовало начало официального сотрудничества между МБОГ и вновь созданной Лигой Наций. Пакт Лиги Наций включал статьи, касающиеся заинтересованности международного сообщества в профилактике и контроле над заболеваниями, и, чтобы избежать дублирования в целях деятельности, был рассмотрен вопрос о продолжении работы МБОГ под эгидой Лиги [4, р. 39–40]. Соединенные Штаты возражали против такой договоренности и, хотя было учреждено, что постоянный Комитет МБОГ выступал генеральным Консультативным советом организации здравоохранения Лиги Наций, МБОГ и Организация здравоохранения Лиги Наций продолжали действовать как самостоятельные международные организации здравоохранения в Париже и Женеве вплоть до послевоенного периода.

Одной из главных задач МБОГ в первые межвоенные годы было контролировать пересмотр санитарной Конвенции 1912 г. Заключительная Международная санитарная Конвенция 1926 г. увеличила количество карантинных болезней до пяти (путем добавления оспы и тифа), а также обязала страны немедленно уведомлять о первых случаях чумы, холеры и желтой лихорадки и появления тифа и оспы в эпидемической форме. Международная санитарная конференция 1926 г. также рекомендовала, чтобы некоторые региональные организации функционировали в качестве регионального Бюро МБОГ для сбора эпидемиологи-

ческой информации. К 1927 г. были приняты меры для трех таких организаций (Восточное бюро Лиги Наций в Сингапуре, Панамериканское санитарное бюро в Вашингтоне, и санитарный, морской и карантинный Совет в Египте и Александрии), чтобы выполнять эти функции. В свою очередь, от МБОГ требовалось ретранслировать полученную информацию всем странам еженедельно или, в неотложных случаях, немедленно [4, р. 40–41]. Та же информация составляла основу для регулярного коммюнике МБОГ, которое было включено в Еженедельную эпидемиологическую сводку организации здравоохранения Лиги Наций с ноября 1928 г., в то время как дополнительная информация, полученная от правительств, была опубликована на страницах Международного морского санитарного справочника (*Annuaire Sanitaire Maritime International*).

С годами работа МБОГ, помимо морского карантина, охватывала такие вопросы, как карантинные правила для воздушного движения (Международная санитарная Конвенция для воздушной навигации была разработана в 1932 г. и вступила в силу в 1935 г.), венерические заболевания у моряков, международная стандартизация анти-дифтерической сыворотки и контроль за наркотическими средствами. В 1945 г. Администрации помощи и восстановления Объединённых Наций (АПВОН) взяли на себя ответственность за обязанности МБОГ в отношении международных санитарных конвенций; МБОГ ликвидировалось на основании протокола, подписанного 22 июля 1946 г. с оговоркой на то, что эпидемиологическая служба будет включена в состав временной комиссии Всемирной организации здравоохранения 1 января 1947 г. [4, р. 41–42].

Международное бюро общественной гигиены стало первой постоянной, всеобщей организацией здравоохранения, и единственной вплоть до 1923 г. В отличие от санитарных конференций, деятельность МБОГ в том числе была посвящена вопросам распространения заболеваний в странах с неудовлетворительными эпидемиологическими условиями, где туберкулез, сыпной тиф, венерические заболевания и болезни рабочих стали социальным бедствием.

В продолжение рассмотрения данного направления, следует отметить на важную особенность развития международного сотрудничества в рассматриваемый нами период. Так, одна из ведущих стран, заинтересованная в обеспечении эпидемиологической безопасности в мире, США, не принимала участия ни в одной из международных санитарных конференций, будучи только одной из 16 стран, которую правительство принимающей страны (Турции) призывало не принимать приглашение на треть конференций – несомненно, из-за последствий Гражданской войны. В течении XIX в. Соединенные Штаты неоднократно постигали вспышки холеры, завезенные в основном европейскими иммигрантами, которых насчитывалось 6 192 240 за десять лет с 1881 по 1890 гг. и желтой лихорадки, вызванной морскими соглашениями с Южной и Центральной Америкой и Кубой [5, р. 5–6]. Исходя из этого, необходимо было применять неотложные меры для регулирования санитарно-эпидемиологической ситуации в стране.

Для этого международная санитарная конференция в Вашингтоне (1881 г.) рекомендовала принять проект конвенции по созданию международного органа, который будет заниматься на постоянной основе вопросами здравоохранения, продвижения исследований по эпидемиям, проектов для реализации карантинных мер и периодическим проведением международных санитарных конференций. Это предложение было реализовано на региональном уровне.

В 1901 г. вторая Международная конференция американских государств в Мехико предложила провести встречу делегатов санитарных организаций каждого государства. Первая встреча состоялась в Вашингтоне в декабре 1902 г. На ней было создано Панамериканское санитарное бюро (ПАСБ): его главными функциями были стимулировать обмен эпидемиологической информацией, распространять данные о состоянии здоровья в целом и предоставить помощь в борьбе с эпидемиями и санацией гаваней и городов. Эти функции были более четко определены и расширены в Панамериканском санитарном кодексе 1924 г. В нем содержались нормы о расширении связей Бюро с санитарными органами республик, о приеме на работу экспер-

тов для эпидемиологических и медицинских исследований. Кроме того, была закреплена норма о том, что Бюро имело право, по просьбе санитарных властей государств, присоединившихся к документу, способствовать обмену преподавателями, врачами и экспертами в области медицины и санитарной администрации. Информация данной организации распространялась в ежемесячном бюллетене, опубликованном на всех языках, на которых говорили на континенте: английском, испанском, французском и португальском. ПАСБ стало региональным бюро ВОЗ в результате соглашения между ВОЗ и Панамериканской организацией здравоохранения от 24 мая 1949 г. Однако в то же время оно сохранило свои функции внутри ВОЗ и до настоящего времени [6, р. 3].

Создание Организации здравоохранения Лиги Наций в период после Первой мировой войны ознаменовало начало новой эры международного сотрудничества в области здравоохранения. Вследствие серии опустошительных эпидемий холеры и сыпного тифа, которые распространились по всей Восточной Европе и привели к сокращению населения в то время, в Женеве в 1921 г. был создан Комитет по здравоохранению Лиги Наций. Конституция Организации Здравоохранения была принята в сентябре 1923 г., и в течение следующих двух десятилетий в компетенцию организации входило создание комиссии по малярии (1923 г.) и комиссии по раку (1923 г.), наряду с техническими комиссиями по стандартизации биологических препаратов, жилью, физической культуре, сыпному тифу, проказе и сельской гигиене, и другими, связанными со здоровьем проблемами [4, р. 42].

На первом заседании Комитета по здравоохранению Лиги Наций, состоявшемся в августе 1921 г., рассматривался «вопрос об организации мер и средств для более быстрого обмена эпидемиологической информацией».

Необходимость эпидемиологических сведений была продемонстрирована в ходе работы комиссии Лиги Наций по эпидемиям (изначально комиссия по тифу), которая была создана в апреле 1920 г. для остановки непрекращающихся вспышек

сыпного тифа в Польше, Советской России и Украине, Латвии и Греции. В ответ на это Служба санитарно-эпидемиологической разведки учредила в Женеве Отдел здравоохранения и начала готовить доклады о санитарно-эпидемиологической ситуации в Восточной Европе в 1921 г. Эти доклады были впервые опубликованы в 1922 г. и постепенно распространились не только на Восточную Европу, но и на Центральную Европу, и все европейские страны. Подробности докладов включали серию эпидемиологической разведки и, параллельно, другие статистические данные из иных отделов здравоохранения [4, р. 43].

Относительная распространенность инфекционных заболеваний в Азии подтолкнула на создание Восточного бюро Организации здравоохранения Лиги Наций в Сингапуре в марте 1925 г. Под начальным руководством Гилберт Э. Брука, Восточное Бюро стало примером раннего использования беспроводных связей в международном сотрудничестве в области здравоохранения и санитарно-эпидемиологическом надзоре [4, р. 43].

Основные задачи бюро:

– собирать информацию о масштабах эпидемий в портах в районе, простиравшемся от Кейптауна до Владивостока и Александрии, включая Австралию;

– получать разведывательную информацию о зараженных кораблях, классифицировать ее и заново телеграфировать [4, р. 43].

Организация здравоохранения Лиги Наций имела первостепенное значение в сфере обеспечения санитарного контроля на протяжении 1923–1946 гг. Она являлась одним из мировых центров эпидемиологического сбора информации и обмена. Ни одно учреждение не осуществляло в то время издание комплексного обзора эпидемиологической ситуации в мире.

Дальнейшая история международного сотрудничества в рассматриваемой нами сфере связана с Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ). В ее обязанности входил международный контроль за эпизоотической ситуацией, а именно: а) карантинные и международные санитарные конвенции; и б) эпидемиологическая разведка и санитарно-эпидемиологический

надзор. Одной из первых основных задач ВОЗ были пересмотр и реформирование существующих Международных санитарных Конвенций [4, р. 48]. Они были приняты под новым названием «Международные санитарные правила» 25 мая 1951 г. и вступили в силу в 1952 г. [7, р. 1]

Отметим, что Правила 1951 г. представляли собой совокупность существующих конвенций, касающихся морских, наземных и воздушных перевозок в отношении в целом шести карантинных болезней [4, р. 48].

В конце 1960-х гг. ВОЗ сменила эпидемиологическую разведку на эпидемиологический надзор в качестве подхода к борьбе с заболеваниями. Новый подход включал улучшенные эпидемиологические методы (включая обработку и анализ данных, лабораторные и отраслевые исследования) и характеризовался как пример постоянного тщательного исследования и надзора за распределением и распространением инфекции и соответствующих факторов для ее эффективного управления [4, р. 49].

Как следствие этого развития, существующие Международные Санитарные правила (1951 г.) были пересмотрены и приняты в качестве международных медико-санитарных правил 1969 г.

Из вышеуказанного следует, что в период с 1851 по 1951 гг. международное сотрудничество в сфере борьбы с инфекционными заболеваниями претерпело значительных изменений. Становлением такой деятельности было проведение международных санитарных конференций, развитием стало создание и функционирование санитарных учреждений, а заключительным этапом стало учреждение Всемирной организации здравоохранения.

Библиографический список

1. *Заявление ВОЗ по итогам совещания Комитета Международных медико-санитарных правил по чрезвычайной ситуации в отношении вспышки Эболы 2014 г. в Западной Африке* [Электронный ресурс] // офиц. веб-сайт ВОЗ. URL: <http://www.who.int/mediacentre/news/statements/2014/ebola-20140808/ru/> (дата обращения: 16.05.2015).

2. *Lawrence O. Gostin*. International Infectious Disease Law: Revision of the World Health Organization's International Health Regulations / Lawrence O. Gostin // Journal of the American Medical Association. 2004. Vol. 291. № 21. P. 2623–2627.

3. *The scientific background of the International Sanitary Conferences 1851–1938*. Geneva: World Health Organisation, 1975. 110 p.

4. *Andrew Cliff*. Oxford Textbook of Infectious Disease Control: A Geographical Analysis from Medieval Quarantine to Global Eradication / Andrew Cliff, Matthew Smallman-Raynor. Oxford: Oxford University Press, 2013. 193 p.

5. *Norman Howard-Jones*. The Pan American Health Organization: Origins and Evolution. Geneva: World Health Organization, 1981. 20 p.

6. *The World Health Organization. International Organization and the Evolution of World Society* / Yves Beigbeder [et. al.]. Vol. 4. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1998. 216 p.

7. *International Sanitary Regulations*. World Health Organization Regulations. No. 2. Geneva: World Health Organization, 1951. 100 p.

УДК 329.12.+94 (47) «19»
ББК 66.05

Е.С. Козьминых

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

ЗАПАДНИКИ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Выступая против слепого копирования западных образцов общественно-политической жизни, либеральный журнал «Вестник Европы» признавал огромную важность изучения национально-культурных ценностей, опоры на них, их развития, обогащения. Публицисты данного издания выступали за разумное использование всего лучшего, что создано мировой культурой, достижений общечеловеческой мысли передовых европейских стран.

Ключевые слова: российский либерализм, национально-культурные ценности, британский классический либерализм, свободы и права личности.

E. S. Kozminykh

Western-the Ural Institute of Economics and law, Perm

WESTERNERS “HERALD OF EUROPE” ABOUT NATIONAL-CULTURAL VALUES

Speaking out against blind copying of Western models of political life, liberal magazine “Herald of Europe” recognized the great importance of the study of national-cultural values, reliance on them, their development and enrichment. Publicists of this publication advocated judicious use of all the best that the created world culture, achievements of human thought advanced European countries.

Key words: Russian liberalism, national-cultural values, British classical liberalism, freedom and individual rights.

Национально-культурные ценности в каждом обществе во все времена являются надежным фундаментом для дальнейшего движения, духовного развития поколений. Чтобы глубоко познать и преумножить свое национально-культурное бо-

гатство, необходимо всесторонне изучить весь процесс исторического развития данного народа в сравнении с историей других народов. Над этой важнейшей задачей трудилась историческая и общественно-политическая мысль России второй половины XIX в. Это была сложная переходная эпоха, страна проходила через непростые испытания либеральных реформ Александра II, росло освободительное движение, менялись общественные идеалы.

Крупным центром научной и общественно-политической мысли России второй половины XIX в. явился основанный в 1866 г. в Санкт-Петербурге журнал «Вестник Европы». Вначале редактором-издателем его был историк, активный земский деятель М.М. Стасюлевич, а затем в 1908–1916 гг. издавал журнал М.М. Ковалевский, редактировал К.К. Арсеньев.

Основную источниковую базу статьи составляют материалы либеральных авторов на страницах «Вестника Европы». Кроме того, существенным источниковым комплексом является переписка редактора «Вестника Европы» («М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке». В 5 томах. СПб, 1911–1913), материалы архивного фонда М.М. Стасюлевича и редакции «Вестника Европы», хранящиеся в рукописном отделе Института русской литературы РАН и рукописном отделе РНБ (СПб.). Деятельности редакции журнала посвящены работы А.А. Алафаева, В.Е. Кельнера, В.А. Китаева, Н.А. Розмановой, Е.В. Артемьевой, А.В. Кайль, помогающие ориентироваться в многогранном наследии «Вестника Европы». [1, 10]

«Вестник Европы» объединил передовую либеральную интеллигенцию (учёных, историков, публицистов и литераторов, земских деятелей), все прогрессивные круги общественности. Журнал стал важнейшим печатным органом российского западничества второй половины XIX в. Возникнув как журнал исторический, он способствовал формированию ценностного отношения к истории у своих читателей, подчёркивал важность изучения своей истории (своих культурно-исторических корней) и истории других стран, прежде всего – Западной Европы. Известный российский историк С. Соловьёв писал в «Вестнике

Европы»: «самый лучший способ для народа познать самого себя – это познать другие народы и сравнить себя с ними; познать же другие народы можно только посредством познания их истории... Застой – удел народов особо живущих; только в обществе других народов народ может развивать свои силы» [13, с. 676, 685]. Замечая, что русский и западноевропейский пути общественного развития имеют в целом сходный характер, редакция «Вестника Европы» писала: «Глубоко убежденные в одинаковых правах нашей народности на общечеловеческое значение, мы утверждаем, что путь развития всех образованных обществ, какими мы считаем общества европейские, есть и наш путь; а потому ближайшее знакомство с западною цивилизацией есть необходимость для нашего общества, а для нас – обязанность» [7, с. 932].

Публикуя лучшие произведения отечественной и мировой культуры, выступал за общедоступность образования, свободу печати, на страницах «Вестника Европы» постоянно звучала мысль, что национально-культурные ценности, также как и либеральные, являются неотъемлемой частью общечеловеческих ценностей. По убеждению редакции и публицистов журнала, ближе всех Россия по своему историческому развитию стоит к странам Западной Европы: её объединяет с европейской цивилизацией общая религия – христианство (в «Вестнике Европы» известный либеральный мыслитель Вл. Соловьёв, представляя свою философию положительного всеединства, выступал за объединение католической и православной церквей, что способствовало бы вовлечению России в общеевропейскую жизнь); общие гуманистические ценности (в центре внимания – человек как личность), общее идейное и общественно-политическое движение – либерализм. Поэтому Россию не нужно противопоставлять Европе, как это делали славянофилы, затем консерваторы и реакционеры; следует рассматривать её национально-культурные ценности не в отрыве, а во взаимосвязи с общечеловеческими (прежде всего, общеевропейскими). Известный либерал К.Д. Кавелин писал М.М. Стасюлевичу в 1883 г.: «Я предполагаю представить критику всех наличных главных направле-

ний и течений современной русской мысли... Цель – образовать из всех одну большую национальную русскую партию, слить все направления в одну сомкнутую русскую интеллигенцию, водворяющую общечеловеческие задачи и стремления на русской почве» [9].

Другой известный деятель либерального движения в России А.Д. Градовский, подвергнув в «Вестнике Европы» критике книгу Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе», видел важнейшую задачу передовой российской общественности в том, чтобы «...утвердить и сохранить свою народную личность в трудном процессе восприятия европейской культуры, которая должна сделаться средством развития нашей нравственной личности и наших творческих сил, ...стремление завоевать и сохранить для русских людей умственную свободу и духовную независимость всегда останется стремлением плодотворным русскому человеку, который всегда должен будет пользоваться громадным умственным и духовным достоянием запада, ...всегда будет предстоять трудная задача рассмотреть, что в этой культуре есть истинно человеческого, плодотворного и необходимого для развития и обогащения нашей народности и что является частным, преходящим и даже ложным...» [4, с. 272, 281].

«Вестник Европы» явился в 1870–80-е гг. центральным органом российского либерализма, крупнейшим печатным изданием того времени. На страницах журнала последовательно пропагандировались такие важнейшие либеральные ценности, как свобода личности и её права, социальная справедливость (характерно для западного либерализма второй половины XIX в.). Эти ценности европейского либерализма находят отражение и в российской интеллектуальной традиции. Например, за свободу личности выступали, наряду с западниками, и славянофилы, стремившиеся освободить человека от излишнего гнёта абсолютизма, однако находившими идеал общественного развития в прошлом. Об уважительном отношении сотрудников «Вестника Европы» к представителям славянофильского течения середины XIX в. говорят слова К.Д. Кавелина в письме М.М. Стасюлевичу в 1876 г.: «А как мне тяжело вспоминать

о Самарине – Вы не поверите. После Н. Милютина это самая обидная потеря для русской жизни и русского общества» [9].

На примере стран Западной Европы либеральные мыслители убеждались, что при демократическом государственном устройстве человек является самостоятельной высшей ценностью, свободный человек может сделать свободный выбор, высоко ценится достоинство человека. «В Англии вот что важно: здесь ценится человек и каждый отвечает за себя, – писал М.М. Стасюлевич, – отсюда проистекает в Англии и порядок и богатство» [14, с. 286, 296]. «Недостатки общественного здания бывают почти всегда результатом плохого развития отдельных личностей, – отмечалось в «Вестнике Европы», – поднимите значение личности и многое изменится само собой в общественном строе» [11, с. VII]. Но свобода понималась российскими либералами в тесной связи с моральной ответственностью, с обязанностями человека перед обществом.

Публицисты «Вестника Европы» выступали против копирования западного либерализма, слепого следования западным идеям. Со страниц данного издания неоднократно звучала критика индивидуализма классического европейского либерализма, экономического либерализма (ограничение вмешательства государства в экономическую жизнь страны). Отрицательно относились сотрудники журнала и к ведущему течению британского либерализма – утилитаризму, основоположник которого – И. Бентам – величайшей ценностью и основой нравственности считал пользу и в основание поведения людей в политическом обществе положил исключительно частный интерес. Критикуя индивидуализм утилитаристского толка и рассматривая человека как «существо разумно-нравственное», А. Градовский писал в «Вестнике Европы»: «Личность без сознания долга и ответственности, без чувства свободы, пассивно равнодушная и самодовольная, это ли личность, это ли образ Божий, состоящий в правде и преподобии истины..? У нее нет точки опоры вне данных явлений; она ничего не может противопоставить течению вещей...» [3, с. 307]. В критике утилитаризма И. Бентама (теория которого носила наднациональный, внеисторический

характер) либералы «Вестника Европы» были солидарны с британским либералом Дж.Ст. Миллем, который доказал, что добродетель и справедливость являются частью счастья; с ними можно достигнуть общего счастья, они способствуют развитию человечества, прогрессу.

Выступая против механического заимствования западных идей российскими мыслителями, А.Н. Пыпин указывал в «Вестнике Европы»: «Западные влияния были не случайным, а органическим явлением, которое вовсе не налагалось насильственно, а вызывалось потребностями самой жизни» [12, с. 685, 698]. Выражая общее мнение редакции «Вестника Европы» А.Д. Градовский писал: «Может быть окажется, что мы никогда не заимствовали самого существа европейской культуры, ибо это «существо» не поработило бы нас Европе, не сделало бы из нас «лакеев запада», а напротив содействовало бы нашему *национальному самосознанию*, а следовательно и *освобождению* от всяческого духовного рабства, ...для самосознания, для самоопределения, для истинной самобытности нужна самостоятельная работа мысли» [4, с. 282, 283].

Либеральные мыслители «Вестника Европы» доказывали, что незнание своих культурно-исторических корней и национальных ценностей ведёт к моральному нигилизму, господству силы и насилия. В журнале указывалось на необходимость нравственного стержня личности, нравственной опоры человека. А.Д. Градовский в письме к И.С. Аксакову (1881 г.) указывал: «Позвольте заметить, что народ не может быть идеалом. Идеалом могут быть известные нравственные начала, которые каждый носит в себе...» [8]. Важнейшим нравственным требованием они рассматривали социальную справедливость. Редакция журнала подчёркивала: «если дело идёт о распространении законов справедливости, мы везде и всюду, будет ли это в Австрии или в России, будем на стороне справедливого и прогрессивного» [7, с. 932].

Изучая историю стран Западной Европы, «Вестник Европы» прослеживал историческую эволюцию общественно-политических идей. С развитием общества, обновляются его

национально-культурные ценности, в том числе и либеральные идеи: например, переход от признания высшей ценностью исключительно личной, индивидуальной свободы (в этом отношении, критика взглядов Д. Локка, И. Бентама, Г. Спенсера и других западных либералов), к признанию высшим принципом общее благо (Дж. Ст. Милль и др.). В журнале глубоко изучался процесс эволюции классического европейского либерализма в сторону социального либерализма (например, взгляды позднего Дж. Ст. Милля), усиления роли государства в общественной жизни с целью предотвращения социальных конфликтов, указывалось на необходимость государственной поддержки различным слоям общества (прежде всего, беднейшим слоям). Государственность стала нормативно-ценностным основанием российской цивилизации. Этатизм, свойственный российскому либерализму, отражал традиционное отношение к власти в российском обществе, где государство по-отечески заботится о своих подданных, где были ещё сильны традиции общинного духа, взаимопомощи. Как писал С. Соловьёв в «Вестнике Европы», «государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства» [13, с. 686].

Однако либералы «Вестника Европы» выступали против чрезмерного усиления центральной власти, излишней государственной опеки над обществом (неизбежно грозит задушить гражданскую свободу), отстаивалось право каждого малого народа большой многонациональной страны на развитие своих национально-культурных ценностей. Либералы «Вестника Европы» уделяли особое внимание тому, чтобы государство возможно менее стесняло внутренний нравственный, вообще духовный мир человека, предоставляя его свободному духовному совершенствованию, вместе с тем возможно более обеспечивало условия для его достойного существования и совершенствования. Свобода понималась редакцией и сотрудниками «Вестника Европы» не как цель, а как средство, не как фактическая привилегия немногих, а как одно из условий, необходимых для общего благосостояния. «Чем меньше доля свободы, – указывалось

в журнале, – тем менее разнообразна, широка и плодотворна жизнь общества» [5, с. 458].

На протяжении всего своего существования «Вестник Европы» достойно давал отпор всем консервативным и реакционным отечественным изданиям, желавшим свернуть процесс реформирования в стране, отгородить Россию от Западной Европы (споры особенно участились в 1880–1890-е гг.). О том, насколько непримиримы были позиции либералов данного издания и консервативно-реакционного лагеря, говорят слова К.Д. Кавелина в письме к М.М. Стасюлевичу (1882 г.): «Я допускаю возможные компромиссы между частными людьми, как бы ни были противоположны их взгляды; но никогда, пока не сошёл с ума, не пойду на компромиссы с Катковыми, Шуваловыми, Валуевыми и Игнатьевыми, понимая, что в этой компании потеряю доброе имя, дающее мне теперь драгоценнейшее право думать что хочу и говорить что думаю, не навлекая на себя подозрений в мошенничестве и задних мыслях» [9].

Консервативно-националистическая пресса пыталась создать образ «оторванного от основ народной жизни» либерала-западника. Признавая приоритетной заботу о народном благе и считая близкими себе интересы народа, «Вестник Европы» подчёркивал необходимость не только сохранения национальной самобытности русского народа, но и развития, обновления национально-культурных ценностей в соответствии с требованиями времени. И в этом особая заслуга принадлежит интеллигенции, которая «везде и всегда опережает сознательную мысль народа» [2, с. 346]. Выражая общее мнение российских либералов, редакция журнала отмечала: «Наши националы проповедают самобытность русского народа, в смысле совокупности присущих ему от века свойств, не подлежащих изменению особенностей... Идеал наших националов – в прошедшем... – мы выразили мысль, что различия между народами в наше время клонятся не к увеличению, а к уменьшению..; совершающееся сближение наций едва ли может подлежать какому-либо сомнению» [6, с. 904, 905].

В этой полемике «Вестник Европы» твёрдо придерживался убеждения, что единство традиции и обновления – универсальная характеристика любой культуры. А.Д. Градовский писал: «Сознание народом своих особенностей, развитие тех из них, которые крепко связаны с его национальным существом, необходимо для того, чтобы народ мог сохранить себя как личность, т.е. как творческую силу. Раскрытие всечеловеческого из собственного духовного содержания и усвоение всечеловеческого от других народов необходимо для того, чтобы народ мог играть всемирно-историческую роль» [4, с. 287, 288].

Таким образом, «Вестник Европы» явился образцом глубокого изучения и широкого пропагандирования достижений мировой и, прежде всего, отечественной культуры, примером уважения не только своих, но и чужих ценностей, последовательной борьбы за культурный прогресс общества. Признавая огромную важность изучения национально-культурных ценностей, журнал вместе с тем, подчёркивал, что их нужно не консервировать в застывших формах и содержании, а развивать, обогащать, разумно используя все лучшее, что создано мировой культурой, достижения общечеловеческой мысли тех европейских стран, чей успех на пути общественно-политического и экономического прогресса очевиден. Взаимодействие культур, развитие межкультурного диалога и сотрудничества будет способствовать дальнейшему культурно-национальному самопознанию российского народа, осмыслению своего места и роли в мировом культурно-историческом развитии народов.

Библиографический список

1. *Алафаев А.А.* Идея правового государства в русской либеральной мысли на рубеже 1870–1880 гг. // «Государство и право». 2005. № 1. С. 71–79.

2. *Внутреннее обозрение* // Вестник Европы. 1881. № 5. С. 342–347.

3. *Градовский А.* Значение идеала в общественной жизни // Вестник Европы. 1877. № 1. С. 297–324.

4. *Градовский А.* По поводу одного предисловия // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 271–288.
5. *Из общественной хроники* // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 458.
6. *Из общественной хроники.* Националы и либералы в России и в западной Европе // Вестник Европы. 1882. № 6. С. 903–906.
7. *Иностранное обозрение* // Вестник Европы. 1869. № 12. С. 923–934.
8. *ИРЛИ РАН.* РО. Фонд 3, оп. 4, ед. хр. 166.
9. *ИРЛИ РАН.* РО. Фонд 293, оп. 1, ед. хр. 631.
10. *Кельнер В.Е.* Человек своего времени. (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. 308 с.
11. *Программа «Вестника Европы»* в 1868 г. // Вестник Европы. 1867. № 4.
12. *Пытин А.Н.* Вопрос о западном влиянии в русской литературе // Вестник Европы. 1896. № 10. С. 661–698.
13. *Соловьев С.* Наблюдения над историческою жизнью народов // Вестник Европы. 1868. № 12. С. 676–687.
14. *Стасюлевич М.М.* и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1.

УДК 340.153
ББК 67.3 (2) 51

А.В. Скоробогатов

Институт экономики, управления и права, Казань

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРАВА В РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I

В статье анализируется опыт систематизации права России в царствование Павла I. Автор доказывает, что деятельность Комиссии для составления законов Российской империи была успешной. Незавершенность систематизации российского права объясняется не юридическими, а политическими причинами.

Ключевые слова: систематизация права, Павел I, Комиссия для составления законов Российской империи, гражданское право, история права.

A. V. Skorobogatov

Institute of Economics, Management and Law, Kazan

LEGAL CLASSIFICATION IN RUSSIA DURING REIGN OF PAUL I

In article experience of systematization of the law of Russia in Paul I's reign is analyzed. The author proves that activity of the Commission for the drawing up laws of the Russian Empire was successful. Incompleteness of systematization of Russian law is explained not by the legal, but political reasons.

Key words: systematization of law, Paul I, the Commission for drawing up laws of the Russian Empire, civil law, history of law

Правовая реальность XVIII в. предполагала возможность развития двух противоположных альтернатив, заложенных Петром I. С одной стороны, демократизация государственно механизма и постепенный переход к общедозволительному типу правового регулирования с ориентацией на французскую просветительскую модель, характерный для царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II. С другой – крен в сторону разрешительных начал в правовом регулировании и усиление бюро-

кратического, тоталитарного контекста в функционировании государственного механизма при Петре III и Павле I, что представляло собой синтез традиционной византийско-самодержавной модели и немецкого полицеизма [5]. Несмотря на традиционно пренебрежительное отношение к царствованию последнего [7, с. 10–22], в действительности многие начинания этого времени определили основные тенденции развития России последующего столетия [4].

При вступлении на престол Павел I уже имел определенную политико-правовую доктрину, целью которой было создание полицейского, бюрократического государства, существование которого невозможно без четкой регламентации всех сторон жизни общества и государства [6]. Это объективно ставило перед ним проблему реформирования правовой системы России [2, оп. 1, д. 202, л. 55]. Важнейшим шагом на этом пути становилось проведение работы по систематизации огромного законодательного массива, накопившегося с 1649 г. Не случайно на протяжении всего XVIII в. регулярно создавались уложенные комиссии. Но если в предшествующее время речь шла о создании нового уложения, в значительной степени основанного на западной философско-правовой основе, то теперь во главу угла была поставлена систематизация имеющегося законодательства.

Со вступлением на престол Павла I на екатерининскую комиссию для составления уложения именованным указом от 16 декабря 1796 г. была возложена совершенно новая задача: «Имея всегда желание сократить письменный порядок, излишеством одних канцелярских обрядов наполненный, и отделить *чистые законы* от множества неясностей, временем и обстоятельством вкравшихся, доставя тем судьям и подсудимым поспешность в делах, доселе с крайнею медлительностью текущих, повелеваем: 1) собрать в уложенной комиссии его начальству вверенной, и во всех архивах государственных, изданные до ныне узаконения и извлечь из них *три* законов Российской Империи *книги*, а именно: *первую* – *уголовную*, *вторую* – *гражданских* и *третью* – *казенных дел*, показав в оных прямую черту закона, на

который судья утвердительно основываться должен; 2) дабы с лучшей удобностью и возможной поспешностью можно было совершить сие поручение, повелевалось избрать искусных в делопроизводстве и законопознании чиновников, и коль скоро какая-либо часть или отделение из тех трех законных книг приведет к окончанию, то вносить каждую на рассмотрение Нашего Сената, а сей по зрелом рассуждении и уважении будет оные утверждать» [1, т. 24, № 17652] (выделено нами. – А.С.).

Во главе Комиссии был поставлен генерал-прокурор А.Б. Куракин, один из ближайших к императору людей, что говорит о значении этой деятельности для нового царствования [1, т. 24, № 17697].

Составляя свод действующих законов, Комиссия должна была следовать не только «разуму» действующих «узаконений», не внося ничего нового в их содержание, но даже по возможности придерживаться их текста. При наличии нескольких законов, касающихся одного и того же предмета («материи»), комиссия обязывалась считать действующим последний по времени издания закон [3, оп. 1, д. 4, л. 20].

Однако начало работы Комиссии показало, что тесные рамки, установленные для нее императорским указом, не позволяют в полном объеме выполнить поставленную задачу. В связи с этим усилились правотворческие аспекты деятельности Комиссии. В случае наличия пробелов или коллизионных норм составители проекта прибегали к помощи генерал-прокурора, который должен был докладывать о проблеме государю. Полученное повеление монарха рассматривалось как нормативный правовой акт, восполнявший пробел или устранявший коллизию, и вносилось в проект уложения. Очевидно, подобное «поправление неясностей» и «пополнение недостатков», к тому же совершавшееся в форме Высочайших повелений, имело результатом внесение в проект новых правовых норм. Хотя эти повеления не были облечены в форму нормативных правовых актов, а представляли лишь запись повеления императора по конкретному вопросу, в соответствии с правовыми традициями XVIII в. они могут рассматриваться как именные указы по аналогии

с приказами императора, отдаваемыми при пароле, и ответами императора на жалобы подданных, которые печатались в Санкт-Петербургских ведомостях.

Успехи Комиссии по систематизации законодательства обусловили необходимость создания нового государственного органа, в задачу которого входило соотнесение проекта свода с реальными потребностями правового регулирования. В качестве такового 31 мая 1797 г. был создан съезд сенаторов [1, т. 24, № 17978]. Благодаря созданию нового органа Комиссия получила механизм разработки новых норм [3, оп. 1, д. 4, л. 32], регулирующих пробельные и коллизионные отношения, без непосредственного обращения к генерал-прокурору и императору, что в значительной степени облегчило и ускорило работу [3, оп. 1, д. 2, л. 23].

Усиление правотворческих начал в деятельности Комиссии особенно усилилось после того, как по инициативе генерал-прокурора П.В. Лопухина на «съезде» сенаторов и членов комиссии 27 ноября 1798 г. было решено при составлении проекта книги гражданских дел «заимствовать на составление всех подлежащих в сию книгу материй систематический порядок и правила из Высочайше данных бывшей комиссии о сочинении проекта нового уложения: в 1767 г. Большого Наказа, а в 1768 г. — двух ко оному дополнений и Начертания о приведении той комиссии ко окончанию, и вследствие того из сделанных бывшими тогда частными комиссиями планов» [3, оп. 1, д. 9, л. 90].

Принятое решение существенно изменило характер работы комиссии. Обращение к материалам екатерининской комиссии показало, что источником уложения может являться не только действующее законодательство, но и рецепированное иностранное право и правовая доктрина. Анализ текущего делопроизводства комиссии показывает, что в 1800–1801 гг. ее члены активно используют в работе иностранные нормативные правовые акты [3, оп. 1, д. 6, л. 36; д. 20, л. 45, 58, 60].

Указ 16 декабря 1796 г. предписал генерал-прокурору А.Б. Куракину составить три книги законов: 1) гражданских, 2) уголовных и 3) казенных дел [1, т. 24, № 17652]. Наиболее

успешной была работа по систематизации гражданского законодательства. На наш взгляд это объясняется двумя причинами: во-первых, именно этой сфере правового регулирования посвящено наибольшее число нормативных правовых актов, изданных в XVIII в., во-вторых, еще в бытность цесаревичем Павел I осознал значимость предпринимательства для развития страны и роль государства в регулировании этой сферы, что обусловило проведение им активной протекционистской политики [1, т. 24, № 17604].

Во исполнение императорского предписания генерал-прокурор Куракин поручил составление книги гражданских дел двум членам комиссии Яковлеву («судная» часть) и Ананьевскому («вотчинная» часть) [3, оп. 1, д. 1, л. 32, 46].

Приступая к работе, Яковлев составил и согласовал с генерал-прокурором план будущего проекта уложения «с разделением его на главы и статьи» [3, оп. 1., д. 4, л. 33]. Уже к июню 1797 г. судную часть была в целом составлена. С возникновением совместных заседаний сенаторов и членов комиссии проект судной части стал предметом обсуждения. Так, уже на первом заседании 9 июня 1797 г. «читана сочиненная по части гражданской о формальном суде глава I, которая и не окончена (обсуждением. – А.С.); напоследок рассудили: для окончания помянутой главы и для выслушивания изготовленных по вышеписанному ж предмету глав назначить день» [3, оп. 1, д. 2, л. 36]. На втором заседании 18 июня 1797 г. решено привести к «окончанию по части гражданской о формальном суде первой главы, которая рассмотрением окончена, причем сомнения не найдено» [3, оп. 1, д. 2, л. 40]. Также быстро были рассмотрены и две следующие главы: к началу сентября 1797 г. [3, оп. 1, д. 2, л. 41–42]

Однако на этом обсуждение проекта Книги законов гражданских дел не окончилось. Двадцать девятого сентября 1797 г. в журнале заседаний записано: «Как сочиненная для внесения в гражданскую книгу первая часть о формальном суде в минувшие времена пред сим заседанием рассматривана в разные времена, то для лучшего соображения в нынешнем собрании чита-

на та часть в полном ее составе, которой и прочтено четыре главы, и рассуждено прочие сей части главы предложить в будущее заседание» [3, оп. 1, д. 2, л. 50]. В действительности, повторному обсуждению судной части было посвящено не одно, а пять заседаний. При этом в уже готовый проект было внесено немало дополнений [3, оп. 1, д. 2, л. 59].

Однако и в дальнейшем в проект судной части вносились изменения. Среди этих изменений для нас особенно важно предложение сенатора Колокольцева, рассмотренное на заседании 23 января 1798 г., которое вошло в проект в форме новой главы под названием «Каким образом поступать в производстве суда о недвижимых имениях за отсутствием из тех имений ответчиков» [3, оп. 1, д. 2., л. 74].

Когда по инициативе генерал-прокурора П.В. Лопухина составители проекта решили коренным образом изменить план книги гражданских дел и разделить ее на две части: 1) о праве общем, 2) о праве особенном, то судную часть общее собрание сенаторов и членов комиссии 9 апреля 1799 г. постановило не оставлять в том виде, «в каком она сочинена», а «раздробить по материям в обе упомянутые две части, в разные составы, отделения и главы» [3, оп. 1, д. 2, л. 123].

Разработанная Ананьевским вотчинная часть была внесена на рассмотрение общего собрания сенаторов и членов комиссии 28 августа 1797 г. Введение и первая глава были утверждены без изменений. Остальные восемь глав подверглись переработке и дополнению новыми статьями [3, оп. 1, д. 2., л. 57].

27 ноября 1798 г. генерал-прокурор П.В. Лопухин сделал предложение о внесении в книгу гражданских дел «по всем, кроме уголовных и казенных, материям приличных узаконений, расположа сию книгу таким систематическим порядком, чтоб те узаконения различны были по материям, не смешивая одних с другими» [3, оп. 1, д. 1, л. 79]. Это предложение обсуждалось на заседании 15 января 1799 г., на котором было решено рассмотреть планы «по некоторым материям», сохранившиеся от деятельности Комиссии для составления проекта нового Уложения 1767 г. «По выслушивании ж и по рассмот-

рениии всего того, соображая прежние предметы (планы Уложенной комиссии. – А.С.) с Высочайшим Его Императорского Величества в именном 1796 г. декабря 16 дня указе предписанием, положили о всех, следующих в книгу законов гражданских дел, материях сделать генеральный систематический план, каковой труд принял на себя д.ст. сов. Ананьевский» [3, оп. 1, д. 4, л. 33]. Уже 12 марта 1799 г. Ананьевский предложил комиссии новый план систематизации, в соответствии с которым предполагалось разделить книгу законов гражданских дел на две части: 1) «О праве общем относительно сохранения целостности, доброго порядка и тишины государства», 2) «О праве особенном относительно лиц, вещей и обязательств государственных жителей» [3, оп. 1, д. 4, л. 45]. Таким образом, Ананьевский по существу предложил пандектную систему построения свода законов, которая более соответствовала потребностям правовой систематизации, но совершенно не вписывалась в российские правовые традиции и не вытекала из предыдущей работы комиссии. Утверждение общим собранием сенаторов и членов комиссии плана Ананьевского означало значительную трансформацию порядка работы комиссии и структуры и содержания подготавливаемого свода законов. 9 апреля 1799 г. общее собрание сенаторов и членов комиссии решило разделить обе части на составы, отделения, главы и статьи. Уже разработанную судную часть собрание постановило не оставлять в прежнем виде, а «раздробить по материям в обе вышеупомянутые две части, в разные составы, отделения и главы» [3, оп. 1, д. 9, л. 124]. В отношении вотчинной части никаких особых распоряжений генерал-прокурора и решений комиссии не состоялось. Однако, судя по новому плану, с ней поступили так же, как и с судной частью: она была включена в Особенную часть.

Работа по составлению нового плана книги законов гражданских дел продолжалась и после замены П.В. Лопухина на посту генерал-прокурора А.А. Беклешовым. Окончательно новый план был одобрен на заседаниях комиссии 15 августа 1799 г. и 31 марта 1800 г. [3, оп. 1, д. 4, л. 56; д. 5, л. 32]

Работа над проектом в соответствии с новым планом была завершена к апрелю 1800 г. Проект новой книги (Общая и Особенная часть) был внесен на рассмотрение комиссии 14 апреля 1800 г. Его обсуждению было посвящено шесть заседаний. Изменения, внесенные комиссией в проект Ананьевского, были незначительны. Например, в Составе II вместо одной главы о городах, в которой было сказано, что «относительно принадлежности к городам земель и прочих угодий... поступать по высочайшим о всем том Императорского Величества изданным жалованным грамотам и уставам», комиссия постановила «сочинить потребное число глав, расположа их по приличности с прописанием всех относительно сей материи потребностей». Имея в виду это постановление, Ананьевский внес в проект еще шесть глав, касающихся регулирования различных сфер городского хозяйства [3, оп. 1, д. 5, л. 52–54].

Не совсем точная дефиниция гражданского права обусловила то, что часть вопросов, регулируемых гражданским законодательством, комиссией была отнесена к книге казенных дел, составление плана которой было завершено 13 ноября 1798 г. На рассмотрение общего собрания сенаторов и членов комиссии было представлено разработанное Пшеничным «Предварительное назначение материй, долженствующих войти в книгу законов по части казенной». План был одобрен [3, оп. 1, д. 9, л. 86]. Однако проект этой книги не был составлен, а соответственно не подвергался обсуждению комиссией.

Таким образом, несмотря на то, что в царствование Павла I была создана и активно работала Комиссия для составления законов Российской империи, систематизация гражданского права не была осуществлена. Однако, несмотря на определенную недоработку подготовленных Комиссией проектов вследствие неразработанности гражданско-правовой доктрины, они соответствовали потребностям российской правовой реальности и их непринятие в большей степени объясняется смертью Павла I и восшествием на престол Александра I. Который крайне негативно относился к наследию отца. Тем не менее, деятельность Комиссии нельзя считать полностью неудачной, поскольку в

ходе ее работы были разработаны принципы и подходы систематизации гражданского права, которые были успешно развиты М.М. Сперанским.

Библиографический список

1. *Полное собрание законов Российской империи*. 1-е собр. СПб., 1830.

2. *РГВИА* (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. ВУА.

3. *РГИА* (Российский государственный исторический архив). Ф. 1259.

4. *Марголис Ю. Д., Жуковская Т. Н.* Традиции Павла I в истории русской государственности // Император Павел Первый и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России: сб. ст. / ред.-сост. Р.Г. Красюков. СПб., 1995. С. 27–39.

5. *Скоробогатов А. В.* Государственно-правовые традиции в официальной идеологии России на рубеже XVIII–XIX вв. // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 2 (6). С. 71–76.

6. *Скоробогатов А. В.* Коронация Павла I // Человек. 2003. № 6. С. 147–157.

7. *Скоробогатов А. В.* Политико-правовая доктрина императора Павла I: теория и практика. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 487 с.

УДК 341
ББК 67.400.32

В.В. Соловьева, В.В. Лисий

Бердянский университет менеджмента и бизнеса

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Настоящая работа посвящена анализу сущности «прав и свобод человека» как самостоятельных правовых категорий. В ходе исследования рассматриваются вопросы, которые отражают общие черты анализируемых категорий. Также в работе уделено внимание выявлению различий между правами и свободами человека, а также затрагивается вопрос об их первичности в соотношении друг с другом и государством.

Ключевые слова: демократическое государство, гражданское общество, правовая категория, права человека, свободы человека.

V.V. Solovyova, V.V. Lisii

Berdyansk University of Management and Business

THE RELATIONSHIP OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

The present work is devoted to the analysis of the ‘human rights and freedoms’ as independent legal categories. The study addresses the questions that reflect the common features of the analyzed categories. The focus on the identification of differences between the human rights and freedoms and address the issue of their aboriginality in proportion with each other and the state.

Key words: democratic state, civil society, legal category, human rights, human freedoms.

На сегодняшний день концепция демократического правового государства по праву занимает одну из ведущих позиций на международной арене. Неотъемлемыми ее составляющими выступают права и свободы человека, которые являются базовыми институтами государства и гражданского общества. В правовой плоскости сфера их реализации и употребления настолько широка, что охватывает не только конституционное право, но и иные отраслевые дисциплины, а также теорию государства и права.

Несмотря на столь обширный круг употребления, вопрос о сущности данных понятий остается по-прежнему актуальным, поскольку зачастую дефиниции «прав и свобод человека» воспринимаются учеными как данность, без анализа их сущностной природы. Подобная ситуация закономерно ведет к тому, что в научном обороте уровень адекватности восприятия и использования обозначенных понятий постепенно угасает, а затем сводится к нулю. Означает ли это, что так происходит подмена идеалов и ориентиров в сознании индивида и общества в целом? Ответ очевиден – «права и свободы человека» из высших ценностей современного общества переходят в когорту «оборотных канцеляризов и речевых штампов», не имеющих практической значимости.

Поэтому целесообразным представляется проанализировать сущностную природу понятий «прав и свобод человека», используя в качестве основы взгляды современных исследователей данной проблематики.

Ряд ученых считают понятия «права» и «свободы» синонимичными, например, представители западной правовой мысли свободами называют политические или иные фундаментальные права [1, с. 25]. На идентичности понятий «прав» и «свобод» настаивает исследователь А. Азаров, приводя в качестве аргументов схожесть юридической природы, нормативного закрепления прав и свобод в правовых актах (международные документы, конституции и др.), их реализации, а также механизмов их защиты. Исходя из такой позиции, свободы – это те же права. Ученый ссылается на утверждение российской императрицы Екатерины II, что свобода – это уверенность в том, что дозволено делать все, что не запрещено законом [2, с. 23]. В правовой плоскости иногда даже употребляются формулы «право на свободу», например, Всеобщая декларация прав человека закрепляет, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии [3].

К тождественности рассматриваемых понятий приближает и наличие их универсального характера, что проявляется в нескольких измерениях. Во-первых, все люди имеют основные права и свободы. Международные стандарты и законодательство демократических государств гарантируют равенство прав и

свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Во-вторых, права и свободы универсальны с точки зрения их содержания. Право на жизнь, равенство всех перед законом, право свободного передвижения, право на гражданство, право на свободу убеждений и т.д. – это общие права и свободы всех людей вне зависимости от общественного строя, политического режима, формы государственного устройства и формы правления, международного статуса страны, к которой человек принадлежит.

В-третьих, всеобщность прав и свобод человека выражается и в территориальном аспекте. Везде, где бы ни находился человек, куда бы он не переместился, – в любом месте он обладает основными правами и свободами, вне зависимости от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете [4, с. 70].

Кроме того, и права, и свободы человека являются естественными и неотчуждаемыми – они принадлежат людям от рождения только потому, что они люди, и никто не в праве лишить человека их.

Ключевым сходством этих понятий, по мнению ученого Л.Д. Воеводина, выступает то, что «и то, и другое определяется через возможность. И в первом, и во втором случае говорится о возможности избрать тот или иной вид поведения, пользоваться предусмотренными конституцией социальными благами...» [5, с. 134].

Однако чаще всего под свободой исследователи подразумевают более широкие возможности индивидуального выбора, но без конкретизации того или иного права и указания на результат осуществления [1, с. 25]. Так, ученые В.С. Нерсисянц и Е.А. Лукашева рассматривают права и свободы как явления близкие, но не совпадающие. По их мнению, термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности выбора, не очерчивая конкретного результата. Он используется для обозна-

чения гарантируемой правом сферы автономии субъекта, внутри которой он вправе действовать по своему усмотрению и выбору. Термин же «право» используется для обозначения правомочий субъекта на конкретно определенное действие и поведение. Хотя в понятийно-правовом смысле данные понятия ученые считают равнозначными [6, с. 174].

Однако, нарекая свободу как более широкую возможность выбора, мы закономерно задаёмся вопросом о том, первична ли она по отношению к праву. Ответ на этот вопрос целесообразно искать в концепции демократического правового государства, которое является наиболее благоприятной и возможной сферой существования прав и свобод человека. Свобода в таком государстве будет составлять его ценностное ядро и поэтому будет первичной относительно права. Как организация, не поглощающая индивидов, правовое государство представлено в виде иерархии государственных институтов, созданных для защиты свобод граждан. Но свобода невозможна, если она не гарантируется государством. Мера свободы проявляется только в действующем праве, которое определяет положение и роль индивида в обществе. В этом смысле меру свободы человека образует право, выраженное юридическим законом. Регулирование свободы на правовом уровне осуществляется путем признания ее высшей социальной ценностью, закрепления в качестве правовой категории, фиксации в конституциях государств [7].

Если продолжить анализ исследуемых понятий с точки зрения правомочий в отношении «человек (гражданин) – государство», то отличия между ними будут существенны.

Во-первых, права и свободы человека отличаются по уровню вмешательства государства в те сферы общественной жизни, которые их обуславливают. Как признанные и гарантируемые государством возможности действий (правомочий), права человека имеют четко обозначенную в законе сферу реализации, то есть речь идет о фиксации на законодательном уровне конкретных направлений деятельности индивида. Свободы человека, наоборот, охватывают те сферы общественной жизни, в которые государство не имеет право вмешиваться. Оно лишь очерчивает с помощью правовых норм границы, контур, терри-

торию, на которой человек действует либо не действует по своему выбору и усмотрению.

Проанализировав уровень вмешательства государства в сферы общественной жизни, нельзя обойти вниманием роль «рамочной конструкции», которую государство играет применительно к правам и свободам человека. В отношении прав человека государство устанавливает рамки, преступив которые, человек нарушит закон. То есть, для того индивида, который обладает правом и, возможно, попытается нарушить его пределы, оно выступает ограничителем, а для индивидов, которые могут пострадать от действий нарушителя права, государство является защитником. Что касается свобод человека, роль государства должна сводиться к защите границ свобод индивида от посягательств на них других индивидов либо властных структур. Соответственно, государство законодательно защищает правомерное поведение человека, но одновременно и ограничивает выход за пределы дозволенного. При этом оно обязуется не только гарантировать и защищать правомерные действия человека в обозначенной законом сфере, но и должно предпринять целый комплекс организационно-распорядительных, финансовых и других мер для обеспечения реализации прав и свобод.

Принцип взаимосвязи (единства) с обязанностями выступает еще одним критерием, по которому категории «права» и «свободы» отличаются между собой. Данные соотношения реализуются в парных категориях.

При рассмотрении взаимосвязи между правами и обязанностями возникает соотношение «возможность – необходимость». Под необходимостью понимается выражение закономерного, объективно обусловленного хода развития событий и законов [8, с. 21]. Субъективные побуждения личности, стремление к полной независимости и возможности полного удовлетворения своих интересов неизменно противоречат самому факту наличия объективной необходимости. Из этого противоречия рождается диалектическое единство [9, с. 104]. Сущность такой модели единства заключается в равных пропорциях прав и обязанностей индивида, в их сбалансированном развитии. Право не противопоставляется обязанности, а сливается с ней: осуществ-

ление права обеспечивается выполнением обязанности [10, с. 4]. Зависимость здесь прямая: нет обязанности – нет возможности воспользоваться своим правом в полной мере.

Немаловажным является и тот факт, что права и обязанности индивида, реализуясь в принципе единства, образуют структурные элементы правоотношения. Правовое отношение может быть интерпретировано как распределительное, элементами которого являются права и обязанности его участников, а законом их модели единства выступают взаимность и эквивалентность. При этом взаимность поднимает совокупность прав и обязанностей до уровня правоотношения (юридической формы социальной связи), а эквивалентность отвечает за «распределение» – определяет количественную меру прав и обязанностей (стабильное состояние правоотношения) и обуславливает тот или иной вариант обращения прав и обязанностей (динамическое состояние правоотношения).

Вариант единства свободы и обязанности человека как парных категорий возможен через восприятие последней как ответственности. Эта модель очень близка к предыдущей паре «возможность – необходимость» [11, с. 31]. «Только высокоответственная личность может в полной мере осознавать возможность действий в рамках познанной необходимости, то есть, быть свободной, и наоборот, только свободная личность может в полной мере нести ответственность за качество выполненных обязанностей» [12, с. 12]. Свободы без ответственности и долга человека перед миром, в котором он существует, быть априори не может. В этом смысле ответственность – это неизбежная цена свободы, плата за нее [8, с. 22]. Ответственность является своего рода ограничением свободы, ведь последняя должна быть не безграничной, а разумной, то есть ограниченной во имя общего блага. Таким образом, исполнение обязанности является одной из сторон свободы. Если правовые свободы – это установленные нормами права возможности выбирать вид и меру поведения, то обязанности – это предусмотренные правовыми нормами необходимости следовать определенному виду и мере поведения; это закрепленные в законе требования государства и общества к поведению индивидов [13, с. 111].

Проведенное исследование понятий «прав и свобод человека» позволило прийти к выводу, что данным категориям присущи сходства и различия, которые в диалектическом единстве образуют их сущностную природу. В качестве ключевых черт сходства прав и свобод выступают их юридическая природа, нормативное закрепление в правовых актах, механизмы реализации и защиты прав и свобод. Также объединяющим моментом является триада принципов, составляющих идеологическую основу прав и свобод человека: универсальность, естественность и неотчуждаемость. Последующий анализ позволил выделить и принципиальные отличия между правами и свободами, а также дал ответ на вопрос, касающийся первичности между обозначенными категориями. Так, в доктрине демократического правового государства свобода выступает базисной платформой для права, а оно, в свою очередь, является мерой свободы. Различность между правами и свободами человека становится более объемной, когда исследуется уровень вмешательства государства в сферы реализации прав и свобод, а также их соотношение с обязанностями.

Таким образом, вышеизложенный материал позволил расставить акценты между понятиями прав и свобод человека. Но в то же время закономерно создал и новый вопрос – касательно сферы практической реализации прав и свобод человека. Поскольку установленная ясность «на бумаге» никак не гарантирует реализацию прав и свобод на практике. Однако это аспект уже нового научного размышления.

Библиографический список

1. *Конституция Российской Федерации*. Постатейный научно-практический комментарий ученых-правоведов под руководством ректора МГЮА академика О.Е. Кутафина. М.: Агентство (ЗАО) «Библиотечка РГ». 2003–2004 гг. 345 с.

2. *Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К.* Права человека. Международные и российские механизмы защиты. М.: Московская школа прав человека, 2003. 560 с.

3. *Загальна Декларація прав людини*: ООН; Декларація, Міжнародний документ від 10.12.1948 р. [Електронний ресурс].

Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua> (дата обращения: 15.04.2015).

4. *Пронин А.А.* Права человека: аспекты проблемы. М. Берлин: Директ-Медиа, 2014. 213 с.

5. *Воеводин Л.Д.* Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. 300 с.

6. *Семенова А.Ю.* Современное понимание прав и свобод человека и гражданина // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. С. 173–179.

7. *Глинянська О.В.* Свобода як ціннісна основа правової держави [Електронний ресурс] // Теорія і практика правознавства. 2013. № 2. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/tipp_2013_2_81.pdf (дата обращения: 15.04.2015).

8. *Медведева М.А.* Свобода как свойство человеческой личности и ее проявление в наказании // Идеи и идеалы. 2011. № 1 (7). Т. 2. С. 20–27.

9. *Чухвичев Д.В.* Свобода личности и юридическая ответственность // Государство и право. 2005. № 3. С. 103–108.

10. *Бублик В.А.* Эквивалентность прав и обязанностей как требование социальной справедливости // Вопросы теории юридических обязанностей: Тезисы II межвуз. науч. конференции ученых-юристов. Воронеж, 1988.

11. *Грачев Т.С.* Права и обязанности: модели единства // Вектор науки ТГУ. 2009. № 5 (8). С. 31–33.

12. *Боброва Н.А., Зражаевская Т.Д.* Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Воронеж, 1985. 154 с.

13. *Волинка К.Г.* Загальна теорія держави і права: навч. посібник. К.: МАУП, 2003. 240 с.

УДК 340.12
ББК 67.3я73

Ф.С. Сосенков

Волжский государственный университет водного транспорта,
Нижний Новгород

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ А.Д. ГРАДОВСКОГО

В статье рассмотрена взаимосвязь категорий «национальное единство» и «государственное единство» в политико-правовых воззрениях А.Д. Градовского. Национальное многообразие рассматривается ученым как фактор, затрудняющий достижение устойчивого государственного единства. Вместе с тем посредством некоторых механизмов, в частности местного самоуправления, можно достичь формирования нации в политическом смысле, объединяющей различные этнические группы и обеспечивающей государственное единство.

Ключевые слова: государственное единство, национальное единство, территориальная целостность, А.Д. Градовский, сепаратизм.

F.S. Sosenkov

Volga state University of water transport,
Nizhny Novgorod

NATIONAL UNITY AS THE BASIS OF NATIONAL UNITY IN THE POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF A.D. GRADOVSKY

The article considers the relationship of the categories of “national unity” and “unity of the state” in the political and legal views of A.D. Gradovsky. National diversity of scientists is seen as a factor that impedes the achievement of steady state unity. However, through some mechanisms, in particular local government, it is possible to achieve the formation of a nation in the political sense, uniting the various ethnic groups and ensuring the unity of the state.

Key words: state unity, national unity, territorial integrity, A.D. Gradovsky, separatism.

Вопросы государственного единства привлекали внимание многих мыслителей, государственных деятелей различных стран и эпох [например, 14; 15; 16 и др]. Значительный вклад в исследование данной проблематики внес известный русский государствовед и публицист Алексей Дмитриевич Градовский (1841–1889).

В современном значении государственное единство юридической наукой определяется как отказ от каких-либо проявлений сепаратизма, то есть такой политики в отдельных частях государства, которая не учитывает интересов всего государства и противопоставляет им местные интересы [10, с. 144]. Также утверждается, что государственное единство предполагает весьма значительный объем и высокий уровень согласованных позиций, интересов и отношений между институтами государственности, взаимосвязанных с политической и правовой системами, а также с гражданским обществом на основе взаимодействия в разрешении конкретных проблем общественного развития, что обеспечивает устойчивую структуру власти и властных отношений в государстве, его территориальную целостность [11, с. 13]. Как можно заметить ведущим элементом государственного единства является территориальная целостность. В самом деле, на наш взгляд, данный элемент является основополагающим для государственного единства, создающим возможности единства политической и правовой системы.

Само государство представлялось ученому как определенное единство, организм, а не механическая совокупность отдельных граждан, в чем исследователи видят влияние учения «органистов» в государствоведении [1, с. 199]. Под государством Градовским понималось определенное национальное сообщество, народность, части которой связаны общностью происхождения, языка, территории, нравов, обычаев, исторического прошлого и т.д.; если выделять главные элементы, то это «народ, государственная территория и политическая власть» [5, с. 124].

Как видно, народность, народ выступают у Градовского основой государства. Не случайно в этой связи, что национальное единство представлялось ученому в качестве основы для обеспечения государственного единства. В этой связи в рамках

заявленной темы для нас представляет безусловный интерес статья Градовского «Национальный вопрос». Сепаратизм – главная угроза государственному единству – чаще всего базируется на национальной основе. Исследователем при этом отмечен конфликтный потенциал «начала народности»: «Оно порождает вражду и зависть между племенами, оно источник бесконечных войн ...» [3, с. 105]. Государство определяется как «известная масса лиц, подчиненных одной верховной власти, ради обеспечения внешней безопасности и пользования выгодами юридического порядка» [3, с. 106]. Однако данное сообщество, составившись, может вести к «внутренним смутам» на национальной основе [3, с. 106], учитывая «признание за народностями права выражать свои симпатии и желания» [3, с. 118].

Градовский обращает внимание, что в результате завоевания вполне возможно объединить в пределах одного государства различные этносы: «В борьбе за преобладание династий карта Европы перedelывалась и менялась ежечасно, соединяя в одно государство народы, не имеющие между собой ничего общего» [3, с. 128]. Подобные исторические факты оцениваются историком отрицательно в моральном и правовом плане: «...завоеватель смотрит на территории и народы как на безгласную добычу», поправ все права нейтралитета» [3, с. 128]. Однако созданные подобным образом государственные образования и установленные границы, по мнению исследователя, не долговечны. Поддержание установившегося положения невозможно длительное время также стравливанием входящих в состав государства народов между собой, как, по свидетельству Австрийского императора, имеет место в Австро-Венгрии [3, с. 134]. Несмотря на подобные неудобства объединение большего количества народов и наибольшей территории является геополитической необходимостью: «Становится ясно, что...государства, успевшие объединить наибольшее количество народностей, получают наибольшее назначение» [2, с. 125]. В связи с этим возникает вопрос: как обеспечить государственное единство в многонациональном государстве?

Очевидно, что истинное государственное единство достигается соединением двух начал: «нация» (в этническом смысле) и государство. Национальный фактор – весьма сильное объеди-

няющее начало. Он, объединяясь с экономическими потребностями, позволил многим европейским государствам преодолеть феодальную раздробленность. Общины, выходя из-под власти феодалов, «становились под непосредственную защиту власти центральной» [2, с. 125]. Короли, таким образом, делались «символом национального единства и независимости» [2, с. 125]. Опершись на «национальное начало», короли организационно обеспечили государственное единство: «...они конфисковали политические права феодальной аристократии, вытеснил ее даже из административной и судебной областей, создали свой суд и свою аристократию» [2, с. 125].

Как было отмечено выше, Градовский оценивал этнические оттенки различных местностей, входящих в государство как угрозу его единства, возможную базу сепаратизма: «Пока существуют в государстве племенные оттенки, местные различия, настолько сильные, что они могут внести рознь в общегосударственную жизнь, развитие его нельзя считать окончательным» [2, с. 189]. В связи с этим государствовед заключает, что древние государства, возникавшие путем завоеваний, были крайне неустойчивы: захваченные провинции не жили одной государственной жизнью с завоевателями [2, с. 190].

Истинное государственное единство достигается в мононациональном государстве (в этом исследователи видят влияние на А.Д. Градовского Н.Я. Данилевского [9, с. 9]): «Оно (т.е. государство – прим. Ф.С.) не достигло коренного условия своего существования – национального единства» [2, с. 189]. Важным требованием создания государства является также непреложное правило крепкой взаимосвязи регионов как частей единого целого: «Новое европейское государство отличается именно тем, что каждая страна, входящая в его состав, необходимо должна слиться с ним в органическое соединение, сделаться неразрывной частью одного великого целого» [2, с. 189]. В этой связи Градовским отмечено, что в Англии идея государственного единства была осуществлена раньше и полнее, чем в других государствах [2, с. 294–295].

К России положения о европейских государствах с минимальными этническими отличиями явно были неприменимы. Не

называя конкретного государства (по нашему мнению, имея в виду Российскую империю), Градовский называет следующие условия обеспечения государственного единства: «...жизненность каждого государства соразмеряется умением коренной национальности не только связать с собою подчиненные народности, но и *претворить* (выделено у А.Д. Градовского – прим Ф.С.) их природные особенности, ассимилировать племена, вошедшие в его состав» [2, с. 190]. В этой связи безусловными препятствиями на пути к достижению истинного государственного единства являются различные автономии: «Чем больше мы видим в ... государстве местностей и племен, *состоящих на особом положении* (выделено у А.Д. Градовского – прим Ф.С.), тем дольше это государство от полного развития своих национальных начал, тем больше препятствий и трудов предстоит ему преодолеть» [2, с. 190]. Вместе с тем, как можно заключить из данного отрывка, если государство планирует свое дальнейшее развитие, преодоление подобных различий ему необходимо. Принципиально важно здесь отметить, что Градовский никогда не призывал к ликвидации национальных особенностей (будь то Польша или Остзейские губернии), имея в виду лишь политическую централизацию и преодоление сепаратистских тенденций [12, с. 223].

В статье «Юрий Федорович Самарин» Градовский высоко оценивает выводы по поводу укрепления связей Остзейского края и коренной России, обоснованные Самариным. Так, Градовский совершенно четко разделяет позицию, что одним фактически и юридическим закреплением этих земель в составе России не решить проблему их все более усиливающегося политического и экономического обособления: «...элемент административный сам по себе неспособен слить в одно целое все части государства; ... прибалтийские губернии бывали под «властью» Швеции и в зависимости от Польши, но благополучно «отваливались» от них в благоприятную минуту» [4, с. 93]. Задача власти в этой связи – помимо политического, то есть «механического» единства обеспечить «народное» единство. Отметим, что «народное» единство – категория вообще характерная для славянофильской концепции, – признавалась Градовским в качестве основания государства [9, с. 9]. Таким образом, задача импер-

ской администрации: «поднять и укрепить общественные элементы, дружелюбно расположенные к основному населению государства» [4, с. 93]. Немаловажным было также ограничение монопольных прав в области местного самоуправления, торговли и ремесла «привилегированной и чисто немецкой корпорации» [4, с. 93–94]. Вполне логичной казалась Градовскому позиция Самарина, что единство России должна большей частью строиться за счет преобладания русского элемента как стержневого: «поднять наш народный дух, сообщить нашей политике более национальный характер, стало быть, и разрешить вопрос об «окраинах» в пользу России» [4, с. 98]. Основная цель публицистики Самарина в этой связи видится Градовскому следующим образом: «Раскрыть элементы, противодействующие русским интересам, указать элементы нам дружелюбные и уяснить их значение ...» [4, с. 96]. Учитывая практическую деятельность Самарина и его теоретические позиции по вопросам обеспечения единства России, Градовский с истинной симпатией характеризует его как «настоящего охранителя Русской земли» [4, с. 100], «истинного друга администрации», не понятого ею [4, с. 94]. Глубокий анализ и одобрение Градовским политико-правовых воззрений Ю.Ф. Самарина позволяет судить о том, что он сам во многом придерживался подобных позиций.

Не констатируя необходимости дискриминации различных культурно-национальных особенностей, Градовский указывает на нецелесообразность юридического их закрепления и охраны: «Свобода вероисповедания и языка среди общества не предполагает необходимости особенного положения их в *праве государственном* (выделено у А.Д. Градовского – прим Ф.С.). Здесь они явятся важным препятствием к народному единству и могут повлечь за собой неприятные столкновения между различными расами и цивилизациями» [4, с. 192]. Он заключает, что различия могут сами со временем исчезнуть: «Единство религии, языка должно быть осуществлено прежде всего в законодательстве и государственном управлении, а затем сильнейшие элементы общества сами собой докончат дело государства» [4, с. 192].

Очевидно, что полное объединение различных регионов, из которых многие заселены разнородными этносами, чрезвы-

чайно затруднено. Градовский задает такой вопрос: «Но может ли объединение государства дойти до уничтожения не только политической самостоятельности, но и местных особенностей экономического быта, уничтожить не только отдельную, но и всякую государственную жизнь своих частей? Может ли оно перенести в центр не только верховные политические права, но и стянуть в него всякое проявление общественной жизни?» [4, с. 193]. В этой связи потребность регионов к обособлению может быть реализована через местное самоуправление: «...с проявлением государственных целей не теряют своего значения цели низших организмов, хотя они и отступают на второй план. Признание же за известным организмом самостоятельных целей предполагает за этим организмом известную совокупность прав, дающих ему возможность их осуществления» [4, с. 197].

Местное самоуправление, очевидно, для обеспечения государственного единства, должно осуществляться в четко очерченных рамках и под надзором центральной администрации: «Во всяком случае, организация общественных элементов в местных организациях должна происходить под влиянием, руководством и надзором государственной власти. Ни одна провинция, составляя часть государства, не может обходиться без представителя высшей правительственной власти, состоящего во главе ее и через которого устанавливалась бы связь между местностью и верховным правительством...» [4, с. 197]. Сама деятельность органов исполнительной власти и эмиссаров этой власти в местностях должна учитывать условия регионов: «Осуществляя государственные задачи в *местности* (выделено у А.Д. Градовского – прим Ф.С.), эти органы нуждаются в полной самостоятельности своих действий ввиду разнообразных условий, представляемых каждой местностью, условий, необходимо видоизменяющих общее направление власти сообразно потребностям времени и места. Общий государственный интерес и интересы местного населения в особенности будут гарантированы лишь в том случае, когда деятельность власти в провинции будет направляться совокупностью местных условий, когда особый характер местности отразится и на особом характере управления, когда непредвиденные затруднения будут получать скорое раз-

решение, когда каждый новый факт в жизни местного общества будет вызывать соответствующую деятельность администрации, когда управление, так сказать, будет расти вместе с обществом» [4, с. 199]. Причем формализм в этом деле противоречит самой задуманной модели местного самоуправления.

В результате развития местного самоуправления формируется истинное национальное единство, которому не может вредить единство этническое. Оговорив, что если понимать под «национальностью» «начало чисто политическое в противоположность ее племенному, филологическому и религиозному значению» [4, с. 204], Градовский заключает, что национальное единство – это чрезвычайно важный атрибут государства: «В государстве, окончательно сформировавшемся, составившем одну национальность, не может быть речи о провинции как о политически самостоятельном теле. В самом деле, что вызывает проявление государственного единства? Прежде всего уничтожение племенных особенностей, а вместе с тем и племенной вражды, разделявших страну, затем единство законов и прав, единство политической жизни; словом, государство появляется с уничтожением всех узких, эгоистических стремлений пред одною великою национальною целью. Доказывать необходимость такой централизации – значит доказывать необходимость самого государства. Страна, не представляющая такой централизации, есть недоразвившееся или неспособное к развитию государство» [4, с. 204].

Политико-правовые воззрения Градовского зачастую характеризуют как консервативный либерализм [6, с. 14; 8, с. 87], «государственное» направление либерального движения [7, с. 327]: что-то среднее между точками зрения западников и славянофилов [9, с. 3]. Отмечена его попытка соединить либерализм и национализм на основе «русской народности» [9, с. 9], и тем самым, видимо, обеспечить государственное единство Российской империи: равновеликими задачами от считал как обеспечение единства и целостности государства, так и освобождение личности, создание прочных правовых отношений, обеспечение юридической и экономической свободы [12, с. 66]. Самого себя Градовский причислял к «русским либералам», считая при этом ос-

новным стремлением данной политической группы обеспечение внутреннего единства России на основе крепкой национальности [12, с. 66] (в политическом, а не этническом смысле).

Градовский рассматривал государство в качестве «антипода национального сепаратизма», способного «вполне органически вместить в единое имперское пространство все населяющие Россию народы» [6, с. 29]. В этой связи стоит согласиться, что система политико-правовых воззрений А.Д. Градовского, безусловно, полезна для «формирования конституционно-правового государства, основанного на сочетании единой и сильной централизованной власти и разумной децентрализации в местном самоуправлении» [8, с. 84]. Вместе с тем он, по всей вероятности, не учитывал ускорение развития самосознания остальных народов в составе империи [13, с. 60] и усиливавшиеся в силу этого центробежные тенденции. В этой связи в его теоретических моделях, несмотря на их безусловную ценность, ответов на подобные вызовы не было.

Библиографический список

1. *Брояка Ю.В.* Политико-правовые воззрения А.Д. Градовского: дис...к.ю.н. Саратов, 2006. 221 с.
2. *Градовский А.Д.* Государство и провинция // Градовский А.Д. Сочинения. СПб.: «Наука», 2001. С. 186–296.
3. *Градовский А.Д.* Национальный вопрос // Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты / А.Д. Градовский; [сост., автор вступ. ст. и коммент. С.С. Секиринский]. М.: РОССПЕН, 2010. С. 101–142.
4. *Градовский А.Д.* Юрий Федорович Самарин // Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты / А.Д. Градовский; [сост., автор вступ. ст. и коммент. С.С. Секиринский]. М.: РОССПЕН, 2010. С. 94–100.
5. *Гуляк И.И.* Социально-политическая философия А.Д. Градовского: дис. ... д.ф.н. Р-н-Д, 2001. 368 с.
6. *Гуторов В.А.* Политическая философия А. Градовского и ее истоки // Политэкс. 2007. Т. 3. № 2. С. 5–31.

7. *Жидкова Е.Н.* Воззрения А.Д. Градовского на публичное право // Вестник ТГУ. 2012. № 10 (114). С. 326–332.
8. *Жидкова Е.Н.* Категории «свобода» и «прогресс» как основа правового учения А.Д. Градовского // Вестник ТГУ. 2014. № 7 (135). С. 83–89.
9. *Замалеев А.Ф.* Градовский как государствовед // Градовский А.Д. Сочинения. СПб.: «Наука», 2001. С. 3–14.
10. Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Изд-во НОРМА. 2001. 688 с.
11. *Левакин И.В.* Государственное единство России: теоретико-правовое исследование: дис. ... д.ю.н. М., 2003. 304 с.
12. *Плященко Т.Е.* Политические и исторические взгляды А.Д. Градовского: дис. ... к.и.н. Воронеж, 2004. 302 с.
13. *Секиринский С.С.* Александр Дмитриевич Градовский // Градовский А.Д. Трудные годы (1876–1880). Очерки и опыты / А.Д. Градовский; [сост., автор вступ. ст. и коммент. С.С. Секиринский]. М.: РОССПЕН, 2010. С. 3–60.
14. *Сосенков Ф.С.* Обеспечение единства державы Александра Македонского: политико-правовые идеи и мероприятия по реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 35–41.
15. *Сосенков Ф.С.* Об идеях государственного единства в политико-правовых взглядах Владимира Мономаха // История государства и права. 2014. № 9. С. 37–40.
16. *Сосенков Ф.С.* Национальная политика и территориальная целостность государства во взглядах В.Н. Татищева // Власть. 2014. № 9. С. 183–186.

УДК 340.12
ББК 67.0

А.Н. Шащенко

Центр занятости населения Краснояружского района
(Белгородская область)

БОРЬБА С БЕЗРАБОТИЦЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

В статье на основе анализа нормативно-правовых актов рассматриваются наиболее важные аспекты борьбы с безработицей в дореволюционной России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: безработица; борьба с безработицей; занятость населения; регулирование рынка труда; трудовая помощь; конторы по трудоустройству.

A.N. Shaschenko

FIGHT AGAINST UNEMPLOYMENT IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AT THE TURN OF THE XX CENTURY: SOME ASPECTS

In article on the basis of the analysis of normative legal acts the most important aspects of fight against unemployment in pre-revolutionary Russia at the XX century boundary are considered.

Key words: unemployment; fight against unemployment; employment of the population; regulation of labor market; labor help; offices on employment.

Безработица в обществе – явление совсем не новое, крайне неустойчивое и изменчивое, присущее всем странам с рыночной экономикой, поэтому вопросы, связанные с этой проблемой, пытались и пытаются решать все развитые страны, и Россия в этом плане была (и остается – А. Ш.) не исключением.

Попытки борьбы с безработицей в России предпринимались еще царской властью, хотя они и не носили системный характер, были эпизодическими и вначале законодательно не оформлялись. К концу XIX в. в России не было разветвленной

сети контор по трудоустройству, аккумулирующих информацию о спросе и предложении труда, охватывающей всю страну.

В связи с этим справедливо мнение М. Рубинчика, который указывал на то, что «в дореволюционной России, при ее слабо развитой экономике и культурной отсталости, государственные и общественные организации долгое время не интересовались вопросами трудового посредничества» [9, с. 1273].

А. Горовцев также отмечал, что «в России принцип предоставления труда вместо милостыни, идея трудовой помощи, как возможности помочь нуждающемуся не путем беспорядочной раздачи милостыни, унижающей и развращающей того, кто ее получает, а путем предоставления труда, способного призвать нуждающегося к новой жизни и не допустить его до дальнейшего материального и нравственного падения – сравнительно очень молода и полными правами гражданства пользуется лишь в течение нескольких последних лет» [4, с. 257].

Отметим, что наряду с приисканием работы при помощи посредников безработные граждане в основном искали работу самостоятельно. Это происходило как в виде личного посещения работодателей, так и путем публикации объявлений в газетах.

По этому поводу Н. Георгиевский писал: «Любители ежедневной прессы знают те последние страницы ее, где обыкновенно помещаются различного рода объявления. Не столь интересны публикации торгово-промышленного характера, сколько те, которые повествуют о предложении личных услуг. Представители всевозможных профессий ищут занятия: от дворника и кухарки до учителя и гувернантки, от опытного мастера сапожника до ученого технолога включительно» [3, с. 5–6].

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия, процесс трудоустройства незанятого населения к концу XIX в. должным образом не был организован. К примеру, в журнале «Трудовая помощь» за 1889 г. была опубликована статья, в которой говорилось, что исследование передвижения сельских рабочих, предпринятое года три тому назад Министерством Земледелия, установило крайнюю неупорядоченность спроса и предложения труда [8, с. 27].

В свою очередь, результаты исследования, проведенного Министерством Земледелия в 1886 г., показали, что «для Таврической

и Херсонской губ. главным рабочим рынком является местечко Каховка во время ярмарки в ней, начинающейся с 9 мая. К этому сроку здесь собирается от 30 до 50 тыс. рабочих. В несколько меньшем размере рабочие являются в Березовку, в Херсон, в Елисаветград, Мелитополь, Александровск, в Ростов на Дону и в другие населенные пункты. Сюда же съезжаются и нуждающиеся в рабочих. Но так как нужда в последних к этому времени еще не определяется вполне, то нанимаются далеко не все рабочее, не говоря уже о тех, которые вовремя не успели в эти пункты» [5, с. 89].

Заметим, что лица, не нашедшие работы на ярмарке, в дальнейшем самостоятельно решали вопрос своего трудоустройства, причем довольно продолжительно. Так, по сведениям врачебно-продовольственного пункта Ананьевского уезда «2 236 зарегистрированных в нем рабочих потеряли в дороге около 22 000 рабочих дней и израсходовали 4 357 руб. Переходя с места на место, без всякого руководящего плана или только по неверным, в большинстве случаев, слухам, изнуренные продолжительным путем и плохим питанием, многие рабочие, не найдя работы, нередко возвращаются обессиленные физически и разоренные материально. А в это же самое время многие сельскохозяйственные экономии не знают, что делать от недостатка рабочих рук и отсутствия рабочих. В результате страдают и наниматели и рабочие» [5, с. 89].

Весьма характерным и значимым является то обстоятельство, что вопрос о помощи безработным в прямой постановке был рассмотрен на заседании второй Государственной Думы 15 марта 1907 г., поскольку масштабы безработицы в стране увеличивались. Так, по данным депутата социал-демократической фракции Джапаридзе «в Петербурге число безработных свыше 120 000 чел., в Одессе – свыше 8 000 чел., в Варшаве – 15 000 чел., в Баку – 8 000... Не только север, запад, весь юг России, но и Сибирь, Кавказ охвачены этим бедствием. В Сибири число безработных громадно... Люди голодают, потому что не могут найти себе работы» [5, с. 89].

В этой связи социал-демократами было предложено организовать в Государственной Думе комиссию в составе 39 чел., которая рассмотрела бы вопрос о причинах безработицы и мерах, направленных на ее снижение, а также формах оказания

помощи гражданам, оставшимся без работы. При этом рекомендовалось сбор сведений для всестороннего изучения проблемы безработицы проводить не только из материалов, опубликованных в официальных источниках, но и путем изучения ситуации на местах [5, с. 93].

Представляется, что социал-демократы, предлагая Государственной Думе самостоятельно собрать сведения о безработице, тем самым не доверяли правительству относительно достоверности ситуации на рынке труда страны.

Противниками данного предложения выступили кадеты и представители правительства. В частности, представитель кадетской фракции – депутат Кутлер отмечал, что предложение социал-демократов является незаконным, потому что депутаты не имеют право самостоятельно проводить сбор информации, касающейся занятости населения, а материальную помощь стоит оказывать лишь определенной категории безработных, а не всем гражданам, оставшимся без работы [5, с. 95].

Кадетов поддержал министр торговли и промышленности Д.А. Философов, который подчеркнул, что «правительство заботится о безработных и что социал-демократы преувеличивают размеры нужды». В заключение министр заявил, что «правительство может идти на помощь безработным, не имеющим работы вследствие промышленного кризиса или стихийных причин, но страдающих по собственной воле, от забастовок правительство никогда никакой помощи не окажет» [5, с. 95].

Думается, что точка зрения правительства и партии кадетов, поддерживающих власть, свидетельствует о том, что исполнительная и законодательная власть царской России не рассматривали проблему борьбы с безработицей, как задачу государственной важности.

После окончания прений на голосование была поставлена резолюция, подготовленная кадетами, об избрании комиссии в составе 19 депутатов для обсуждения вопроса о размерах и способах денежной помощи, которую государство должно выделить для безработных, пострадавших от промышленных кризисов. В эту категорию, по резолюции кадетов, входили лишь те безработные, которые «остались без работы, благодаря сокращению

или остановке производства вследствие уменьшения или полного прекращения заказов». По этому поводу социал-демократическая фракция внесла предложение исключить из резолюции слова «пострадавшим от промышленных кризисов». Данное предложение нашло поддержку большинства депутатов [5, с. 98].

Принятое решение является свидетельством тому, что большинство депутатов Второй Государственной Думой поддержали позицию социал-демократической фракции, по мнению которой Государственная Дума не только обязана, но и по закону имеет право прийти на помощь безработным. Однако, как это ни парадоксально, в связи с тем, что большинство Думы поддержало позицию социал-демократов, дальнейшее рассмотрение вопроса о безработице и принятие окончательного решения по работе комиссии было отложено председателем Государственной Думы Ф.А. Головиным на неопределенный срок.

Тем не менее, нельзя умолчать о том, что царской властью предпринимались некоторые попытки, направленные на регулирование рынка труда и пресечение безработицы. К примеру, 8 августа 1911 г. Министром внутренних дел был утвержден временный устав бюро для приискания занятий, основная целью которого заключалась в том, чтобы «оказывать посредническую помощь беднейшим жителям города Москвы обоего пола, всех сословий и профессий и заботиться об улучшении их быта» [2, с. 3].

Заметим, что устав имел локальный характер, поскольку распространялся только на жителей Москвы, причем беднейших. Продолжая отметим, что наряду с материальной поддержкой и оказанием услуг по трудоустройству, для безработных в России того времени был организован такой вид помощи, как общественные работы. Эти работы, по мнению Белявского Н.Н., «организуются государством, чтобы обеспечить заработок возможно большему числу людей и, таким образом, дать возможность прокормиться бедствующему населению, без принижения личности путем даровой помощи» [6, с. 177].

Примечательно, что в России «организованные общественные работы возникли еще в XVI веке; особенного развития достигли они при Борисе Годунове... При Екатерине Великой общественные работы, заключались главным образом в засыпке

рвов около населенных мест, производились в Воронежской губернии. В 1833 и 1834 гг. в новороссийских губерниях в широких размерах практиковались работы по исправлению больших и проселочных дорог, рытью канав, по обработке полей для посева деревьев, по добыче соли и др.» [8, с. 36].

В то же время, анализируя организацию общественных работ 1891 г., О.А. Верт отмечает убыточность данного мероприятия и приходит к выводу о том, что «общественные работы, как трудовая помощь населению в години продовольственного кризиса, не пригодны» [1, с. 239].

Но, несмотря на низкую продуктивность и большие издержки, общественные работы все же организовываются, о чем свидетельствуют следующие исторические материалы. Так, в целях усовершенствования данного вида работ Министром внутренних дел был принят Циркуляр № 8 от 21 марта 1901 г., который отводил общественным работам в период экономических потрясений, довольно серьезную роль, поскольку они «дают возможность человеку самостоятельно зарабатывать деньги, а не надеяться на благотворительную помощь со стороны, получив которую он в дальнейшем теряет интерес к наемному труду» [7, с. 28–30].

Согласно данного Циркуляра, при организации общественных работ следовало руководствоваться рядом условий: а) допускается строительство лишь тех сооружений, в которых существует реальная необходимость на той или иной территории; б) работы должны выполняться силами местного населения; в) организация работ не должна предусматривать «отлучки на продолжительное время рабочего из семьи»; г) общественные работы должны иметь плановый характер, а не стихийный характер, т.е. территории должны заранее планировать общественные работы и в некоторых случаях заблаговременно готовить материал для их проведения [7, с. 39].

Таким образом, можно говорить о том, что в исследуемый период в России предпринимались определенные меры государственно-правового регулирования трудоустройства незанятого населения.

Однако с течением времени проблема безработицы стала еще более остро, и не случайно, поэтому Временным правительством 19 августа 1917 г. принимается закон «О биржах труда». В соответствии с ним на территориях с численностью жителей

не менее 50 тыс. чел. могли образовываться биржи труда, в обязанности которых вменялось: регистрировать спрос и предложение на труд; оказывать посреднические услуги по найму; вести текущую статистику спроса и предложения труда; собирать сведения о положении местного рынка труда.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что на рубеже XIX–XX вв. как в России, так и в некоторых странах Запада определенное внимание проблеме оказания помощи безработным гражданам уделялось. Но в связи с отсутствием практического опыта по законодательному регулированию отношений, связанных с безработицей, приходилось путем «проб и ошибок» внедрять новые средства и методы государственно-правовой поддержки лиц, оставшихся без работы.

Библиографический список

1. *Верт О.А.* Общественные работы, как трудовая помощь нуждающимся // *Трудовая помощь.* 1898. № 3. С. 218–239.
2. *Временный Устав, состоящий под покровительством ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны. Бюро для приискания занятий.* М. 1911.
3. *Георгиевский Н.* Спрос и предложение труда. М., 1894. 38 с.
4. *Горовцев А.* Трудовая помощь как средство призрения бедных. СПб., 1901. 503 с.
5. *Никитин К., Степанов И.* Деятельность второй Государственной Думы. Выпуск 1. М., 1907. 124 с.
6. *Полицейское право (Административное право): Конспект лекций.* 3-е изд. Пг., 1915. 409 с.
7. *Савич Г.Г.* Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. II С.-Пб, 1901. 72 с.
8. *Филантроп.* Трудовая помощь. Ее основания, задачи и важнейшие формы (из журнала «Трудовая помощь», октябрь, ноябрь и декабрь 1898 г.). С.-Пб, 1899. 116 с.
9. *Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучка.* М., 1925–1927. Т. III. 1670 с.

РАЗДЕЛ 2

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

УДК 342.565.2

ББК 67.400.12

И.М. Евлоев

Институт экономики и правоведения, Назрань

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ СПОРОВ О КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматривается вопрос соотношения полномочий Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел по спорам о компетенции между высшими органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: споры о компетенции, органы конституционной юстиции, полномочия конституционных судов, Конституционный Суд Российской Федерации, конституционные (уставные) суды, разграничение полномочий.

I.M. Evloev

Institute of Economics and Legal Science, Nazran'

DIVISION OF JURISDICTIONS OF CONSTITUTIONAL COURTS RELATED TO CONSIDERATION OF JURISDICTIONAL DISPUTES

The article considers the relation of jurisdiction of the Constitutional Court of the Russian Federation and the constitutional (charter) courts of subjects of the Russian Federation to consider the cases of disputes on competence between the supreme bodies of state power of subjects of the Russian Federation.

Key words: disputes on competence, the bodies of constitutional justice, the powers of the constitutional courts, the Constitutional Court of the Russian Federation, the constitutional (charter) courts, differentiation of jurisdiction.

© Евлоев И.М., 2015

Конституционным Судом Республики Ингушетия в связи с необходимостью уточнения компетенции суда были разработаны проекты законов о внесении поправок в Конституцию Республики Ингушетия и республиканский закон о Конституционном Суде. В ходе обсуждения проектов, в том числе с участием представителей конституционных (уставных) судов других регионов, были получены предложения и замечания по отдельным нормам. В частности, дискуссию вызвал, казалось бы, простой вопрос о наделении Конституционного Суда Республики Ингушетия полномочием по рассмотрению споров о компетенции между органами государственной власти Республики Ингушетия.

Неоднозначность в этом вопросе обусловлена тем, что в соответствии с ч. 3 ст. 125 Конституции России Конституционный Суд РФ разрешает споры о компетенции между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации. На проблему конкурирующих полномочий Конституционного Суда Российской Федерации и региональных конституционных (уставных) судов по разрешению споров о компетенции между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации ранее обращалось внимание в юридической литературе [13, с. 632]. Попытка исключить конкуренцию была предпринята лишь в законе о Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики, в котором предусмотрено, что Конституционный Суд республики разрешает споры о компетенции между органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики, «если спор не подлежит рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации».

Для разрешения этой коллизии следует определить, в какой части подобные споры относятся к компетенции Конституционного Суда России, а в какой – к полномочиям органов региональной конституционной юстиции. Судебная практика не дает ответа на этот вопрос. Конституционный Суд России не рассматривал дел указанной категории, если не считать единственное Определение от 8 июня 2000 г. № 90-О [1], которым отказано в принятии к рассмотрению ходатайства Московской об-

ластной думы о разрешении спора с Московской городской думой. В практике региональных судов такие споры разрешались лишь Конституционным Судом Республики Бурятия, который неоднократно выносил решения по спорам между Президентом и Народным Хуралом республики [4], между Правительством и Народным Хуралом республики [5].

В основном юристы сходятся во мнении, что споры между органами государственной власти субъекта РФ, в том числе между высшими органами власти, подлежат рассмотрению в конституционном (уставном) суде соответствующего субъекта, и их возложение на Конституционный Суд РФ обусловлено лишь отсутствием органов конституционной юстиции в большинстве российских регионов [7; 11]. Высказывается и позиция о том, что такой спор первично подведомствен конституционному (уставному) суду субъекта Федерации и если спорящие стороны непосредственно обратились в Конституционный Суд Российской Федерации с заявлениями о рассмотрении подобного рода дел, то последний должен, основываясь на п. 3 ч. 1 ст. 93 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», отказать в рассмотрении ходатайства [8; 10].

Наконец, некоторые ученые считают, что в п. «в» ч. 3 ст. 125 Конституции РФ речь идет только о компетенционных спорах, возникающих между высшими государственными органами различных субъектов РФ [12, с. 534; 14, с. 452]. В обоснование данного довода Г.А. Гаджиев отмечает, что в противном случае, КС РФ, разрешая споры о компетенции между высшими государственными органами одного субъекта РФ, должен был бы руководствоваться не Конституцией РФ, а конституциями и уставами субъектов РФ, что противоречит Конституции РФ. Исходя из этого, делается вывод, что рассмотрение таких споров входит в компетенцию конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Есть и противники такого подхода, которые отвергают идею первичной подведомственности конституционным (уставным) судам субъектов РФ споров о компетенции между высшими органами государственной власти субъектов Федерации,

и считают, что споры, связанные с применением норм Конституции Российской Федерации, должны разрешаться исключительно Конституционным Судом [15].

Для начала рассмотрим подведомственность соответствующих споров Конституционному Суду России. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 93 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» ходатайство органа государственной власти допустимо, если оспариваемая компетенция определяется Конституцией Российской Федерации. В Конституции России не так много норм, касающихся полномочий органов государственной власти субъектов РФ. В первую очередь, это положения ст. 72, 73 Конституции Российской Федерации, которые определяют в целом предметы ведения субъектов Российской Федерации и не разграничивают полномочия между различными органами власти одного субъекта России. Непосредственно полномочия региональных законодательных или исполнительных органов власти закрепляются всего в нескольких нормах Конституции. В частности, напрямую в Конституции Российской Федерации определены следующие полномочия законодательных органов субъектов РФ:

- принятие устава субъекта Российской Федерации (ст. 66),
- право законодательной инициативы в Государственной Думе (ст. 104),
- право обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании Конституции России (ст. 125),
- внесение и одобрение поправок в Конституцию Российской Федерации (ст. 134 и 136).

Статья 78 наделяет органы исполнительной власти субъектов РФ правом передавать часть своих полномочий федеральным органам исполнительной власти по соглашению с ними. Наконец, ст. 95 Конституции предусматривает право законодательного и исполнительного органов субъекта РФ наделять полномочиями членов Совета Федерации от соответствующего субъекта РФ. Таким образом, не совсем правы те ученые, которые ссылаются на отсутствие в Конституции указания на полномочия конкретных высших органов государственной власти субъектов РФ [6; 14, с. 454]. А значит, весьма спорным с точки

зрения действующего законодательства является и основанное на этом посыле утверждение о том, что к ведению Конституционного Суда Российской Федерации относятся только споры между высшими органами государственной власти разных субъектов.

Перечисленные выше полномочия региональных органов органически вытекают из их правовой природы, в связи с чем сложно представить себе ситуацию, в которой возможен спор между высшими органами государственной власти одного субъекта по этим полномочиям. Например, может ли у законодательного органа субъекта РФ возникнуть необходимость спорить о компетенции с высшим должностным лицом или высшим органом исполнительной власти того же субъекта РФ в результате внесения последними в Государственную Думу законопроект в порядке законодательной инициативы. Даже если предположить, что орган исполнительной власти субъекта РФ пойдет на подобное прямое нарушение требований ст. 104 статьи Конституции России, Государственная Дума просто не примет к рассмотрению подобный законопроект.

Однако это всего лишь допущение, а на практике возможна любая ситуация. И если возникнет спор по одному из перечисленных полномочий, он будет подведомственен Конституционному Суду России. Из этого можно было бы сделать вывод, что конституционные (уставные) суды субъектов РФ не могут принимать их к своему производству, что согласуется с позицией Конституционного Суда России, изложенной в Определении по делу по запросам Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики Татарстан о проверке конституционности ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», в котором суд указал, что дела, отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов, конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации как судам, входящим в судебную систему Российской Федерации, неподведомственны [3].

Но подведомственность названной категории дел Конституционному Суду России отнюдь не означает, что стороны не могут в споре о той же компетенции ссылаться на аналогичные статьи конституции (устава) соответствующего субъекта РФ и, соответственно обратиться в региональный конституционный (уставный) суд. То есть спор о компетенции, как и любой иной спор, рассматриваемый в рамках конституционного судопроизводства, может быть предметом рассмотрения как Конституционного Суда Российской Федерации, так и конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации в зависимости от того, какой акт (Конституция РФ или основной закон субъекта РФ) будет заявлен обратившейся в суд стороной в качестве мерила оценки. Исходя из этого, представляются излишне категоричными обе крайние точки зрения: как признающие рассмотрение компетенционных споров между высшими органами государственной власти субъектов РФ исключительным полномочием Конституционного Суда России, так и относящие этот вопрос к «первичному» ведению региональных органов конституционной юстиции.

При рассмотрении данного вопроса следует учесть еще один нюанс – норму, закрепленную в п. 3 ч. 1 ст. 93 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которой ходатайство органа государственной власти о разрешении спора о компетенции допустимо, если спор не был или не может быть разрешен иным способом. Данная формулировка вызывает несколько вопросов, на которые закон не дает ответа. Во-первых, что считать иным способом: любой способ, включая судебный, как полагают некоторые авторы [9, с. 499; 12, с. 536], или только внесудебные механизмы, например, согласительные процедуры, проводимые Президентом России? Во-вторых, должен ли этот способ быть закреплен в Конституции России, в федеральном законе или возможно его закрепление в законодательстве субъектов? Ответы на них позволили бы разрешить основной в рассматриваемом контексте вопрос: является ли основанием для отказа в принятии ходатайства к рассмотрению Конституционным Судом РФ необращение заявителя в регио-

нальный конституционный суд при наличии в законодательстве субъекта РФ соответствующей нормы? И наоборот, обязан ли конституционный (уставный) суд субъекта РФ рассматривать дело по спорам о компетенции между высшими органами власти данного региона до подачи соответствующего ходатайства в Конституционный Суд России?

Частичное разъяснение этих положений содержится в вышеуказанном Определении Конституционного Суда РФ от 08.06.2000 № 90-О, которым отказано в принятии ходатайства о разрешении спора о компетенции со ссылкой на необходимость обращения к Президенту Российской Федерации в порядке, установленном ст. 85 Конституции Российской Федерации, для проведения согласительных процедур для разрешения разногласий между органами. В Определении о разъяснении этого решения суд прямо указал, что необходимым условием допустимости ходатайства является использование всех возможностей разрешения спора иным способом [2]. Понятие «все возможности» согласно элементарным правилам логики охватывает и возможность разрешения спора в региональном органе конституционной юстиции. Если следовать этой логике, рассмотрение дела в конституционном (уставном) суде субъекта РФ является обязательным для обращения в Конституционный Суд России.

Но есть и соображения противоположного характера. Во-первых, в рамках существующей системы (а вернее, ее отсутствия) конституционной юстиции полномочия федерального и региональных конституционных судов не пересекаются. Как отмечено выше, общим мериллом для Конституционного Суда Российской Федерации выступает Конституция России, и соответственно, он рассматривает споры о компетенции, закрепленной в Конституции РФ, тогда как в региональных судах объектом оценки является компетенция, закрепленная в конституциях (уставах) субъектов РФ. То, что оспаривается компетенция, вытекающая одновременно из Конституции России и основного закона субъекта РФ, не должно служить препятствием для самостоятельного определения заявителем, по какому основанию осуществлять оспаривание, и, следовательно, в какой суд обращаться.

А во-вторых, включение конституционного (уставного) суда в качестве предварительного звена для рассмотрения дела в ином суде противоречит его правовой природе как самостоятельного судебного органа, который принимает по спорам решения, имеющие окончательный характер. Одно дело – допускать возможность проверки на предмет соответствия Конституции РФ нормативного акта, ранее признанного несоответствующим конституции (уставу) субъекта РФ, что Конституционный Суд России неоднократно признавал приемлемым, и совсем другое – встраивать органы региональной конституционной юстиции в качестве обязательного элемента процедуры, предшествующей обращению в Конституционный Суд России. В отсутствие единой системы конституционной юстиции такой подход безоснователен.

Таким образом, рассматриваемый п. 3 ч. 1 ст. 93 закона также не предполагает обязательного первичного рассмотрения спора о компетенции между высшими органами государственной власти субъекта Российской Федерации в региональном конституционном суде. Полагаем, что в отсутствие необходимой ясности в федеральном законодательстве или же однозначно выраженной позиции Конституционного Суда Российской Федерации подобные дела в зависимости от основания оспаривания могут быть рассмотрены как федеральным, так и региональными органами конституционной юстиции. В связи с этим в настоящее время представляется излишним включение в региональный закон положения о том, что споры о компетенции рассматриваются конституционным (уставным) судом соответствующего субъекта только в случае, если такой спор не подлежит рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации.

В перспективе же федеральному законодателю следует в законе о Конституционном Суде РФ уточнить соответствующие нормы. И здесь наиболее логичным и обоснованным представляется подход, согласно которому споры между высшими органами государственной власти разных субъектов Российской Федерации должны быть подведомственны Конституционному Суду России, а споры между органами одного субъекта – конституционному (уставному) суду соответствующего субъекта.

Библиографический список

1. *Определение* Конституционного Суда РФ от 8 июня 2000 г. № 90-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Определение* Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 № 245-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Определение* Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 103-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.
4. *Постановления* Конституционного Суда Республики Бурятия от 15.03.2001, от 19.04.2001, Определения от 09.06.2000, от 19.06.2000, Заключение от 10.06.1997 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: сводное региональное законодательство.
5. *Постановления* Конституционного Суда Республики Бурятия от 07.07.2004, от 30.03.2005 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: сводное региональное законодательство.
6. *Батяев А.А.* Комментарий к Федеральному конституционному закону от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2006.
7. *Брежнев О.В.* Споры о компетенции между органами власти как объект судебного конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 35–37.
8. *Буранов З.М.* Институционализация судебной власти в субъектах Российской Федерации (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Мировой судья. 2008. № 10. С. 5–7.
9. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2005. 592 с.
10. *Гатауллин А.Г.* Взаимодействие конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации с Конституционным Судом Российской Федерации. Проблемы правовой коллизии // Российский судья. 2007. № 9. С. 45–48.

11. *Гончаров В.В., Пефтиев И.И.* О некоторых вопросах определения роли конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации в укреплении системы государственной власти в стране // *Российский судья*. 2010. № 6. С. 8–12.

12. *Комментарий* к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю.А. Андреева, В.В. Балытников, Н.С. Бондарь и др.; под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 672 с.

13. *Конституция* Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. 688 с.

14. *Мазуров А.В.* Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Частное право, 2009. 576 с.

15. *Умнова (Конюхова) И.А., Степаненко А.С.* Легитимность конституций (уставов) субъектов Российской Федерации в контексте их защиты органами конституционного контроля в Российской Федерации // *Журнал конституционного правосудия*. 2011. № 4. С. 23–29.

УДК 342.8
ББК 67.400.5

Я.А. Коновальчиков

Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Новосибирск

ФУНКЦИИ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОТНОШЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГОСУДАРСТВА

Настоящая статья является комплексным правовым исследованием функций народного представительства в Российской Федерации. Автор предлагает выделять регулятивную и охранительную функции. Рассмотрена система народного представительства, частью которой являются политические партии, осуществляющие охранительную функцию.

Ключевые слова: функции народного представительства, представительный институт гражданского общества, политические партии.

Y.A. Konovalchikov

Siberian Institute of management –
branch of The Russian Presidential Academy
of national economy and public administration, Novosibirsk

FUNCTIONS OF PEOPLE'S REPRESENTATION AS METHODOLOGICAL BASIS OF RELATIONS BETWEEN POLITICAL PARTIES AND STATE

This article is a comprehensive legal study of the functions of popular representation in the Russian Federation. The author proposes to allocate regulatory and protective functions. The study examines the system of popular representation, and political parties as part of this system, which perform a protective function.

Key words: the function of popular representation, the representative institution of civil society, political parties.

Идея, национальная концепция народного представительства как основания государственности в России впервые появилась

© Коновальчиков Я.А., 2015

в трудах дореволюционных правоведов, таких как В.М. Гессен, Б.Н. Чичерин и другие. Естественной основой для развития народного представительства в России, по мнению В.И. Фадеева, являются концепты «симфонии властей и соборности как духовно-нравственного начала функционирования власти, ее взаимодействия с народом» [16, с. 11–16]. Именно такая основа позволяет развиваться явлению вполне самостоятельно и естественно. Суверенное право народа осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления, то есть право на народное представительство, закреплено в Основном законе. Однако этого недостаточно, поскольку присутствует некоторое несоответствие между конституционной сущностью народного представительства и его реальной реализацией в Российской Федерации. Именно это объясняет необходимость и актуальность полноценного теоретического исследования народного представительства как конституционно-правовой категории. Сущность народного представительства была описана еще в научных работах начала XX в. В ее основе, как считал В.М. Гессен, лежит понятие представительства как «отношения, в котором за волеизъявлением одного лица признается такое же значение и оно вызывает такие же последствия, как если бы оно было волеизъявлением другого лица». Поскольку народное представительство является представительством по уполномочию народа, то оно «должно выражать не «общественное мнение» страны, а волю народа» [7].

Определим понятие народное представительство как выражение воли народа. В философском словаре сказано, что воля – это способность к выбору цели деятельности и внутренним усилиям, необходимым для её осуществления. Представительство подразумевает принцип делегирования определенной группой лиц полномочий для отстаивания своих интересов в структурах власти [13]. Буквально, народное представительство – это делегирование народом своих полномочий для достижения всеобщей и единой цели. Объем полномочий зафиксирован в Основном законе: «народ – носитель суверенитета и единственный источник власти; народ осуществляет власть». Первое, конечно,

делегировать нельзя, но осуществление власти вполне возможно. Тем более что Конституция Российской Федерации [1] закрепляет такое право в ст. 3: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». С какой целью народ делегирует свои полномочия? Цель закреплена в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Все должно быть подчинено этой цели, она определяет сущность любого правового явления. Народное представительство заключается в том, что народ уполномочивает государство осуществлять власть с целью верховенства прав и свобод человека и гражданина.

Для того чтобы было возможным сформулировать понятие народного представительства, необходимо выделить основные, сущностные признаки, характеризующие его как правовую категорию. Они обусловлены сложностью правовой природы народного представительства. В правовой науке отмечается двойственность правовой природы народного представительства. С.В. Масленникова отметила, что народное представительство выражает «свободу личности, наделенной правомочиями на участие в управлении делами государства через своих представителей», а также является «элементом в системе функционирования государственной власти и местного самоуправления» [12, с. 14]. Такое определение исходит из приоритета государства над личностью, что, на наш взгляд, неверно. Государство выступает инструментом народовластия и в своей деятельности ограничено правами граждан. П.А. Астафичев указывает, что правовая природа народного представительства заключается в возможности посредством него реализовать суверенитет народа при формировании представительных органов власти. Поэтому он определяет народное представительство как «общественные отношения, складывающиеся в области формирования, деятельности, прекращения полномочий и ответственности представительных органов публичной власти» [5, с. 26]. На наш взгляд, это понятие достаточно узкое, поскольку отражает только один признак народного представительства – основание для формирования органов представительной власти и их деятельности.

Более широкое понятие дает А.К. Глухарева, которая считает, что «это принцип организации государства и гражданского общества» [8, с. 18].

Таким образом, автор предлагает сформулировать следующее понятие. Народное представительство – это особые общественные отношения между народом и государством по поводу публичной власти, выражающиеся в делегировании конституционных полномочий для достижения цели верховенства прав и свобод человека и гражданина.

Рассмотрим функции народного представительства. Понятие «функция» в науке используется в двух значениях: как «деятельность, основные направления воздействия, роль объекта в рамках некоторой системы, к которой он принадлежит; как вид связи между объектами, когда изменение одного из них влечет изменение другого» [14]. В функциях того или иного явления проявляется его социальная ценность. Ценность народного представительства заключается в том, что с его помощью достигается устойчивое политико-правовое развитие государства путем формирования институтов гражданского общества и становление правового государства, обеспечивается свобода граждан во всех сферах жизни.

В правовой науке функции народного представительства рассматриваются как направления деятельности представительных органов государственной власти. А.К. Глухарева считает, что «функции народного представительства не ограничиваются законодательной и контрольной, но включают в себя также функцию обеспечения власти народа, функцию выражения интересов общества, функцию участия в руководстве государственными делами, а также функцию легитимации власти» [8, с. 17]. На наш взгляд, происходит подмена понятий, что совершенно не помогает в поисках сущности народного представительства и его функций. И.А. Старостина предлагает выделять такие функции народного представительства как посредничество между государством и гражданами и коррекцию государственных решений [15, с. 17]. В данном случае народное представительство понимается как механизм взаимодейст-

вия государства и его граждан, но в этом не содержится функций как таковых.

На наш взгляд, народное представительство выполняет две основные функции, являющиеся направлениями воздействия на общественные отношения в государстве. Это регулятивная и охранительная функции.

Регулятивная функция народного представительства направлена на установление статуса его субъектов, их прав и обязанностей. Субъектами народного представительства являются, с одной стороны, народ, с другой стороны, государство. Регулятивная функция выражает органическую связь народа с государством, поскольку права одного субъекта народного представительства корреспондируют обязанностям другого субъекта. Народ – «категория политико-правовая и означает совокупность всего населения страны, состоящего преимущественно из граждан данного государства» [11]. Статья 3 Конституции Российской Федерации устанавливает, что многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации. Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, суверенитет предполагает «верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении» [4]. Народ наделяет через свою свободную волю конституционными полномочиями публичную власть. Публичная власть, в свою очередь, ограничена обязанностью признавать, соблюдать и защищать права и свободы граждан. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Граждане должны исполнять обязанности, предусмотренные в Конституции Российской Федерации. Статус государства устанавливается в ст. 1 Конституции Российской Федерации. Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Основопологающая конституционная обязанность государства – признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Основопологающее конституционное право государства – это

право ограничивать права и свободы граждан в случаях, установленных законом.

Охранительная функция народного представительства направлена на обеспечение стабильности и устойчивого развития общества. Данная функция осуществляется в различных формах, таких как конституционная ответственность субъектов народного представительства, гарантии и принципы народного представительства.

Конституционная ответственность возникает на основании конституционных нарушений, то есть невыполнении правовых норм, содержащихся в Конституции Российской Федерации и приравненных к ней по юридической силе иных источниках конституционного права. Н.В. Витрук различает два вида конституционной ответственности – восстановительно-компенсационная и карательно-штрафная [6, с. 168–197]. Конституционная ответственность субъектов народного представительства наступает в случае нарушения конституционной заповеди: «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону».

Гарантии народного представительства – это способы обеспечения реализации общественных отношений между народом и государством по поводу публичной власти. К ним относятся, прежде всего, конституционные гарантии народного представительства. Это гарантии проведения свободных выборов и гарантии реализации избирательных прав граждан.

Принципы народного представительства – это основные начала, на которых все строится. К ним следует отнести суверенность воли народа, всеобщность, равенство, непосредственность, свободу, гласность, подлинность, законность и ответственность.

Функция народного представительства как вид связи между объектами, когда изменение одного из них влечет изменение другого, выражается в изменении формы государства. Народное представительство обеспечивает высокую степень демократизации государства и развития институтов гражданского общества. Это обеспечивается системой народного представительства, в

которую включаются представительные органы государственной власти и представительные институты гражданского общества.

В правовой науке вопрос о системе народного представительства является дискуссионным. А.К. Глухарева в систему народного представительства предлагает включать «государственные формы народного представительства (Федеральное Собрание Российской Федерации, законодательные собрания субъектов Российской Федерации); муниципальные формы народного представительства (муниципальные представительные органы); представительные институты гражданского общества (политические партии, Общественная палата Российской Федерации)» [8, с. 19]. В.Н. Шаповал полагает, что природа местного самоуправления не позволяет муниципальные представительные органы включить в систему народного представительства, поскольку «функции органов местного самоуправления определяются потребностями населения административно-территориальных единиц, где эти органы созданы и функционируют, и ориентированы на решение так называемых местных дел» [17, с. 2–5]. В Конституции Российской Федерации сказано, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Следовательно, неверным было бы исключать из системы народного представительства местные представительные органы.

Представительный орган формируется путем выборов, действует на основании свободного мандата избирателя и представляет собой коллегиальный орган. Основываясь на этом, представительным органом является парламент. Нижняя палата парламента Российской Федерации, законодательные собрания субъектов Российской Федерации и местные представительные органы соответствуют этим критериям. Поскольку при формировании верхней палаты парламента Российской Федерации не используется механизм прямых выборов, в правовой науке возник вопрос о ее представительной природе. Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что «федеративное устройство Российской Федерации обуславливает двухпалатную структуру Федерального Собрания. В своей организации и деятельности они призваны отразить разные стороны народного

представительства в Российской Федерации – прямое представительство населения и представительство субъектов Российской Федерации» [3].

Возникает вполне закономерный вопрос о представительной природе института гражданского общества – политических партий, и их месте в системе народного представительства. Политические партии являются институтом, необходимым для функционирования демократии в рамках правового государства и в формах, установленных Конституцией Российской Федерации. Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления [2]. А.Н. Гуторова относит политические партии к субъектам народного представительства, поскольку их основной целью является участие в формировании выборных органов государственной власти и местного самоуправления [9, с. 11]. На этом уровне происходит основное взаимодействие политических партий и государства. Политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты. Поэтому одним из приоритетных направлений, в котором осуществляется правовое регулирование взаимоотношений партий и государства, является избирательный процесс. Политические партии являются «проводником» воли народа и одновременно осуществляют народный контроль за реализацией политических решений. В системе народного представительства они занимают особое положение, обусловленное их двойственной правовой природой. О двойственной природе политических партий пишет В.Д. Зорькин: «Партия зарождается в недрах гражданского общества, и в этом смысле является институтом гражданского общества, то есть структурным элементом сферы частных отношений, не зависящих от государственной власти. Но та же партия, проходя через процедуры выборов государственной власти разных уровней становится частью государственной властно-

политической системы» [10, с. 39]. Таким образом, политические партии реализуют охранительную функцию народного представительства в форме гарантий проведения свободных выборов и гарантии реализации избирательных прав граждан.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

2. О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 03.02.2015) // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

3. По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.04.1995 № 2-П // СЗ РФ. 1995. № 16. Ст. 1451.

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 № 10-П // Рос. газ. 2000. № 118.

5. Астафичев П.А. Народное представительство в современной России: проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ... докт. юр. наук: 12.00.02 / Поволжская акад. гос. службы им. П.А. Столыпина. М., 2006. 46 с.

6. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. 259 с.

7. Гессен В.М. Основы конституционного права (издание 2-е). Петроград, издание юридического книжного склада «Право», типо-литография товарищества А.Ф. Маркс, 1918. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/2/> (дата обращения: 01.03.2015).

8. *Глухарева А.К.* Конституционные основы народного представительства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Рос. гос. торг.-эконом. ун-т. М., 2008. 28 с.

9. *Гуторова А.Н.* Политические партии в системе народного представительства: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Орловский. гос. тех. ун-т. Орел, 2009. 21 с.

10. *Зорькин В.Д.* Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 37–45.

11. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: Деловой двор, 2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. *Масленникова С.В.* Право граждан на народное представительство в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Московский гос. ун-т. М., 2001. 24 с.

13. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 01.03.2015).

14. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Минск: Книжный Дом, 1999. URL: <http://www.e-reading.link/book.php?book=149350> (дата обращения: 01.03.2015).

15. *Старостина И.А.* Избирательная система и формирование институтов представительной демократии в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02 / Тюменский гос. ун-т. Челябинск, 2009. 25 с.

16. *Фадеев В.И.* О духовно-нравственных основах народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 11–16.

17. *Шаповал В.Н.* О смыслах народного представительства // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 2–5.

УДК 349.6
ББК 67.407

О.С. Сергеева

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, Пермский филиал

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье приведен анализ полномочий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также местного самоуправления в области экологической безопасности объектов хозяйственной и иной деятельности, экологической безопасности населения.

Ключевые слова: экологическая безопасность, органы государственной власти, полномочия.

O.S. Sergeeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Perm branch

ECOLOGICAL SAFETY: FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS OF PUBLIC POLICY

To the article the analysis of plenary powers of public of Russian Federation and subjects of Russian Federation authorities is driven, and also local self-government in area of ecological safety of objects of economic and another activity, ecological safety of population.

Key words: ecological safety, public, function authorities.

Обеспечение экологической безопасности страны является стратегической целью государственной политики в области экологии в соответствии с Экологической доктриной Российской Федерации [5]. Несомненно, что для достижения этой цели требуется участие государственных органов испол-

нительной власти всех уровней, а также органов местного самоуправления.

Следует отметить, что в последнее десятилетие термин «экологическая безопасность» приобрел большую популярность. В федеральном законе «Об охране окружающей среды» экологическая безопасность определяется как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий [4, ст. 1]. Однако популярность термина «экологическая безопасность» порой приводит к различному пониманию его содержания. Поэтому сначала попытаемся внести некоторую ясность в его употреблении.

Понятие «безопасность» предполагает защищенность от чего-либо, например, от вредных и опасных последствий хозяйственной деятельности. Так, промышленные объекты представляют собой определенную экологическую опасность, как для населения, так и для окружающей среды. Используя современные технологии защиты окружающей среды, мы обеспечиваем экологическую безопасность предприятий, экологическую безопасность новой техники и новых технологий. В то же время, когда речь идет о безопасности, не менее важно определить и сам объект защиты, то есть указать безопасность кого или чего важна в каждом случае. Тогда говорят об экологической безопасности населения, экологической безопасности продуктов питания, экологической безопасности среды обитания и т.п. Смысловая нагрузка в понятиях экологической безопасности промышленных объектов и экологической безопасности населения разная. Ясно одно: экологическая безопасность объектов защиты напрямую зависит от экологической безопасности техносферы.

Уточним, что приведенные выше рассуждения вызваны вовсе не интересом к терминологии, а желанием точнее определить полномочия органов власти, ответственных за экологическую безопасность гражданского общества и естественной среды его существования. Дело в том, что анализ этих полномочий,

закрепленных в российском законодательстве, показал явную тенденцию разделения ответственности одних органов власти за экологическую безопасность населения, а других – за экологическую безопасность источников негативного воздействия на окружающую среду и здоровье этого населения. Ниже приведены результаты этого анализа.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что обеспечение экологической безопасности находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1, ст. 72]. Одним из принципов охраны окружающей среды является ответственность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях [4, ст. 2].

Полномочия органов власти в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды определены законом. Так, полномочия органов государственной власти Российской Федерации в сфере экологической безопасности связаны с установлением порядка осуществления, организации и функционирования единой системы государственного экологического мониторинга, порядка организации и осуществления федерального государственного экологического надзора, государственной экологической экспертизы проектов. Особую роль играют федеральные органы исполнительной власти в сфере обращения с радиоактивными и опасными отходами, в области обеспечения радиационной безопасности. Специально уполномоченные федеральные органы государственной власти осуществляют учет объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Кроме того, федеральными органами устанавливается порядок ограничения, приостановления и запрещения хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, а также порядок лицензирования отдельных видов деятельности в области охраны окружающей среды. С 2011 г. федеральные органы государственной власти определяют категории хозяйственной и иной

деятельности для целей государственного экологического надзора, определяют показатели высокого и экстремально высокого химического и радиационного загрязнения окружающей среды, а с 2014 г. устанавливаются критерии, на основании которых осуществляется отнесение объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I–IV категорий. Кроме того, установлен перечень объектов хозяйственной и иной деятельности, находящихся в ведении Российской Федерации, на которых осуществляется федеральный экологический надзор [4, ст. 5].

Большую часть названных полномочий осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) и ее территориальные органы в пределах своей компетенции. Государственный экологический мониторинг проводится Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). Определенную роль в контроле за выполнением требований экологической безопасности играет Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), за которой закреплены функции по контролю и надзору в сфере безопасного ведения работ, связанных с пользованием недрами, безопасности при использовании атомной энергии и иные полномочия в области промышленной безопасности.

К деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области экологической безопасности можно отнести полномочия по осуществлению регионального государственного экологического мониторинга, экологического надзора объектов негативного воздействия на окружающую среду, подлежащих региональному государственному экологическому надзору, а также учет этих объектов. Специально уполномоченные лица органов государственной власти субъекта РФ могут обращаться в суд с требованием об ограничении, о приостановлении и (или) запрещении в установленном порядке хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды [4, ст. 6].

Так, Государственная инспекция по экологии и природопользованию Пермского края осуществляет региональный государственный экологический надзор, который включает в себя [6]:

- государственный надзор в области обращения с отходами;
- государственный надзор в области охраны атмосферного воздуха;
- государственный надзор в области охраны водных объектов.

Деятельность инспекции в области экологической безопасности также связана с государственным учетом и контролем радиоактивных веществ и радиоактивных отходов, учетом всех объектов и источников негативного воздействия на окружающую среду, подлежащих региональному государственному экологическому надзору в Пермском крае. Ведется региональный кадастр отходов производства и потребления, устанавливаются нормативы и лимиты на их размещение.

Поддержание качества окружающей среды региона обеспечивается выдачей строго нормированных разрешений на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарных источников на объектах хозяйственной деятельности, введением ограничений на передвижение транспортных средств в населенных пунктах, в местах отдыха и туризма, на особо охраняемых территориях Пермского края. На предприятиях Государственная инспекция согласовывает планы-графики производственного экологического контроля, программы мониторинга источников антропогенного воздействия на окружающую среду [6].

С целью предотвращения экологической опасности Государственная инспекция по экологии и природопользованию Пермского края сотрудничает с органами по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям, проводит мероприятия по предупреждению аварийных ситуаций и ликвидации негативных экологических последствий техногенных аварий, экологических катастроф и стихийных бедствий. Предотвращение негативных последствий хозяйственной деятельности осуществляется также при проведении регионального экологического мониторинга являющегося частью единой системы государственного экологического мониторинга.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в деятельности специально уполномоченных в сфере охраны окружающей среды органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня преобладают контрольно-надзорные функции в отношении экологически опасных объектов. Главная цель этой деятельности – предупреждение негативных для окружающей среды последствий.

Что касается экологической безопасности объектов защиты (населения, продуктов питания, городской среды и т.д.), то здесь особое значение приобретает деятельность иных органов государственной власти. В частности, следует отметить особую роль Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор). Осуществляя государственный санитарно-эпидемиологический надзор, Роспотребнадзор следует главной цели – достижению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности [2, ст. 1]. Федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор включает в себя статистическое наблюдение за состоянием заболеваемости в связи с вредным воздействием факторов среды обитания на человека, включая сбор данных о случаях заболеваний, а также формирование открытых и общедоступных государственных информационных ресурсов. Отдельные виды деятельности, представляющие потенциальную опасность для человека, подлежат лицензированию. Обязательным условием выдачи таких лицензий является представление соискателем лицензии санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии санитарным правилам зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования и иного имущества, которые соискатель лицензии предполагает использовать для осуществления деятельности в области обращения с ядерными материалами и радиоактивными веществами и по сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, размещению отходов I–IV класса опасности.

Ограничивая рамки данного исследования, мы не останавливаемся на подробном анализе деятельности Федеральной

службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, в задачи которой входит обеспечение качества и безопасности продукции сельскохозяйственного производства, и иных специально уполномоченных органов государственной власти, решающих проблемы экологической безопасности населения и жизненно важных компонентов среды его существования.

И все же нельзя не отметить особой роли органов местного самоуправления в реализации задач экологической безопасности населения. Участие гражданского общества, органов самоуправления в подготовке, обсуждении, принятии и реализации решений в области охраны окружающей среды и рационального природопользования является одним из принципов Экологической доктрины Российской Федерации [5].

Полномочия органов местного самоуправления в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, названы также в ст. 7 федерального закона «Об охране окружающей среды» [4]. В действующей редакции эти полномочия, главным образом, касаются обращения с отходами производства и потребления, а также организации мероприятий по охране окружающей среды в населенных пунктах. Органы местного самоуправления на территориях муниципальных образований определяют порядок сбора отходов, который должен соответствовать экологическим, санитарным и иным требованиям в области охраны окружающей среды и здоровья человека [3, ст. 13].

Реализация этих функций происходит при планировании и застройке городских и сельских поселений. Меры по предупреждению негативных явлений, связанных с загрязнением окружающей среды выбросами предприятий и автотранспорта, шумом и иными физическими факторами, своевременно принятые на стадии градостроительного проектирования, способствуют сохранению качества окружающей среды в населенных пунктах, повышают экологическую безопасность населения. Администрация городов и сельских поселений осуществляет мероприятия по санитарной очистке и благоустройству территории, обезвреживанию и безопасному размещению отходов, а также по восстановлению природной среды, рекультивации земель.

К сожалению, с 2008 г. из Федерального закона «Об охране окружающей среды» полностью изъято понятие муниципального экологического контроля. В ранее действующей редакции названного закона муниципальный экологический контроль объектов производственного и социального назначения на территории муниципального района или городского округа был отнесен к вопросам местного значения. В настоящее время законом определен только государственный экологический надзор, производственный и общественный контроль. Таким образом, можно отметить, что органы местного самоуправления утратили контрольные функции в сфере экологической безопасности, которые полностью переданы специально уполномоченным федеральным органам государственной власти и органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Однако такое положение ни в коей мере не означает снижения требований экологического законодательства. Указанные тенденции лишь свидетельствуют о том, что законодатель заинтересован в упорядочивании природоохранной деятельности, в четком разделении полномочий между государственными органами и органами местного самоуправления.

Органы местного самоуправления действуют на уровне, непосредственно приближенном к населению, и тем самым призваны решать вопросы обеспечения экологической безопасности населения, проживающего на соответствующей территории. При этом, действуя в конкретных местных условиях, они решают задачи общегосударственной экологической политики. Деятельность органов местного самоуправления можно охарактеризовать как направленную на создание благоприятной экологической обстановки на подведомственных им территориях как необходимого условия улучшения качества жизни и здоровья населения.

Органам местного самоуправления предоставлено право участия в принятии общественно значимых решений, проведения общественной экологической экспертизы, право обращения в правоохранительные органы и специально уполномоченные в сфере охраны окружающей среды органы государственной вла-

сти в связи с установленными фактами экологических правонарушений и требованиями по их пресечению.

Подводя итог всему выше сказанному, можно сделать следующие выводы.

Федеральные органы исполнительной власти устанавливают порядок и организацию осуществления государственного экологического мониторинга, государственного экологического надзора, лицензирования опасных для окружающей среды видов деятельности, государственных экспертиз проектов. Исполнение этой деятельности во многих случаях осуществляется территориальными органами соответствующих федеральных структур на территориях субъектов Российской Федерации. Органы государственной власти наделяются полномочиями по применению санкций к правонарушителям в сфере экологической безопасности.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации в свою очередь продолжают ведение государственной политики в сфере экологической безопасности в соответствии с полномочиями определенными законом.

В целом контрольно-надзорная деятельность органов государственной власти направлена на предупреждение негативных для окружающей среды и населения последствий хозяйственной деятельности, учет отдаленных экологических последствий потенциально опасных видов деятельности.

Экологическая безопасность населения и территорий обеспечивается за счет эффективной деятельности этих государственных органов, а также органов местного самоуправления. Несомненно, что разделение функций между государственными органами исполнительной власти, а также привлечение органов местного самоуправления в решении этих задач, должно способствовать реализации государственной политики в области экологической безопасности.

Библиографический список

1. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2015).

2. *О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения* [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ // Там же.

3. *Об отходах* производства и потребления [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ // Там же.

4. *Об охране* окружающей среды [Электронный ресурс]: федер. закон от 10. янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Там же.

5. *Экологическая доктрина* Российской Федерации [Электронный ресурс]: одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. N 1225-р // Там же.

6. *О государственной инспекции* по экологии и природопользованию Пермского края [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Пермского края от 16 апреля 2012 г. № 212-п // [http: //giep.permkrai.ru/index.php](http://giep.permkrai.ru/index.php)

УДК 342.98
ББК 67.401.042

А.С. Телегин

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

В статье рассматриваются понятие, содержание, особенности, проблемы правового регулирования дисциплинарной ответственности муниципальных служащих в Российской Федерации.

Ключевые слова: муниципальные служащие, служебные обязанности, дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание.

A.S. Telegin

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

DISCIPLINARY LIABILITY MUNICIPAL EMPLOYEES

The article discusses the concept, content, features, problems of legal regulation of disciplinary responsibility of municipal employees in the Russian Federation.

Key words: municipal employees, employment, disciplinary offense, disciplinary punishment.

Муниципальная служба, являясь одним из средств реализации местного самоуправления, невозможна без четко установленных мер юридической ответственности. Наиболее распространенной и широко применяемой в силу ее прямой взаимосвязи с должностным статусом муниципальных служащих является дисциплинарная ответственность.

Под дисциплинарной ответственностью обычно понимается применение мер дисциплинарного воздействия в порядке служебного подчинения за совершение дисциплинарного проступка (3, с. 503).

Привлечение к дисциплинарной ответственности существенно затрагивает право муниципальных служащих и влечет для

них правовые последствия. Поэтому оно строго регламентируется нормами права.

Законом о муниципальной службе в Российской Федерации предусмотрено, что за совершение дисциплинарного проступка, т.е. неисполнение или ненадлежащее исполнение муниципальным служащим возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: замечание, выговор, увольнение с муниципальной службы (1).

Под замечанием понимается осуждение поведения работника в трудовых отношениях, высказывание работодателем в отношении него критики. Выговор представляет собой явно выраженную со стороны представителя работодателя или работодателя – физического лица официальную отрицательную оценку поведения работника, сообщаемую работнику. Увольнение работника по соответствующим основаниям является крайней мерой дисциплинарной ответственности, самым строгим дисциплинарным взысканием.

Указанный перечень дисциплинарных взысканий является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Условием применения мер дисциплинарной ответственности является признание неисполнения или ненадлежащего исполнения служебных обязанностей, должностным проступком. Однако законодательство не содержит исчерпывающего перечня дисциплинарных проступков. В этом проявляется особенность дисциплинарной ответственности. Действующее законодательство содержит лишь отдельные составы дисциплинарных проступков. Именно по этой причине любые нарушения обязанностей, возложенных на муниципального служащего, считаются должностным проступком. Это может выражаться в неисполнении или ненадлежащем исполнении служащим возложенных на него должностных обязанностей (нарушение обязательств по трудовому договору, правил внутреннего трудового распорядка, должностных инструкций, положений, приказов представителя нанимателя и т.п.) (2).

Помимо этого в качестве дисциплинарного проступка может рассматриваться также неисполнение или ненадлежащее

исполнение общеслужебных обязанностей, предусмотренных законодательством.

Так, ст. 12 закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» устанавливает следующие обязанности:

1) соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, устав муниципального образования и иные муниципальные правовые акты и обеспечивать их исполнение;

2) исполнять должностные обязанности в соответствии с должностной инструкцией;

3) соблюдать при исполнении должностных обязанностей права и законные интересы граждан и организаций;

4) соблюдать установленные в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования правила внутреннего трудового распорядка, должностную инструкцию, порядок работы со служебной информацией;

5) поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения должностных обязанностей;

б) не разглашать сведения, составляющие государственную и иную охраняемую федеральными законами тайну, а также сведения, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей, в том числе сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающие их честь и достоинство;

7) беречь государственное и муниципальное имущество, в том числе предоставленное ему для исполнения должностных обязанностей;

8) представлять в установленном порядке предусмотренные законодательством Российской Федерации сведения о себе и членах своей семьи, а также сведения о полученных им доходах и принадлежащем ему на праве собственности имуществе, являющихся объектами налогообложения, об обязательствах имущественного характера (далее – сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера);

9) сообщать представителю нанимателя (работодателю) о выходе из гражданства Российской Федерации в день выхода из гражданства Российской Федерации или о приобретении гражданства иностранного государства в день приобретения гражданства иностранного государства;

10) соблюдать ограничения, выполнять обязательства, не нарушать запреты, которые установлены настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами;

11) сообщать представителю нанимателя (работодателю) о личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению подобного конфликта.

Однако названные обязанности закреплены в довольно общей форме, например, поддерживать должный уровень квалификации. Поэтому установить факт нарушения или ненадлежащего исполнения данных обязанностей весьма затруднительно. Большую роль в этом случае будет играть субъективное мнение представителя нанимателя (руководителя органа местного самоуправления), что может негативно повлиять на реализацию основных принципов юридической ответственности: справедливости, соразмерности и гуманизма.

Меры дисциплинарного взыскания могут быть применены к муниципальному служащему в порядке, предусмотренном нормами трудового законодательства ст.ст. 192, 193 ТК РФ. Данные статьи предусматривают, что при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.

В этой связи до применения взыскания представитель нанимателя должен затребовать от служащего, допустившего должностной проступок, письменное объяснение. Оно необходимо для того, чтобы выяснить все имевшие место обстоятельства совершенного служащим проступка, установить степень его вины. В соответствии с ч. 1 ст. 193 ТК РФ указанное объяснение служащий должен представить в течение двух дней. Отказ служащего представить объяснение не является препятствием для привлечения его к дисциплинарной ответственности, если факт такого отказа подтверждается документально.

В законодательстве не определен момент, с которого начинает течь двухдневный срок представления объяснения. Учитывая, что служащий может быть привлечен к ответственности в течение месяца со дня обнаружения проступка, следовательно, требование представить объяснение может быть обращено к служащему в любой момент после обнаружения проступка.

Частью 3 ст. 193 ТК РФ установлено, что дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца, как уже отмечалось, со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, а также времени, необходимого на учет мнения представительного органа работников.

Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии, проверки финансово-хозяйственной деятельности или аудиторской проверки – не позднее двух лет со дня их совершения. В указанный срок не включается время производства по уголовному делу (ч. 4 ст. 194 ТК РФ).

Особенностью дисциплинарной ответственности муниципальных служащих является то, что служащий, допустивший дисциплинарный проступок, может быть временно (но не более чем на один месяц), до решения вопроса о его ответственности, отстранен от исполнения должностных обязанностей с сохранением денежного содержания.

Временное отстранение муниципального служащего от исполнения должностных обязанностей не является мерой взыскания. Оно является юридическим условием проведения служебной проверки для выяснения сведений, указанных в объяснении служащего.

Закон о муниципальной службе не содержит определения служебной проверки, порядка и сроков ее проведения. Представляется, что служебная проверка – это совокупность мероприятий, проводимых соответствующими должностными лицами органа местного самоуправления в целях своевременного, всестороннего и объективного дисциплинарного проступка (4, с. 65).

В процессе проведения проверки должны быть установлены: событие проступка, вина муниципального служащего, характер и размер вреда, причиненного в результате совершения про-

ступка, причины и условия, способствовавшие его совершению. Результаты проверки отражаются в письменном заключении.

Исходя из смысла ч. 2 ст. 27 закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» служебная проверка должна быть завершена до окончания срока отстранения служащего от исполнения должностных обязанностей.

В этой связи представляется целесообразным закрепление в законодательстве ряда вопросов, касающихся проведения служебной проверки, а именно:

- определение перечня обстоятельств, подлежащих установлению в ходе проверки;
- установление сроков назначения и проведения проверки;
- закрепление прав муниципального служащего, в отношении которого проводится проверка;
- установление перечня лиц, которые не могут привлекаться к проведению проверки;
- закрепление полномочий лиц, проводящих служебную проверку.

За каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание. Вместе с тем, если неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине муниципального служащего возложенных на него обязанностей продолжается несмотря на наличие дисциплинарного взыскания, служащий может быть вновь привлечен к дисциплинарной ответственности.

В законодательстве нет указаний, какое взыскание соответствует каждому дисциплинарному проступку. В этой связи вопрос о том, какое конкретно взыскание применить к служащему, решается представителем нанимателя. При этом он обязан учесть тяжесть совершенного проступка; обстоятельства, при которых он совершен; предшествующее поведение муниципального служащего; его отношение к служебным обязанностям и должностному проступку и другие обстоятельства.

Копия приказа (распоряжения) о применении к муниципальному служащему дисциплинарного взыскания объявляется служащему под роспись в течение трех рабочих дней со дня его издания, не считая времени его отсутствия на службе. Если слу-

жащий отказывается ознакомиться с указанным приказом (распоряжением), то составляется соответствующий акт. К сожалению, в законодательстве не указано, кем, в какой форме, в какие сроки составляется данный акт. В этой связи на практике при рассмотрении вопросов об оспаривании наложенных дисциплинарных взысканий нередко возникают проблемы.

Если в течение одного года со дня применения дисциплинарного взыскания муниципальный служащий не подвергнут новому дисциплинарному взысканию, он считается не имеющим дисциплинарного взыскания. Представитель нанимателя вправе снять с муниципального служащего дисциплинарное взыскание до истечения одного года со дня его применения по собственной инициативе, по письменному заявлению муниципального служащего или по ходатайству его непосредственного руководителя. Снятое, в том числе и досрочно, дисциплинарное взыскание не влечет никаких юридических последствий.

Библиографический список

1. *О муниципальной службе в РФ*: закон РФ от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
2. *О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.
3. *Ноздрачев А.Ф.* Государственная служба. М., 1999.
4. *Чанов С.Е.* Особенности дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих // Трудовое право. 2006. № 6.

УДК 349.41
ББК 67.407

Т.А. Хамадиярова

Филиал Московского института государственного
управления и права в Пермском крае, Пермь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ПОД ЗАХОРОНЕНИЯ В ГОРОДЕ ПЕРМИ

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются жители мегаполисов, связанные с организацией мест захоронения умерших. Исходя из сложности в этическом отношении данной процедуры, автор рассматривает различные варианты погребения: традиционный способ – захоронение в земле и связанные с ним правовые механизмы предоставления земельных участков для этих целей на территории города и, как альтернативный вариант, – кремация и возможности ее осуществления в Перми.

Ключевые слова: земли захоронений, земли историко-культурного назначения, земли особо охраняемых территорий, крематорий.

T.A. Khamadiyarova

The department of Moscow Institute of
State Management and Law in Perm Region, Perm

LEGAL REGULATION OF LAND PROVIDED FOR BURIAL IN THE CITY PERM

Abstract. The article is devoted to the problems of the organization of burying the dead which the inhabitants of megalopolis face. Ethically this procedure is complicated and the author considers various options of burial. The traditional way is a land burial and some legal ways that are connected with the assignment of land for this purpose in the city. There is an alternative. It is a cremation and the possibility of its implementation in Perm.

Key words: burial place, land of historical and cultural significance, land protected areas, crematorium.

*Человек стал настоящим человеком,
когда стал погребать своих умерших соплеменников.*

Н. Фёдоров

История развития человечества показывает, что обряд захоронения появился у людей не сразу, а в процессе развития общества сначала как чисто утилитарная санитарно-гигиеническая изоляция умерших от живых, а с ростом общественного сознания как потребность обустройства общественных мест захоронения, которые, храня память об ушедших, можно периодически посещать [8]. Кладбище – участок территории, специально предназначенный для погребения умерших или их праха после кремации. Погребение в земле – древний и наиболее распространённый обряд прощания с усопшими.

У христиан умершие погребались в катакомбах, затем в церквях; позже в церквях стали хоронить лишь особо выдающихся лиц, обыкновенным же местом погребения служил церковный двор (atrium). До XIV столетия церковные дворы служили почти единственным местом для кладбищ, но с умножением городского населения они сделались недостаточными, вследствие чего стали устраивать кладбища на окраинах городов. Русское законодательство о кладбищах появилось, главным образом, со времени Екатерины II и изложено во врачебном уставе (Свод Законов, т. XIII, изд. 1892 г.) [9]. Устав определял основные правила и запреты использования территории кладбищ:

- запрет на использование опустевших кладбищ под пашню;
- запрет на строения на кладбищах;
- запрет на перенесение, без особого дозволения, с закрытого кладбища гробов и мертвых тел;
- кладбища не могут состоять в частной собственности, но те из них, которые устраиваются на общественной земле, не перестают быть собственностью общества, городского или сельского, хотя в административном отношении и подлежат ведению духовного начальства;
- общество не может претендовать на хозяйственную эксплуатацию опустевшего кладбища, но с другой стороны, и ду-

ховное начальство может пользоваться кладбищем лишь согласно его назначению.

Лицо, откупившее место на кладбище, не приобретает его на правах собственности, а получает лишь исключительное право пользоваться этим местом для погребения.

Новое законодательство о кладбищах начало формироваться сразу же после Октябрьской революции 1917 года – 7 декабря 1918 г. был принят Декрет СНК «О кладбищах и похоронах», после которого Православная Церковь и иные конфессии были отстранены от похоронного дела. В 1920-х гг. появились первые «Санитарные нормы и правила устройства и содержания кладбищ», принятые советскими властями. Согласно этим нормам, кладбища не могли находиться рядом с общественными зданиями, каковыми, например, являлись храмы. Следуя этим нормам и инструкциям, были уничтожены большинство кладбищ, находящихся на территории бывших монастырей или около православных храмов.

В современный период вопросы функционирования мест захоронения связаны с проблемой землепользования в связи с созданием и эксплуатацией кладбищ. Согласно п. 1 ст. 99 Земельного Кодекса Российской Федерации [1], земли военных и гражданских захоронений относятся к землям историко-культурного назначения. Последние входят, в свою очередь, в соответствии с их целевым назначением в категорию земель особо охраняемых территорий и объектов (пп. 4 п. 1 ст. 7 ЗК РФ). Земли историко-культурного назначения могут использоваться только в соответствии с их целевым назначением. Изменение целевого назначения данной категории земель и, соответственно, земель, отведенных под военные и гражданские захоронения, и не соответствующая их целевому назначению деятельность не допускаются (п. 2 ст. 99 ЗК РФ).

Градостроительный кодекс Российской Федерации относит зоны, занятые кладбищами и крематориями, к зонам специального назначения (п. 13 ст. 35) [2].

Еще один нормативный документ, который необходимо учитывать при рассмотрении вопросов регулирования похоронного дела, – постановление главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 84 «Об

утверждении СанПиН 2.1.2882-11 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения» [4]. Документ содержит требование производить рекультивацию территорий и участков (п. 4.1). Использование территории места погребения допускается по истечении двадцати лет с момента его переноса. В этом случае разрешается использование территории места погребения под зеленые насаждения. Устанавливается запрет на строительство зданий и сооружений на территории перенесенного места погребения (п. 4.2). Производить захоронения на закрытых кладбищах запрещается (п. 4.3).

В письме Федеральной антимонопольной службы от 30 сентября 2009 г. № АК/34001 «О разъяснении применения антимонопольного законодательства» [5] устанавливается в соответствии со ст. 18 Закона о погребении и похоронном деле [3], что общественные кладбища находятся в ведении органов местного самоуправления, которые определяют порядок деятельности кладбищ. Отмечается, что Закон о погребении и похоронном деле не предусматривает возможности передачи общественных кладбищ в ведение какого-либо хозяйствующего субъекта, в том числе обладающего статусом специализированной службы. Земли общественных кладбищ не могут относиться к землям коммерческого использования на условиях передачи в аренду или хозяйственное ведение. Системное толкование норм законодательства позволило Федеральной антимонопольной службе сделать вывод о том, что статус специализированных служб, создаваемых с целью оказания гарантированного перечня услуг, не может служить основанием предоставления предприятию исключительного права на оказание всего комплекса ритуальных услуг, а также передачи полномочий органа местного самоуправления.

Выявляется определенная закономерность: чем более древнюю историю имеет город, тем больше захоронений образуется на его территории. Не получится ли так, что города с их жилыми, общественно-деловыми, производственными зонами, с инженерной и транспортной инфраструктурой, с рекреационными зонами будут окружены кладбищами. На актуальность

темы погребения усопших не влияют ни погода, ни финансовые кризисы, ни приближение торжественных и праздничных мероприятий. Люди умирают, что грустно, но вполне естественно. И задача городских властей – обеспечить достойное место для захоронений.

Захоронения на территории города Перми производятся на действующих кладбищах, в соответствии с принятыми на территории Российской Федерации и Перми нормативными документами: Решение Пермской городской Думы от 23.09.2003 № 112 «Об утверждении Положения о порядке оказания услуг по погребению и эксплуатации кладбищ на территории города Перми» [6]; Постановление администрации города Перми от 09.12.2004 № 3691 «О мерах по реализации решения Пермской городской Думы от 23.09.2003 № 112 «Об утверждении Положения о порядке оказания услуг по погребению и эксплуатации кладбищ на территории Перми» [7]. Земельные участки, для захоронения умерших на муниципальных кладбищах предоставляются бесплатно.

По данным администрации города Перми, сейчас на территории города находится 17 кладбищ, но только на пяти из них можно делать захоронения, это так называемые открытые кладбища для всех видов захоронений: «Заозерское» – 15,8 га, «Головановское» – 1 га, «Ново-Лядовское» – 5 га, Северное – 243 га, Банная гора – 17 га. Ещё на семи доступны так называемые подзахоронения – к могиле умершего близкого родственника. Кладбища, на которых разрешены захоронения к могиле (в могилу) ранее умершего близкого родственника: «Южное» – 48 га, «Закамское» – 24,5 га, «Окуловское» – 3,5 га, «Верхне-Курьинское» – 10 га, «Кислотные дачи» – 22,7 га. На всех городских кладбищах разрешены урновые захоронения в могилу ранее умершего близкого родственника или в колумбарную стенку, либо на участке урновых захоронений. За 1 год под захоронение только на территории Северного кладбища г. Перми используется около 10 га земли. Уже сейчас захоронения ведутся на границе с лесом. Северное кладбище – самое большое в России, входит в десятку крупнейших в Европе. Как видно, ситуация с землей, предоставленной под захоронения, действительно катастрофическая.

По мнению властей города, расширение кладбища Заборное – одно из решений проблемы дефицита мест. Это захоронение было организовано в годы Великой Отечественной войны в микрорайоне Налимиха и десятки лет назад законсервировано. Однако проект расширения кладбища вызвал недовольство среди горожан. В итоге, после обращения пермяков к депутатам и главе города, проект был закрыт.

Изменениями в Генплан Перми было утверждено заняться расширением кладбища Банная Гора. Новые площади для захоронений на кладбище Банная гора уже готовы, однако захоронения на них не производятся, так как есть свободные площади на ранее введённой в эксплуатацию части кладбища. Кроме того, в плане предусмотрено появление новых кладбищ – Васильевского и Восточного. Васильевское ещё только будут строить. Для этих целей зарезервирован земельный участок, который находится в Орджоникидзевском районе города на противоположной стороне Восточного обхода от микрорайона Кислотные дачи. Площадь участка составляет порядка 30 га.

В России ежегодно умирает около двух миллионов человек и в связи с этим вопрос о площади и емкости кладбищ имеет немалое значение по нескольким причинам. Во-первых, традиционные захоронения до сих пор являются предпочтительными, во-вторых, резервы кладбищенских территорий *внутри* городов и других населенных пунктов фактически исчерпаны, в-третьих, такие территории можно выделять и поддерживать только при условии выполнения очень жестких градостроительных и санитарно-эпидемиологических правил, в-четвертых, сооружение новых кладбищ почти всегда воспринимается жителями близлежащих поселений крайне негативно, и в-пятых, вынос кладбищ за пределы поселений должен сопровождаться мерами по обеспечению их постоянной и удобной транспортной доступности.

Альтернативой традиционным кладбищенским захоронениям является кремация, необычайно развитая во многих странах. Рационально устроенному уму этот вид погребения представляется идеальным: главный аргумент – требует в сотни раз меньше территории. Кремация технологична, экологична, экономична. В ряде стран кремация – обычное дело. В Японии, на-

пример, через печи крематориев проходят почти все умершие (почти 99 %), в Великобритании – около 70 %, в скандинавских странах – более 60 %. Общее число крематориев в мире оценивается примерно в 15 тыс., а инвестиции в их строительство считаются достаточно выгодными и быстро окупаемыми.

В России через кремацию проходят считанные проценты умерших. Это связано, во-первых, с неразвитостью сети крематориев: на всей территории страны функционирует всего полтора десятка крематориев в крупных городах, причем там, где они были построены и эксплуатировались, доля кремирования в общем числе погребений в последние 30 лет ежегодно увеличивалась на 1 %. Кремации противостоят обычаи традиционных похорон с последующим посещением кладбищ, формирование системы семейных захоронений. Немалое значение имеют и религиозные мотивации, хотя православная церковь, по крайней мере, не осуждает сам процесс кремации.

Кладбище «Восточное» со строящимся крематорием находится на Сылвенском тракте. Проект, как часто бывает в Перми, «долгоиграющий». Проектно-сметная документация была разработана ещё в 2001–2003 гг. В проекте предусмотрены административно-бытовой корпус, само кладбище, артезианская скважина, насосная башня, подсобки и даже гараж на 25 автомобилей. Работы были начаты около 9 лет назад. Возведён административно-бытовой корпус, спроектированы кварталы. Дальше дело встало – закончилось финансирование.

В истории его становления поучаствовало множество компаний. Сначала – ЗАО «Пермдорсервис», затем – ЗАО ДСФ «ПУДСиб», далее – ОАО «Пермдорстрой», ООО «УралРегион-Строй» и, наконец, ООО «Пермь-Благоустройство». Таким образом, на строительство кладбища с крематорием уже потратили 164,8 млн. руб. Однако объектом воспользоваться нельзя. Общая площадь кладбища составляет 48,82 га. При этом площадь крематория 3,6 тыс. кв.м. Площадь крематория рассчитана таким образом, чтобы производить порядка 1300 кремаций в сутки, со всеми сопутствующими обрядовыми услугами для близких и родных. Проектом также предусмотрено устройство ко-

лумбария на 15 тыс. ячеек, с возможностью последующего строительства дополнительного колумбария ещё на 20 тыс. ячеек. Сейчас строительством крематория занимается ООО «Вектор», выигравшее контракт за 113,8 млн. руб. В компетенцию «Вектора» входит завершение строительства корпуса крематория: возведение здания, отопление, освещение, водоснабжение, строительство котельной и газопровода.

Но, как показывает мировой опыт, назвать проект прибыльным однозначно нельзя. По данным статистики, уровень кремации в городах, где есть крематорий, составляет от 10 до 60 %. При этом первые два-три года кремация, как правило, не слишком популярна.

Вновь и вновь наблюдается столкновение интересов и на сей раз это экономичность и этичность, интересы общества в целом и мировоззрение отдельного взятого человека. Как найти выход из создавшейся ситуации: жить воспоминаниями или устремить свой взор в будущее решать каждому индивидуально, но главное, чтобы у живущих всегда был выбор.

Библиографический список

1. *Земельный кодекс РФ*: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.

2. *Градостроительный кодекс РФ* от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 16.

3. *О погребении и похоронном деле*: Федеральный закон № 8-ФЗ от 12.01.1996 (ред. от 29.12.14) // *Собрание законодательства РФ*, 15.01.1996, N 3, ст. 146.

4. *Об утверждении СанПиН 2.1.2882-11 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения»*: постановление главного санитарного врача от 28 июня 2011 г. N 84 // *Российская газета*. N 198. 07.09.2011.

5. *О разъяснении* применения антимонопольного законодательства: письмо Федеральной антимонопольной службы № АК/34001 от 30.09.2009 // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ, N 1, 2010 (ч. II).

6. *Об утверждении* Положения о порядке оказания услуг по погребению и эксплуатации кладбищ на территории города Перми: решение Пермской городской Думы № 112 от 23.09.2003 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *О мерах* по реализации решения Пермской городской Думы от 23.09.2003 № 112 «Об утверждении Положения о порядке оказания услуг по погребению и эксплуатации кладбищ на территории Перми»: постановлении администрации города Перми № 3691 от 09.12.2004 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. <http://funeralportal.ru/magazine/1020/5402.html> (дата обращения 20.04.2015 г.)

9. http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/52335/%D0%9A%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B1%D0%B8 (дата обращения 20.04.2015 г.)

УДК 342+323.1
ББК 67.401

И.Р. Хисматуллин

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются особенности нормативно-правового обеспечения этнической политики в России. Выявляются основные недостатки действующего законодательства в рассматриваемой сфере и определяются основные направления его модернизации.

Ключевые слова: этническая политика, правовая основа, нормативно-правовые акты, проблемы нормативно-правового обеспечения, модернизация законодательства.

I.R. Khismatullin

Bashkir State Pedagogical University named M. Akmulla, Ufa

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF THE LEGAL FUNDAMENTALS OF ETHNIC POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

In article features of standard legal support of ethnic policy in Russia are analyzed. The main shortcomings of the current legislation of the considered sphere come to light and the main directions of its modernization are defined.

Key words: ethnic policy, legal basis, normative legal acts, problems of standard legal support, modernization of the legislation.

Российская Федерация (РФ) – одна из наиболее полиэтнических стран мира. Здесь проживают представители 193 национальностей, используются 277 языков и диалектов [5].

Процесс гармонизации отношений между российскими народами должен постоянно развиваться и совершенствоваться. На протяжении всей российской истории в основном исполнительная власть принимала основные решения в сфере этнической политики. Но эти решения всегда необходимо было

подкреплять сбалансированными и понятными всем законами. В условиях формирования демократического общества всё большее значение приобретают именно законодательное регулирование межэтнических отношений, разграничение властных полномочий в данной сфере, определение чётких норм и правил взаимоотношений органов государственной власти, местного самоуправления, народов и граждан РФ, их общественных объединений.

Правовую основу этнической политики в РФ составляют:

1) конституционные акты, содержащие общие положения об охране прав народов;

2) специальные законы, содержащие регламентацию правового положения народов, нормы, касающиеся их прав и свобод в различных сферах общественной жизни.

Базовыми нормативно-правовыми актами, реализующими основные подходы государства в сфере этнической политики, являются: Федеральные законы от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [8], от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [9], от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [10], от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [11], от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [12], целый комплекс нормативно-правовых актов в сфере обеспечения прав народов и др.; Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (утверждена распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. № 132-р) [4], Стратегия развития государственной политики РФ в отношении российского казачества до 2020 г. (утверждена Президентом РФ от 15 сентября 2012 г. № Пр-2789) [6], Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) [5].

Содействует успешной реализации этнической политики и Федеральный закон от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов РФ» [2]. Данный закон определяет юридический статус

языков народов, проживающих в РФ, гарантии их защиты, регламентирует использование языков в разных сферах государственной деятельности, в воспитании и обучении, в топонимике, предоставляет возможность установления ответственности за разжигание вражды и пренебрежение к любому из языков народов, нарушение установленных Конституцией РФ принципов этнической политики, создание привилегий и ограничений в использовании языков и т.д.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» [13] граждане имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования. Закон, гарантируя права национальных меньшинств, предусматривает необходимость установления государственных стандартов, включающих федеральный и национально-региональный компоненты при получении основного общего образования на родном языке.

Федеральным законом от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре» [3] гарантируется право народов на сохранение и развитие своей национально-культурной самобытности, защиту, восстановление и сохранение культурно-исторической среды обитания.

Закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [9] базируется на гарантированном государством праве самоопределения народов, этнических и национальных групп. Данное право национальной самоорганизации способствует возрождению и развитию культуры проживающих на территории РФ народов. Национально-культурные автономии призваны решать проблемы национально-культурного развития малых народов, реализуя общественную инициативу и самоорганизацию заинтересованных граждан.

Как видим, органы исполнительной и законодательной власти исходят из того, что целью и задачей этнической политики в РФ является сохранение российского общества во всём многообразии культур и языков, создание условий для дальнейшего развития многокультурности. В просвещении, образовании и обеспечении гражданских прав заключаются основы

подлинного самоопределения и свободного развития народов нашей страны. Для достижения этих целей необходимо развитие и серьёзное совершенствование законодательной базы, основанное на опыте и ответственности органов власти всех уровней. Этническая политика в РФ строится в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и создаёт новые механизмы поддержки единства этнокультурного развития.

Знаменательным событием в этнополитической жизни РФ стало создание Департамента межнациональных отношений – нового структурного подразделения в составе Министерства культуры РФ, образованного приказом Министерства культуры РФ от 21 ноября 2014 г. № 474-ОК [1].

Создание данного департамента было обусловлено передачей Министерству культуры РФ функций и полномочий в сфере реализации этнической политики, межнациональных отношений в соответствии с Указом Президента РФ от 8 сентября 2014 г. № 612 «Об упразднении Министерства регионального развития РФ» [7].

Несмотря на значительные успехи в вопросах нормативно-правового обеспечения этнической политики в РФ, в данной сфере сохраняется ряд актуальных нерешённых проблем:

1) отсутствие единого терминологического (понятийного) аппарата, применяемого в системе действующего законодательства;

2) отсутствие в действующем законодательстве нормативно-правовых норм, направленных на развитие общегражданской идентичности;

3) наличие в действующем региональном и общедепартаментальном законодательстве в сфере этнической политики, прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств РФ коллизий, устаревших норм, правовых лакун, в т.ч. положений, противоречащих действующему законодательству;

4) отсутствие среди полномочий субъектов РФ, предусмотренных Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [11], полномочий по участию в реализации

этнической политики и созданию условий для развития общегражданской идентичности;

5) отсутствие в большинстве субъектов РФ концептуальных документов и нормативно-правовых актов, направленных на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов, проживающих в данном регионе, а также на профилактику экстремизма.

С целью решения вышеуказанных проблем предлагаются следующие направления модернизации современного законодательства:

1) выработка единого терминологического (понятийного) аппарата, используемого в действующем российском законодательстве, включая новые нормативно-правовые категории, направленные на развитие общегражданской идентичности;

2) анализ действующего российского законодательства в сфере этнической и миграционной политики, борьбы с экстремизмом на региональном и общефедеральном уровнях с целью выявления правовых лакун и коллизий, а также положений, вступающих в противоречие с действующим законодательством;

3) внесение изменений в действующее российское законодательство с целью унификации применяемой терминологии и приведения законодательства в соответствие с разработанным понятийным аппаратом и проведённым анализом;

4) внесение изменений в Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» в части признания национально-культурной автономии социально ориентированной организацией, наделения её правом осуществления деятельности по адаптации и интеграции мигрантов;

5) внесение изменений в Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» в части наделения полномочиями по участию в реализации этнической политики и созданию условий для развития общегражданской идентичности;

б) подготовка предложений по отмене квоты на выдачу разрешений на временное проживание для иностранных граждан, въезжающих в целях осуществления трудовой деятельности, и введению ограничений на осуществление краткосрочной трудовой деятельности (в т.ч. сезонной) временно пребывающими иностранными гражданами, предусматривающих механизм выдачи разрешений на работу, исходя из перечня профессий (должностей, специальностей), на которые привлекаются иностранные рабочие;

7) разработка и принятие концептуальных документов и нормативно-правовых актов субъектов РФ, направленных на укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие народов и профилактику экстремизма;

8) нормативно-правовое установление критериев отнесения территорий (муниципальных образований) к местам традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ;

9) законодательное совершенствование организации и деятельности общин малых народов.

На основе партнёрства общественных и религиозных организаций, государства и частного сектора необходимо обеспечить деятельность интеграционных, культурно-образовательных центров для мигрантов, где необходимо вести их обучение русскому языку, знакомить с российской культурой и традиционными для РФ религиозными верованиями, а также способствовать социализации мигрантов.

Совокупность данных мер позволит урегулировать проблему ликвидации явного расхождения и дисбаланса в подходах к осуществлению этнической политики на региональном и общефедеральном уровнях, в т.ч. путём разработки (на основе федеральных актов) и принятия субъектами РФ базового пакета региональных законодательных и подзаконных актов в сфере языковой, этнокультурной и конфессиональной политики, а также консолидации общегражданской идентичности.

Библиографический список

1. *Департамент* межнациональных отношений [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. URL: http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=72636 (дата обращения: 18.05.2015).

2. *Закон* РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160106/ (дата обращения: 10.05.2015).

3. *Закон* РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/104540/> (дата обращения: 15.05.2015).

4. *Концепция* устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/194908/> (дата обращения: 20.04.2015).

5. *Стратегия* государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 15.04.2015).

6. *Стратегия* развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70365626/> (дата обращения: 20.04.2015).

7. *Указ* Президента РФ от 8 сентября 2014 г. № 612 «Об упразднении Министерства регионального развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hot-law/federal/563826/> (дата обращения: 18.05.2015).

8. *Федеральный закон* от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/obob/> (дата обращения: 17.04.2015).

9. *Федеральный закон* от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/135765/> (дата обращения: 17.04.2015).

10. *Федеральный* закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178365/ (дата обращения: 17.04.2015).

11. *Федеральный* закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177727/ (дата обращения: 18.04.2015).

12. *Федеральный* закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/188922/> (дата обращения: 18.04.2015).

13. *Федеральный* закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173649/ (дата обращения: 11.05.2015).

УДК 342.84
ББК 67.400.5

Д.М. Худолей

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В работе автором определен круг обязательных субъектов избирательного процесса. Обязательные субъекты подразделяются на две подгруппы: основные участники и органы, проводящие и организующие выборы. Основные участники – избиратели и кандидаты. Автор также делает вывод о необходимости выделения коллективных основных субъектов (партии и избирательный корпус).

Ключевые слова: избирательный процесс; классификация субъектов избирательного процесса; обязательные субъекты избирательного процесса.

D.M. Khudoley

Perm State National Research University

OBLIGATORY SUBJECTS OF ELECTORAL PROCESS

In the article the author defines a circle of obligatory and facultative subjects of electoral process. Obligatory subjects are subdivided on two subgroups: the basic participants and the bodies spending elections. The basic participants – voters and candidates. The author also does a conclusion about necessity of allocation of collective basic subjects (parties and electoral corpus).

Key words: electoral process; classification of subjects of electoral process; obligatory subjects of electoral process.

В современной отечественной науке сложилось следующее понимание категории «субъект избирательного процесса»: участник избирательных правоотношений, которые реализуют избирательные права или исполняют юридические обязанности. Однако многие ученые не проводят какой-либо классификации субъектов [11, с. 32] либо эта классификация поверхностна. Так,

Ю.А. Дмитриев и В.Б. Израелян делят всех субъектов на три группы: индивидуальные лица, объединения и органы публичной власти [9, с. 42]. Очевидно, что такое деление не подчеркивает особую роль тех или иных субъектов. Например, в первой группе оказались избиратели и наблюдатели. Очевидно, что возможно проведение выборов без наблюдателей, но без избирателей – никогда. К.В. Краснов в своей диссертации предложил более развернутую классификацию. На его взгляд, в процессе участвуют 6 групп участников: органы, назначающие выборы; избирательные комиссии; субъекты избирательного права; СМИ; органы, осуществляющие контроль за законностью выборов; органы, материально обеспечивающие выборы [12, с. 8]. Данная классификация, как не трудно заметить, лишена единого основания деления и также не отражает особую роль тех или иных субъектов в избирательном процессе. Стоит также отметить, что отдельные авторы к субъектам процесса относят даже нормоучредительные органы, которые, на наш взгляд, в избирательных отношениях вообще не участвуют [18, с. 96–98].

На наш взгляд, при решении вопроса о классификации субъектов избирательного процесса, следует руководствоваться критерием, выработанным учеными-процессуалистами. Так, общепринятой точкой зрения является деление субъектов гражданского процесса на основных и вспомогательных. Основные субъекты – носители спорного материального права, так называемые лица, участвующие в деле – истец, ответчик. Вспомогательные – лица, способствующие осуществлению правосудия – свидетель, эксперт, а также представители [7, с. 77]. В уголовном процессе большинство ученых также придерживаются аналогичной точки зрения [17, с. 234]. При этом отметим, что большинство ученых в качестве отдельной группы выделяет суд в качестве организатора процесса. Данную точку зрения, на наш взгляд, вполне уместно использовать и для классификации субъектов избирательного процесса.

Подобные взгляды не раз излагались учеными. Так, В.А. Ершов в зависимости от характера участия субъектов в избирательном процессе подразделяет лиц на две большие группы: субъекты, непосредственно реализующие свои избиратель-

ные права, и субъекты, способствующие реализации избирательных прав [10, с. 23]. Следовательно, граждане, участвующие в избирательном процессе в качестве избирателей или кандидатов, действуют в самостоятельном качестве: они реализуют *свои* избирательные права. Наоборот, наблюдатель, участвующий в процессе, создает условия для нормальной реализации *чужих* избирательных прав, принадлежащих избирателям, кандидатам, политическим партиям.

Следует напомнить, что многие процессуалисты относят суд к особому субъекту гражданского и уголовного процесса, подчеркивая его исключительное положение. В силу этого мы считаем, что для классификации субъектов избирательного права необходимо руководствоваться не только критерием обладания материального избирательного права.

Р.Ф. Биктагиров в своей диссертации излагает мысль о существовании обязательных и факультативных (вспомогательных) субъектов. Без участия обязательных субъектов проведение выборов невозможно. К таким субъектам Р.Ф. Биктагиров, в частности, относит избирателей, кандидатов, избирательные комиссии. Участие факультативных (вспомогательных) субъектов необязательно [8, с. 6]. К таким субъектам автор относит наблюдателей и пр. Данная точка зрения нам представляется весьма ценной. В силу этого мы предлагаем совместить классификации В.А. Ершова и Р.Ф. Биктагирова.

На наш взгляд, в избирательном процессе участвуют две большие группы субъектов: обязательные и факультативные участники. Субъекты каждой из групп, в свою очередь, подразделяются на две подгруппы в зависимости от наличия материальных или процессуальных избирательных прав. Так, очевидно, что среди обязательных субъектов можно выделить носителей активного или пассивного избирательного права. Поскольку данные права можно называть основными, видимо, вполне обоснованно их носителей называть основными субъектами избирательного процесса. Не вызывает сомнений утверждение, что избиратели и кандидаты – основные участники избирательного процесса.

Согласно пп. 18, 35 ст. 2 Закона «Об основных гарантиях...», избиратель – гражданин РФ, обладающий избирательным

правом. Кандидат – лицо, выдвинутое в качестве претендента на замещаемую посредством прямых выборов должность или на членство в органе (палате органа) государственной власти или органе местного самоуправления либо зарегистрированное соответствующей избирательной комиссией в качестве кандидата. Отметим, что закон разрешает избирателям и кандидатам участвовать в процессе в том случае, когда они будут обладать материальным избирательным правом ко дню голосования [3]. В силу этого несовершеннолетний гражданин должен признаваться избирателем, если он достигнет совершеннолетия ко дню голосования (ч. 1 ст. 4 Закона «Об основных гарантиях...»).

Избиратели и кандидаты обладают основными (активным и пассивным избирательным правом) и дополнительными избирательными правами (в основном, это процессуальные права, права участвовать в отдельных избирательных действиях). Данные субъекты участвуют в основных материальных избирательных отношениях – отношениях по поводу наделения полномочиями выборного должностного лица, формирования выборного органа власти. При этом основные субъекты вправе участвовать и в процессуальных правоотношениях на различных стадиях процесса. Так, избиратели вправе участвовать в осуществлении предвыборной агитации, сборе подписей, финансировании избирательной кампании и др.

Согласно устоявшейся правовой позиции Конституционного Суда РФ, носителями активного и пассивного избирательного права являются только граждане, однако многие ученые выступают за отнесение избирательных объединений к основным участникам избирательного процесса [5]. На наш взгляд, следует признать в качестве носителя пассивного избирательного права политическую партию.

На выборах, проводимых по пропорциональной избирательной системе, избиратели голосуют за ту или иную партию, выдвинувшую список кандидатов. При этом избранных по партийным спискам депутатов невозможно отозвать, поскольку избиратель голосовал за коллективного субъекта (партию), а не за конкретных личностей [1]. В Российской Федерации устанавливается ответственность депутатов перед партией (предусматривается

вается лишение мандата в случае выхода из состава фракции – п. «б» ч. 3 ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации») [2]. Поэтому мы считаем, что мандат непосредственно передается партии как субъекту пассивного избирательного права.

Стоит отметить, что правовая позиция Конституционного Суда РФ противоречива. Так, в п. 3 Постановления № 16-П от 9 ноября 2009 г. Суд изложил следующую точку зрения: «Право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (пассивное избирательное право) – одно из основных прав гражданина и важнейший элемент его правового статуса в демократическом обществе – по своей природе является индивидуальным, а не коллективным правом. В реализации данного права существенную роль играют политические партии как *основные коллективные участники избирательного процесса* (курсив мой – Д.Х.) ... Тем самым граждане, реализуя свое активное избирательное право, голосуют не за конкретных кандидатов, внесенных в список, выдвинутый избирательным объединением-политической партией, а за весь этот список, т.е., по существу, отдают голоса за соответствующую политическую партию, ее политический курс и предвыборную программу» [6]. Напомним, что существующая процессуальная наука основывается на утверждении, что основной субъект процесса – носитель спорного материального права. Это еще раз подтверждает необоснованность и алогичность правовой позиции Конституционного Суда РФ, который называет партии основными субъектами избирательного процесса, но отказывается признавать их носителями пассивного избирательного права.

Нередко ученые утверждают, что именно избирательное объединение является основным участником избирательного процесса [8, с. 13]. Эта точка зрения не совсем верна. Федеральный законодатель разрешает общественным движениям и организациям участвовать в местных выборах, проводимых по мажоритарной системе. Но в этом случае данное избирательное объединение лишь выдвигает кандидата в одно- или многомандатном округе. Непосредственно агитацию, финансирование

избирательной кампании данное объединение не осуществляет. Граждане на таких выборах голосуют за кандидата непосредственно. В данном случае общественное объединение скорее является вспомогательным субъектом, а не основным.

Также не стоит признавать основным субъектом группу избирателей, поддерживающих самовыдвижение кандидата в Президенты РФ. Группа избирателей лишь поддерживает его самовыдвижение и в дальнейшем не участвует в избирательном процессе.

Напомним, что в России создание избирательных блоков запрещено. Впрочем, при проведении местных выборов по партийным спискам допускается создание соглашений между партией (структурным подразделением) и общественными объединениями. В последнем случае в партийный список кандидатов включаются представители общественных объединений. Очевидно, что в последнем случае происходит объединение списков, но не создание самостоятельного участника избирательного процесса, т.к. избирательные действия совершает исключительно партия.

В силу вышеизложенного мы считаем, что коллективным основным субъектом избирательного процесса следует признавать именно партии и их структурные отделения (региональные или местные отделения), которые участвуют в выборах, проводимых по партийным спискам. В случае проведения выборов по мажоритарной системе эти объединения уже не могут признаваться основными субъектами избирательного процесса, поскольку они выполняют вспомогательную функцию по отношению к выдвинутым ими кандидатам и ограничиваются участием лишь в отдельных избирательных действиях.

Если допускать существование коллективного субъекта пассивного избирательного права, следовательно, необходимо выделять и коллективный субъект активного избирательного права. Так, В.О. Лучин, Р.Ф. Биктагиров предлагают считать народ коллективным субъектом активного избирательного права [13, с. 121; 8, с. 10]. Народ – носитель суверенитета, источник верховной власти в России. Именно народ избирает своих представителей (Президента РФ, весь состав Государственной Ду-

мы) на федеральных выборах, поскольку от волеизъявления отдельных избирателей не зависит судьба выборов.

Как разъяснил Конституционный Суд в п. 8 мотивировочной части Постановления № 26-П от 17 ноября 1998 г., граждане, которые не голосовали вообще или голосовали, но не за тех кандидатов, которые стали депутатами, не могут рассматриваться как лишенные своего представительства в парламенте. Из положений Конституции РФ следует, что все законно избранные депутаты Государственной Думы являются представителями народа и, следовательно, представителями всех граждан, которые вправе осуществлять управление делами государства через своих представителей. Кандидат, победивший на выборах на условиях, определенных законом, причем независимо от того, по какому избирательному округу, одномандатному или федеральному, он избран, становится депутатом Государственной Думы как представительного органа Российской Федерации, т.е. представителем народа [4]. Однако, на наш взгляд, коллективным субъектом активного избирательного права следует признать не народ Российской Федерации, а избирательный корпус, т.к. законом предусматриваются цензы избирательного права. Так, несовершеннолетние и недееспособные не обладают избирательной правосубъектностью. На региональных и муниципальных выборах голосует не народ государства, а избирательный корпус соответствующего политико-территориального образования. В недалеком прошлом некоторые государства разрешали проведение куриальных выборов. В этом случае существовал иной коллективный субъект активного избирательного права – **избирательная курия** (так, ранее в ЮАР белое и коренное население отдельно выбирало своих представителей) [14, с. 22]. При проведении не прямых выборов (как, например, при избрании Президента США) в голосовании участвует **коллегия выборщиков** – также еще один коллективный субъект активного избирательного права.

Коллективные субъекты, как ни трудно догадаться, категории собирательные (партии состоят из членов, избирательный корпус – из избирателей). Можно сделать вывод, что их сущест-

воование обусловлено таким законом диалектики, как закон перехода количества в качество. Так, определенная совокупность избирателей перерастает в самостоятельный субъект – избирательный корпус (народ, как указано в Конституции РФ), чье волеизъявление не сводимо к воле отдельных избирателей. Непосредственно в избирательном процессе коллективные субъекты не участвуют, поскольку от их имени действуют представители (интересы партии представляют доверенные лица и уполномоченные представители; народ же на выборах представляют рядовые избиратели, после выборов – депутаты и выборные должностные лица).

Ко второй подгруппе обязательных субъектов следует отнести органы государственной власти и местного самоуправления, проводящие и организующие выборы. В России такими органами являются избирательные комиссии (п. 21 ст. 2 Закона «Об основных гарантиях...»).

Избирательные комиссии лишены каких-либо материальных или процессуальных избирательных прав, они наделены полномочиями, причем весьма существенными. Таким образом, можно утверждать, что данная категория участников является уполномоченными субъектами, исполняющими возложенные на них законом юридические обязанности [16, с. 95].

Как выяснилось, круг субъектов избирательного процесса весьма широк. В процессе участвуют субъекты, выполняющие те или иные функции, обладающие различным объемом прав и обязанностей. Максимально возможным объемом прав обладают основные субъекты процесса – избиратели, кандидаты и партии, которые вправе участвовать практически во всех стадиях избирательного процесса [15, с. 89]. В силу этого мы приходим к важному выводу, что выделяемый в науке принцип равенства участников избирательного процесса не должен пониматься абстрактно. Строгое равенство должно обеспечиваться только среди однопорядковых субъектов. Среди разнопорядковых субъектов равенства нет и быть не может, поскольку они выполняют различные функции. Подобное неравенство не должно признаваться дискриминацией.

Библиографический список

1. *О заключении* Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по вопросам, предлагаемым для вынесения на референдум Российской Федерации Московской городской региональной подгруппой инициативной группы по проведению Российской Федерации: Постановление ЦИК РФ от 20 апреля 2005 г. № 143/981-4 // Рос. газ. 2005. 14 мая.

2. *О статусе* члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федер. Закон Рос. Федерации от 8 мая 1994 № -3-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

3. *Об основных* гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. Закон Рос. Федерации от 12 июля 2002 г. № 62 (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

4. *По делу* о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П // Рос. газ. 1998. 8 декабря.

5. *По делу* о проверке конституционности положения п. 11 ст. 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2000 г. № 7-П // СЗ РФ. 2000. № 19. Ст. 2102.

6. *По делу* о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.З. Измайлова: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2009 г. № 16-П // Рос. газ. 2009. 27 ноября.

7. *Арбитражный процесс: учебник / под ред. Валеева Д.Х., Челышева Ю.М.* М.: Статус, 2010. 572 с.
8. *Биктагиров Р.Ф.* Субъект избирательного права Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. 50 с.
9. *Дмитриев Ю.А., Израелян В.Б.* Избирательное право: учебник. М.: Юстицинформ, 2008. 312 с.
10. *Ершов В.А.* Основы избирательного права: учеб. пособие для студ. вузов. М.: ГроссМедия, 2008. 192 с.
11. *Князев С.Д.* Курс лекций по избирательному праву и избирательному процессу Российской Федерации. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. гос. ун-та, 2001. 213 с.
12. *Краснов К.В.* Субъект избирательного процесса в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 25 с.
13. *Лучин В.О.* Конституционные нормы и правоотношения. М.: Закон и право, 1997. 159 с.
14. *Маклаков В.В.* Избирательное право и избирательные системы буржуазных и развивающихся стран. М.: ВЮЗИ, 1987. 65 с.
15. *Худолей К.М.* Конституционное право зарубежных стран СНГ и Балтии: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т. 2009. 240 с.
16. *Худолей К.М.* Конституционность решений ЕСПЧ и их исполнимость // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2. С. 93–101.
17. *Шаталов А.С.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в схемах. М.: Москва, 2006. 410 с.
18. *Югов А.А.* Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 124 с.

УДК 342.39
ББК 67.400.1

К.М. Худoley

Пермский государственный национально
исследовательский университет

ЗАКРЕПЛЕНИЕ СУПЕРПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируются конституционные положения о форме правления Российской Федерации и их интерпретация в решениях Конституционного Суда РФ. Рассматриваются формы интервенции полномочий Президента Российской Федерации в полномочия других органов государственной власти. Делается вывод о закреплении в Российской Федерации суперпрезидентской республики.

Ключевые слова: форма правления, суперпрезидентская республика, решения конституционного суда, правовая позиция, толкование конституции.

K.M. Khudoley

Perm state national research university

FASTENING OF SUPERPRESIDENTIAL REPUBLIC IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The constitutional positions about the form of government of the Russian Federation and their interpretation in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed. Forms of intervention of powers of the President of the Russian Federation in powers of other public authorities are considered. The conclusion about fastening in the Russian Federation superpresidential republic becomes.

Key words: the board form, superpresidential republic, decisions of the constitutional court, a legal position, constitution interpretation

Вопрос о форме правления в Конституции Российской Федерации обойден стороной (в ст. 1 только упоминается о том, что Россия является республикой) [1]. Ряд авторов относят Россию к числу стран с президентской формой правления [9, с. 25],

а часть – смешанной [13, с. 123], а третьи – суперпрезидентской [14, с. 245]. Как представляется, суперпрезидентская форма правления [18. С. 234] (иногда ее называют президентско-монархическая республика) [19, с. 263] действительно имеет место, хотя некоторые авторы отрицают ее существование. В таких государствах президент является юридическим или фактическим главой исполнительной власти и обладает значительными полномочиями в законодательной и судебной ветви власти (абсолютное или «сильное» право вето в отношении принятых законов, право роспуска парламента, право издавать акты делегированного законодательства, право единоличного назначения судей, право отменять решения органа конституционного контроля). Главы государств в таких республиках занимают свой пост пожизненно либо неограниченное число раз или на длительные сроки [с. 57].

Как представляется, Конституция Российской Федерации также допускает чрезмерное усиление полномочий главы государства по сравнению с классической моделью смешанной республики (например, воспринятой во Франции по Конституции 1958 г.). Так, согласно Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации имеет право законодательной инициативы и право роспуска Государственной Думы, однако в странах с классической смешанной (Франция, Армения) или президентской формой правления (США) глава государства лишен права законодательной инициативы.

Несмотря на то, что глава государства согласно ст. 10 Конституции Российской Федерации формально ни к какой ветви власти не отнесен, но фактически Президент Российской Федерации возглавляет исполнительную ветвь власти. Президент Российской Федерации согласно конституционным положениям не связан с распределением политических сил в парламенте и может предлагать кандидатуру на пост Председателя Правительства Российской Федерации, которая не пользуется поддержкой большинства состава Государственной Думы. Так, из 10 Председателей Правительства Российской Федерации только двое последних – В. Путин и Д. Медведев возглавляли правящую в парламенте партию. Заметим, что практически во всех

странах со смешанной формой правления (Франция, Кыргызстан, Армения, Кабо-Верде, Болгария, Монголия и др.) в конституциях закрепляется обязанность главы государства внести кандидатуру на пост премьер-министра представителя партии или партийной коалиции, имеющей большинство мест в парламенте. Поэтому в таких государствах, как правило, президент не может распустить парламент и назначить новые парламентские выборы в случае неоднократного неутверждения кандидатуры премьер-министра.

При этом Президент Российской Федерации вправе председательствовать на заседания Правительства Российской Федерации и отправить Правительство Российской Федерации в отставку (ст. 83 Конституции Российской Федерации). Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации предусматривает формы парламентского контроля за действиями Правительства Российской Федерации, глава государства может игнорировать выражение недоверия Государственной Думой Правительству Российской Федерации. Только в случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу (ст. 117 Конституции Российской Федерации). Таким образом, Правительство Российской Федерации ответственно в основном только перед Президентом Российской Федерации. Ответственность Правительства Российской Федерации перед Государственной Думой носит крайне умозрительный характер, поскольку в случае неоднократного выражения вотума недоверия парламент может быть распущен. В связи с этим можно вспомнить случай, когда в 1997 г. сначала Государственная Дума выразила недоверие Правительству Российской Федерации под руководством В. Черномырдина, но спустя неделю была вынуждена по инициативе последнего, поставившего вопрос о доверии, оказать доверие этому же составу Правительства. Во многих же республиках смешанного типа выражение парламентом вотума недоверия влечет отставку правительства, сам же глава государства не может отправить правительство в отставку самостоятельно (Франция, Армения, Болгария).

Только перед избранным Президентом Российской Федерации Правительство слагает свои полномочия (ст. 116 Конституции Российской Федерации). Заметим, что даже среди зарубежных стран СНГ правительство слагает свои полномочия также в связи с избранием парламента или его палат (Литва, Узбекистан, Армения, Грузия, Кыргызстан) или ставит перед ним вопрос о доверии (Казахстан).

При этом постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации в случае их противоречия Конституции Российской Федерации, федеральным законам и указам Президента Российской Федерации могут быть отменены Президентом Российской Федерации (ст. 115 Конституции Российской Федерации). Заметим, что в зарубежных странах, где воспринята классическая модель смешанной формой правления, глава государства лишен права отменять акты правительства (Франция, Армения, Литва). В случае сомнения в конституционности актов правительства президент в таких странах вправе обратиться в конституционный суд.

Являясь лицом, на которое Конституция Российская Федерация возлагает обязанность по обеспечению согласованного функционированию и взаимодействия органов государственной власти, Президент Российской Федерации фактически возвышается над всеми ветвями власти и становится центральной фигурой в государственном механизме. Без участия Президента Российской Федерации фактически не может функционировать ни одна из ветвей власти. Происходит вторжение – «интервенция» полномочий главы государства в сферу полномочий всех ветвей государственной власти. Причем многие полномочия главы государства были значительно расширены по сравнению с буквальными конституционными положениями благодаря правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Впервые Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, обосновывавшее значительное усиление роли главы государства в законодательной деятельности, в Постановлении от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой

системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» [10]. Как отметил федеральный конституционный суд, не противоречит Конституции Российской Федерации издание им указов, восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения, при условии, что такие указы не противоречат Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов.

Президент Российской Федерации неоднократно издавал акты, имеющие силу закона (например, по установлению государственной символики – герба, гимна, флага). Отдельные из этих актов фактически имели силу не простого федерального закона, а федерального конституционного закона. Некоторые же указы Президента с одобрения федерального конституционного суда встали в один ряд с Основным Законом, поскольку изменения наименования республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа в соответствии с ч. 2 ст. 137 Конституции Российской Федерации включаются в текст ст. 65 Конституции Российской Федерации указом Президента Российской Федерации на основании решения субъекта РФ, принятого в установленном им порядке [3].

Также еще одним примером для интервенции власти главы государства в осуществление законодательной власти является решение Конституционного Суда РФ по делу о том, какой закон считается «принятым» [6]. Конституционный Суд РФ разъяснил, что не является отклонением федерального закона возвращение Президентом Российской Федерации федерального закона в соответствующую палату Федерального Собрания, в случае нарушения палатой установленных Конституцией Российской Федерации требований к порядку принятия федеральных законов и предусмотренных ею условий и процедур.

Конституционное законодательство зарубежных стран предусматривает право главы государства возвращать закон

в парламент по мотивам нарушения порядка его принятия, но исключительно в процедуре использования права «вето». Конституционный Суд РФ, предоставив право Президенту Российской Федерации возвращать закон в парламент, минуя процедуру права «вето» [5], значительно расширил полномочия главы государства в законодательной сфере по сравнению с текстом Конституции Российской Федерации. Теперь Президент Российской Федерации может возвращать закон в парламент неограниченное число раз, указывая на нарушение порядка принятия закона, в то время как Конституция Российской Федерации предоставляет главе государства использовать право «вето» всего один раз [12, с. 55]. Как нам представляется, глава государства не может сам признавать неконституционность процедуры принятия закона, это вправе сделать только Конституционный Суд РФ.

Для осознания роли главы государства в осуществлении исполнительной власти необходимо назвать в первую очередь так называемое «чеченское дело». Напомним, в Конституционный Суд РФ поступил запрос о проверке конституционности указов Президента Российской Федерации о введении на территории Чеченской Республики «режима восстановления основ конституционного строя, конституционной законности и правопорядка на территории субъекта РФ» [3]. Следует признать, что подобные механизмы в конституционном регулировании в мировой практике предусмотрены в виде так называемого «федерального вторжения» (ФРГ, Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Мексики, Эфиопии). В дальнейшем данная правовая позиция конституционного суда послужила основанием для выделения «скрытых» полномочий главы государства. Институт «скрытых (подразумеваемых)» полномочий органов государственной власти известен мировой конституционной практике (например, в США и Великобритании), однако он используется с достаточной степенью осторожности и лишь в целях обеспечения эффективного действия принципа разделения властей с тем, чтобы не допустить произвольного усиления одной ветви власти за счет другой. По мнению судьи Конституционного Суда РФ Н.В. Витрука признание существования «скрытых (подразумеваемых)»

полномочий Президента Российской Федерации в условиях действия только что принятой федеральной Конституции и писанных законов, конкретизирующих нормы Конституции, означает неправомерное расширение полномочий Президента как главы государства за счет полномочий федерального парламента и федерального правительства. Конституционный Суд, признав наличие существования «скрытых полномочий», с точки зрения Н.В. Витрука тем самым по существу создал новые нормы Конституции [2].

Результатом деятельности Конституционного Суда РФ стало законодательное оформление главы государства как лица, непосредственно возглавляющего «силовые» министерства. Отметим, что в одних государствах со смешанной формой правления президент лишен права руководства министерств силового блока (Франция, Армения, Литва). В ряде других зарубежных странах со смешанной формой правления глава государства возглавляет «силовые» министерства (Казахстан, Кыргызстан), но в этих республиках данные положения, в отличие от России, непосредственно закреплены в конституциях.

Также представляется важным вспомнить правовую позицию федерального конституционного суда относительно порядка утверждения Председателя Правительства Российской Федерации [7]. Как не трудно заметить, Конституция Российской Федерации в ст. 111 говорит об отклонении Государственной Думой «кандидатур» на пост Председателя Правительства Российской Федерации, а не «кандидатуры», чем недвусмысленно указывает на то, что должны представляться в парламент на одобрении разные кандидатуры. Также является логичным, исходя из буквы Основного Закона, представлять главой государства разные кандидатуры на пост главы правительства: если парламент один раз кандидатуру отклонил, какой смысл снова ее вносить?

Однако по результатам рассмотрения дела Конституционный Суд постановил, что после трехкратного отклонения представленных Президентом Российской Федерации кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации – независимо от того, представлялся ли каждый раз новый кандидат ли-

бо один и тот же кандидат дважды или трижды, – Государственная Дума подлежит роспуску. Думается, что такое толкование прямо противоречит не только буквальному тексту Основного Закона, но и модели взаимодействия высших органов государственной власти смешанной республики, в которой премьер-министр назначается *совместно* парламентом и главой государства. Благодаря же правовой позиции Конституционного Суда РФ именно Президент Российской Федерации обладает решающими полномочиями в процедуре назначения Председателя Правительства Российской Федерации и фактически может назначить его на пост вопреки воли парламента. Последнее произошло у Президента Российской Федерации весной 1998 г., когда Б.Н. Ельцин трижды вносил кандидатуру Д. Кириенко в Государственную Думу и все-таки «передал» парламент в решении этого вопроса.

Применительно к судебной власти интервенция главы государства, например, выражается в том, Президент Российской Федерации согласно правовой позиции федерального конституционного суда вправе отстранять от должности Генерального Прокурора Российской Федерации без согласия Совета Федерации, хотя назначение на должность и отстранение с должности Генерального Прокурора Российской Федерации должно осуществляться главой государства обязательно с согласия верхней палаты парламента [8].

Таким образом, большую роль в установлении авторитарной власти Президента Российской Федерации, юридическим выражением которой выступает суперпрезидентская форма правления, сыграла интерпретация конституционных положений Конституционным Судом РФ [17, с. 334; 18, с. 55]. Правовые позиции федерального конституционного суда о так называемых «скрытых» полномочиях главы государства обеспечили интервенцию полномочий президента по отношению к каждой ветви власти в системе разделения властей по вертикали (внутри федерального центра) и по горизонтали (по отношению к органам государственной власти субъектов РФ).

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (в ред. от 05.02. 2014) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

2. *Особое* мнение судьи Конституционного Суда Н.В. Витрука // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

3. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

4. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1995 г. № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 14 декабря.

5. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 3.

6. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 6 апреля 1998 г. № 11-П «По делу о разрешении спора между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации, между Государственной Думой и Президентом Российской Федерации об обязанности Президента Российской Федерации подписать при-

нятый Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда. 1998. № 4.

7. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 11 декабря 1998 г. № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда. 1999. № 2.

8. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального Прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // Вестник Конституционного Суда. 1999. № 6.

9. *Агивец С.В., Белова И.А.* Конституционное право зарубежных стран. Гродно, 2001. 474 с.

10. *Вестник* Конституционного Суда РФ. 1996. № 3.

11. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. 520 с.

12. *Колушин Е.И.* Скрытые полномочия или присвоение власти? // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 53–56.

13. *Страшун Б.А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран: часть общая / отв. ред. Б.А. Страшун. М., 2000. Т. 1–2. 784 с.

14. *Сухарев В.Я.* Правовые системы стран мира: энциклопедический словарь-справочник / отв. ред. В.Я. Сухарев. М., 2003. 976 с.

15. *Худолей Д.М.* Избирательное право и процесс Российской Федерации: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2009. 336 с.

16. *Худолей Д.М.* Суверенитет или автономия? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2. С. 48–57.

17. *Худолей Д.М.* Основные, гибридные и атипичные формы правления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4. С. 53–65.

18. *Чиркин В.Е.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 1997. 568 с.

19. *Чиркин В.Е.* Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2002. 197 с.

УДК 342.39
ББК 67.400.6

О.Ю. Чулакова

ООО «Межрегиональный центр юруслуг», Пермь

УПРАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ПУБЛИЧНОГО СОБСТВЕННИКА КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ

В статье исследуется понятие управления государственной и муниципальной собственностью как комплексного правового института.

Ключевые слова: собственник, публичный собственник, управление имуществом публичного собственника.

O.Y. Chulakova

ICLS Ltd. Perm

THE MANAGEMENT OF THE PROPERTY OF THE PUBLIC OWNER AS JURIDICAL TERM: THE DEFINITION OF THE TERM AND ITS CONTENT

This article examines the concept of management of state and municipal property as a complex legal Institute.

Key words: owner, public property, management of public property

Управление имуществом, относящимся к собственности публично-правового образования, – сложный межотраслевой институт, и в силу преобразований, имевших место в России после распада СССР существует множество проблем различного характера, связанных с данным институтом. Проблемным является вопрос правового регулирования управления имуществом публичного собственника – на уровне Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Следует отметить, что федеральное законодательство, несмотря на обилие нормативных актов, в рассматриваемой сфере имеет существенный недостаток: оно не содержит основ управления государствен-

ным и муниципальным имуществом, не определяются такие важнейшие понятия, как «управление», «эффективность управления», «цели управления» и т.д., не устанавливает единых критериев для определения эффективности управления имуществом публично-правовых образований.

Характеризуя федеральное законодательство в рассматриваемой сфере, необходимо обратить особое внимание на Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также – ГК РФ). Он не относится к числу нормативных актов, посредством которых осуществляется регулирование управления государственным или муниципальным имуществом, однако содержит нормы, являющиеся основой для непосредственной реализации этого процесса. Прежде всего, ГК РФ устанавливает, что имущество может находиться в собственности граждан и юридических лиц, а также Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и дает понятие государственной и муниципальной собственности. ГК РФ также устанавливает, что от имени Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде, соответственно, органы государственной власти или органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

По мнению некоторых авторов (например, В. Андреев¹), используемые в ст. 214, 125 и 295–296 ГК РФ не совпадают понятия осуществления прав собственника от имени Российской Федерации и права собственника в отношении имущества, находящегося в хозяйственном ведении или оперативном управлении. Как в том, так и в другом случае права собственника от имени Российской Федерации осуществляют государственный органы и юридические (физические) лица-представители государства, хотя в гл. 19 ГК РФ прямо указывается, что действует сам собственник.

¹ Андреев В. Правовые проблемы распоряжения и управления федеральной собственностью // Хозяйство и право. 1999. № 6. Стр. 102

Полагаем, указанная проблема является несколько надуманной: понятие «собственник» в рассматриваемых случаях всегда означает Российскую Федерацию. Однако в силу того, что Российская Федерация, равно как и ее субъект или муниципальное образование, сама непосредственно не может выступать участником гражданского оборота, такое участие осуществляется через уполномоченные государственные органы и юридические (физические) лица в случаях, предусмотренных законом. Поэтому использование понятия «собственник» в данном случае не создает никакой путаницы.

Несмотря на то, что в Гражданском кодексе РФ очень четко прописано, кто действует от имени публично-правового образования, указанное положение потребовало разъяснений, и в 2014 г. законодатель разъяснил, что в случае участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в хозяйственных обществах и товариществах от имени этих публично-правовых образований выступают государственные органы, органы местного самоуправления (п. 1 и 2 ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации), в том числе в случаях, если эти органы названы участниками соответствующих хозяйственных обществ или товариществ в их учредительных документах¹.

Несмотря на то, что в ГК РФ за последние годы было внесено множество изменений, существенно изменивших облик этого нормативного акта, в части управления имуществом публичного собственника изменений не произошло никаких.

Само слово «управление» по-прежнему используется законодателем лишь в следующих случаях:

- когда речь идет об участии в организации и управлении ею (п. 1 ст. 2, ст. 52, п. 2 ст. 57, п. 4 ст. 62 и др.)
- при описании полномочий опекуна и попечителя в отношении имущества подопечного (ст. 37, 38, 41)

¹ П. 17 ст. 3 Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

- при определении судьбы имущества лица, признанного безвестно отсутствующим (ст. 43, 44)
- в отношении ограниченного вещного права – права оперативного управления (гл. 19 ГК РФ);
- при перечислении прав собственника в отношении его имущества;
- в отношении управления залогом;
- в отношении управления транспортным средством;
- в отношении доверительного управления имуществом (гл. 53 и др.).

При этом ни разу в кодексе не встречается определение используемого понятия.

Исходя из практики применения законодателем в Гражданском кодексе РФ понятия управления по отношению к имуществу, становится ясно, что управление представляет собой деятельность не собственника, а иного лица, которому это имущество было передано собственником (ст. 41, гл. 53 ГК РФ) или органом опеки и попечительства в интересах собственника (ст. 38, 43 ГК РФ). По отношению к «своему» имуществу понятие управления не используется совсем, что представляет логичным, поскольку по смыслу самого понятия управления оно подразумевает отстраненность собственника от объекта управления. В связи с этим представляется некорректным определение управления в качестве разновидности собственнических полномочий, равно как и включение в понятие управления полномочия собственника по распоряжению своим имуществом. Представляется более правильным в качестве «собственнического полномочия» называть не управление имуществом, а право передать свое имущество в управление другому лицу.

Вряд ли можно говорить о том, что управление муниципальной собственностью представляет собой саму деятельность по владению, пользованию и распоряжению объектами муниципальной собственности.

Институт управления муниципальной собственностью в систему гражданского права не входит. Он является комплексным правовым институтом. При этом регулирование отношений, входящих в его состав, осуществляется нормами му-

ниципального, конституционного и административного права в тесном взаимодействии с нормами гражданского и иных отраслей права. Комплексный характер данного института определяется спецификой отношений, которые он объединяет: они возникают по поводу муниципального имущества, являющегося экономической основой местного самоуправления, гарантированного Конституцией РФ, и одновременно категорией гражданского права (ст. 215 ГК РФ), в то же время сами эти отношения не носят характер гражданско-правовых, а при их реализации используются традиционные для административного права механизмы, методы, формы и средства управления.

При том обстоятельстве, что содержание права собственности одинаково для всех собственников и определяется нормами гражданского законодательства, содержание управления имуществом, являющимся объектом права собственности, различно. Содержание управления муниципальным имуществом определяется правовыми актами муниципальных образований, принимаемыми в соответствии с федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации.

В завершение следует отметить, что управление муниципальным имуществом как правовой институт требует более обстоятельного, самостоятельного нормативного регулирования, основой которого должен быть федеральный закон. Отсутствие такового на сегодняшний день создает многочисленные проблемы, связанные, прежде всего, с отнесением того или иного имущества к муниципальной или государственной собственности, а также с определением границ полномочий публично-правовых образований в сфере управления таким имуществом.

УДК [1: 316]: 316.334.52
ББК 663,5 (2Рос_4Пер) Щ-95

Р.И. Щукина

НОУ ВПО «Западно-Уральский институт
экономики и права», Пермь

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ (ЭТНИЧЕСКОЙ) ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Статья посвящена актуальным проблемам государственного управления – реализации государственной национальной (этнической) политики, управления национальными отношениями на региональном уровне с учетом опыта Пермского края, при этом анализируются современные механизмы реализации национальной политики.

Ключевые слова: глобализационные вызовы, управленческие проблемы, национальная (этническая) политика межэтнические отношения, социальные и философские аспекты, полиэтничные субъекты Федерации, региональное законодательство, программно-целевой подход.

R.I. Shcukina

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE STATE NATIONAL (ETHNIC) POLICIES AT REGIONAL LEVEL

The article is devoted to actual problems of implementation of the state national (ethnic) policy, management of national relations at the regional level, taking into account the experience of the Perm region, analyzes modern mechanisms of national policy.

Key words: challenges of globalization, governance issues, national (ethnic) policy inter-ethnic relations, social and philosophical aspects time, the subjects of the Federation, regional legislation, target-oriented approach

Стратегической целью цивилизованного развития России на современном этапе, как считают российские ученые, должно стать снижение порога конфликтности. Приоритетной эта задача

является и в сфере межнациональных отношений, вопросы регулирования которой современная наука относит и к теоретическим, и к актуальным практическим проблемам современности. Сфера национальных отношений – сложное, многоплановое явление, охватывающее главные аспекты развития государства, социума и человека (целостность, этнополитическая стабильность, культурное многообразие, права человека). Вместе с тем, она имеет относительную самостоятельность, и ее развитие обуславливает необходимость разработки и внедрения системных мер, осуществляемых государством, которые и составляют суть его национальной политики в отношении народов и этнических общностей. Сущностное содержание национальной политики как системы мер по развитию сферы межнациональных отношений заключается в минимизации рисков, снятии социальной напряженности на этнической почве, что обуславливает приоритетную цель национальной политики – сохранение единства и целостности российской государственности.

Значимость социально-философских аспектов национальной политики проявляется в том, что в рамках ее реализации государственное управление межнациональными процессами, субъектом которых является человек, обретает ценностный смысл, целевую направленность, стройность, четкость и системность. В настоящее время актуальность национальной политики (цели, принципы, приоритеты, механизмы с учетом региональных особенностей) обусловлена необходимостью решения социально значимых задач, требующих компетентных и своевременных управленческих решений по консолидации представителей разных национальностей на преодоление кризиса и обеспечение цивилизационных перспектив развития российского общества.

Консолидация российского общества стала одной из важнейших проблем государственного строительства на современном этапе далеко не случайно: вызовы и угрозы в области этничности внушают обеспокоенность во всем мире, проявляясь на региональном уровне. Пермский край в этом плане не исключение, о чем свидетельствуют события января 2014 г. [6]. Повышение уровня конфликтности отмечается и в других регионах России. Таким образом, глобализационный императив XXI в. обусловил социаль-

но-философский анализ трансформации основ государственной национальной политики, эффективности законодательства в контексте этих вызовов. В ряде федеральных документов укрепление единства нации обозначено как приоритетная цель [1]. Общероссийским союзом общественных объединений учреждена общенациональная общественная награда – орден «Российская нация» и т.д.

Исторические аналогии и современные реалии позволяют утверждать, что в России «существует реальная общность россиян на основе исторических и социальных ценностей, но усилия *значительной части политической и экспертной элиты направлены на отрицание этой общности*» [8], что актуализирует разработку механизмов реализации национальной политики, направленных на единение народов России. Одним из них является ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» [9]. Таким образом, главная проблема *региональной национальной политики* заключается в ее соответствии, с одной стороны, *возможностям отвечать на современные вызовы*, с другой – *новым требованиям, изложенным в нормативных документах федерального уровня*, в т.ч. закону об определении ответственности органов региональной, муниципальной власти и их должностных лиц в межнациональной сфере [2]. Однако просто усиление ответственности не принесет должного результата, поэтому национальная политика должна включать весь спектр вопросов сохранения богатства этнических культур и установок на гражданское единение.

Необходимость разработки и реализации национальной политики в Пермском крае обусловлена полиэтничностью региона и определенными правовыми документами. Во-первых, Уставом Пермского края сохранение и развитие национальных культур регламентируется как *приоритет деятельности органов власти* (ст. 32). Во-вторых, это региональные нормативные правовые акты, регламентирующие механизмы реализации национальной политики в регионах. В Пермском крае это законы и постановления правительства края о *целевых комплексных программах*. В 1993 г. в Прикамье была разработана первая в России «национальная» программа. Сегодня реализовано уже пять комплексных программ. В первых из них главным средством

единения народов края выступал потенциал этнических культур. В настоящее время актуальной и глобальной в международном сообществе является проблема гармонизации. Эта парадигма новой эпохи во всем мире должна стать всеохватной и всеобъемлющей, а поэтому – основной идеей в деятельности всех субъектов управления, всех общественных отношений. Первостепенна задача и роль национальной политики во внедрении этой парадигмы в управленческую практику с целью позитивного устойчивого развития этих отношений, их гармонизации.

Впервые *специальный раздел по гармонизации межнациональных отношений* был включен в *целевую комплексную Программу развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на 2004–2008 гг.*, утвержденную законом. В числе ее задач – распространение *идей духовного единства, межнационального согласия народов*. В числе приоритетов Программы – *консолидация многонационального регионального общества. Объединительные тенденции, интегрирующие мотивы, направления* были значительно усилены в комплексе мероприятий пятой целевой Программы на 2009–2013 гг. [5].

Благодаря программно-целевому методу опыт региона по сохранению самобытности народов, профилактике экстремизма получил резонанс в других субъектах РФ. Уровень конфликтности на основе этничности в рамках этого подхода стал рассматриваться как критерий эффективности национальной политики. Так, мониторинг общественного мнения, проводимый в регионе, на начало 2014 г. зафиксировал 91 % граждан, отметивших в крае отсутствие социальных конфликтов на почве межэтнических отношений. Однако лишь 77 % опрошенных положительно оценили состояние межэтнических отношений. Подобные показатели обусловили необходимость совершенствования законодательной базы края [3].

В 2014 г. серьезный импульс развитию регионального законодательства края придало постановление Правительства Пермского края 03.10.2013 № 1326-п «О государственной программе «Обеспечение взаимодействия общества и власти» [3]. Эта программа разработана на новаторских подходах к воплощению идеи гражданского единения. Ее содержание составляет *единый комплекс действий* по адекватному реагированию власти на запро-

сы гражданских институтов, на религиозные и национальные потребности населения и т.д. с единой целью – *обеспечение эффективного взаимодействия общества и исполнительной власти края*. Приоритеты программы – внедрение форм гражданского участия, *формирование у жителей края гражданской позиции, уважения к истории и культурным ценностям своей Родины*. Многоаспектность структуры этого документа позволила объединить ресурсные возможности семи подпрограмм по самым актуальным для региона направлениям гражданского развития (реализация национальной политики, позитивное развитие государственно-конфессиональных отношений, политической и правовой культуры, СМИ и т.д.), содействующим гражданскому единению и общественному консенсусу.

При этом *прорывом в законодательстве этнической сферы* региона стала подпрограмма «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае». Она разработана с учетом приоритетов национальной политики РФ, новых федеральных правовых актов, этнокультурной специфики края и преемственности. В этой подпрограмме используются понятия «консолидация», «гражданское единение». И цель, и задачи, и ожидаемая результативность предусматривают укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), проживающего в Пермском крае; содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений; содействие этнокультурному многообразию народов России; обеспечение реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»; объединение усилий всех звеньев системы власти, научных, образовательных, культурных учреждений, творческих коллективов, учреждений физической культуры и спорта, общественных национальных и других объединений для обеспечения стабильного позитивного развития сферы межэтнических отношений в Пермском крае. Главное назначение подпрограммы – *обеспечить качественную систему связей, объединяющих жителей края разных национальностей в многонациональное сообщество, внедрить новую организационную структуру большого пе-*

речня адресных мероприятий по консолидации народов края, что воплощается в структуре разных по значимости мероприятий.

В перечне основных мероприятий – *«Развитие позитивного межнационального взаимодействия»*. Конкретные мероприятия направлены на гармонизацию межнациональных отношений, в том числе через субсидии национально-культурных общественных объединений. Инструментом реализации этого документа избран ежегодный план с включением отдельного раздела *по гармонизации межнациональных отношений и формированию толерантности*. Существенно увеличен объем финансирования подпрограммы.

В-третьих, региональная национальная политика регламентируется подзаконными актами (указы, распоряжения губернатора, документы органов исполнительной власти и т.д.), которые регламентируют различные аспекты ее реализации. Например, положение о координационном совете по национальным вопросам при губернаторе Пермского края, членами которого являются лидеры национальных общественных объединений, утверждено указом губернатора [4]. Основные функции этого коллегиального органа заключаются в культивировании ценностей гражданского единения, достижении общественного согласия. В этом плане региональное законодательство регламентирует включение в процессы консолидации национальных общественных институтов, главное предназначение которых сегодня – достижение социального консенсуса как главной ценности и фактора сохранения целостности России.

Итак, динамично развивающаяся национальная политика на региональном уровне, в частности в Пермском крае, может служить примером механизма укрепления гражданского единения региональных сообществ. Однако практически действенным этот механизм будет при условии полного обеспечения финансовых обязательств по реализации программных мероприятий (в условиях дефицита бюджета этот риск вероятен). Четкая и эффективная работа соисполнителей государственной программы позволит минимизировать административные риски ее реализации.

Библиографический список

1. *Концепция* долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты РФ в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений: Федеральный закон от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ. URL: <http://consultant.ru> Закон (дата обращения: 02.03.2015).

3. *О государственной* программе «Обеспечение взаимодействия общества и власти»: постановление Правительства Пермского края от 3 октября 2013 г. № 1326-п. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 12.03.2015).

4. *О Координационном* совете по национальным вопросам при губернаторе Пермского края: указ губернатора Пермского края от 4.09.2012 № 58. URL: <http://www.garant.ru> Пермский край>423458 (дата обращения: 15.03.2015).

5. *О краевой* целевой программе развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на 2009–2013 годы: закон № 378-ПК. URL: <http://mk.permkrai.ru/upload/> (дата обращения: 12.03.2015).

6. *Пермь* едва не превратилась в Бирюлево. URL: <http://www.59.ru/text/news/745195.html> (дата обращения: 14.03.2015).

7. *Стратегия* государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/> (дата обращения: 05.03.2015).

8. *Тишков В.А.* Российский народ и национальная идентичность // Известия (московский выпуск). 19.06.2011.

9. *ФЗП «Укрепление* единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»: постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718. URL: <http://www.garant.ru> Прайм>doc/ 70339260 (дата обращения: 05.03.2015).

РАЗДЕЛ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 34
ББК 67.405

Р.В. Антропов

Забайкальский институт
предпринимательства СибУПК, Чита

СОВРЕМЕННОЕ ТРУДОВОЕ ПРАВО ГЕРМАНИИ: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ

Статья заостряет внимание на целесообразности изучения трудового права Германии в условиях развития общеевропейских интеграционных связей. Выделены труды немецких ученых, в которых рассматриваются отдельные проблемы трудового права. Сделан вывод об особенностях развития трудового законодательства ФРГ на современном этапе.

Ключевые слова: Германия, трудовое право, состояние законодательства и его эволюция.

R.V. Antropov

Zabaikalsky Entrepreneurship Institute of
Siberian University of Consumer Cooperatives, Chita

THE MODERN LABOR LAW OF GERMANY: STRUCTURAL FEATURES AND TRENDS IN EVOLUTION

The article focuses on the feasibility of studying labor law in Germany in terms of all-European integration relations. The works of German scientists, that consider individual issues of labor law, are highlighted. The conclusion about the features of the German labor law at the present stage is drawn.

Key words: Germany, labor law, law state and its evolution.

Включение России в мировые интеграционные процессы неизбежно приводит к необходимости выявления и анализа современных тенденций развития зарубежного трудового права, а также управленческих подходов в решении общих проблем, поскольку опыт правового регулирования, накопленный авторитетными субъектами мирового сообщества, имеет, безусловно, наднациональную ценность [1, с. 312].

В немецкой справочной юридической литературе трудовое право (нем. *Arbeitsrecht*) определяется как право, регламентирующее трудовые отношения. Трудовое право Республики – это частично частное право, и частично публичное право. Структурно оно подразделяется на «индивидуальное трудовое право» (нем. «*Individualarbeitsrecht*»), «коллективное трудовое право» (нем. «*Kollektivarbeitsrecht*») и «право охраны труда» (нем. «*Arbeitsschutzrecht*»).

Источниками немецкого трудового права выступают непосредственно действующее право Европейского союза, общие императивные законоположения национального права, императивные законоположения о коллективных договорах на частных предприятиях, нормы по отдельным договорам, подлежащим пересмотру с согласия сторон и пр. Для возникающих разногласий существует юрисдикция судов по трудовым спорам [6, с. 27].

Немецкой правовой наукой актуальным вопросам современного трудового права ФРГ традиционно уделяется значительное внимание. Так, теоретическую основу проведенного нами исследования составляют новейшие труды немецких ученых в области как общей теории, так и особенной части трудового права, таких как Wilhelm Dütz [2], Claudia Haack [3], Thomas Holbeck и Ernst Schwindl [4], Abbo Junker [5], Günter Marschollek [7], Martin Maties [8], Rainer Wörlen и Axel Kokemoor [9] и др.

Но, пожалуй, одним из самых ценных источников, на наш взгляд, является новейшее издание Федерального министерства труда и социальных вопросов Германии «Обзор трудового права и права охраны труда – 2014/2015» [11]. Эта книга информирует читателя об особенностях применения основных положений немецкого трудового законодательства актуально, компактно и с большой увязкой с существующей практикой. При этом принимаются во внимание

новые реформы в трудовом законодательстве, равно как и тенденции в развитии юрисдикционной деятельности Европейского суда (судебной палаты) и судов по трудовым спорам.

Анализ источников позволяет выделить важнейшие нововведения в трудовом праве ФРГ 2014 г., к каковым, в частности, немецкие коллеги относят:

- введение в действие Первого Постановления к изменению Положения о лечебно-трудовой помощи (нем. Erste Verordnung zur Änderung der Verordnung zur arbeitsmedizinischen Vorsorge (ArbMedVV));

- новая редакция Положения о безопасности и защите здоровья при работе с биоматериалами (нем. Verordnung über Sicherheit und Gesundheitsschutz bei Tätigkeiten mit Biologischen Arbeitsstoffen, сокр. Biostoffverordnung или BioStoffV) 1999 г.;

- введение Положения о рабочем времени при деятельности в оффшорах (нем. Verordnung über die Arbeitszeit bei Offshore-Tätigkeiten);

- нововведения в праве представительства сотрудников церквей и церковных организаций (нем. Mitarbeitervertretungsrecht der Kirchen);

- новые, относящиеся к области трудового права, правила о так называемом «родительском времени» (нем. Elternzeit), под которым понимается отпуск по уходу за новорожденным ребенком, и занятости иностранцев, работающих по найму (нем. Neue arbeitsrechtliche Regelungen zur Elternzeit und Beschäftigung ausländischer Arbeitnehmer);

- обновление «Закона о труде моряков» (нем. Seearbeitsgesetz, ранее Seemannsordnung) и пр.

Экономический (хозяйственный) порядок Германии знает двух главных акторов в трудовом праве: работодателя (нем. Arbeitgeber) и наемного работника или же дословно с немецкого – «работополучателя» (нем. Arbeitnehmer). Вследствие структурной слабости статуса наемного работника по сравнению со статусом работодателя предоставляет трудовое право наемному работнику особую защиту.

Трудовое право ФРГ разделено на две различные правовые сферы:

– «индивидуальное трудовое право»: регулирует условия труда, такие, как например, рабочее время (нем. Arbeitszeit); частичная занятость (нем. Teilzeit) – регулируется «Законом о работе с частичной занятостью и об ограничении срока трудового договора» (нем. Gesetz über Teilzeitarbeit und befristete Arbeitsverträge, сокр. Teilzeit- und Befristungsgesetz, – TzBfG) – Закон о сокращённом рабочем времени от 21 декабря 2000 г.; гарантия от необоснованного увольнения рабочих и служащих (нем. Kündigungsschutz) и т.д.;

– «коллективное трудовое право»: регулирует отношения работниц и работников как коллектива с одним или несколькими работодателями, например, посредством заключения коллективного договора / коллективного трудового соглашения (нем. Tarifvertrag), служащим основой для формирования индивидуальных трудовых соглашений и заключаемым обычно между профсоюзами и союзом работодателей.

С помощью законов и нормативных предписаний, как, например, положений «Закона о минимальной заработной плате» (нем. Gesetz zur Regelung eines allgemeinen Mindestlohns, сокр. Mindestlohngesetz (MiLoG)) 2014 г., «Закона о нормативных условиях труда для иностранных работников» (нем. Gesetz über zwingende Arbeitsbedingungen für grenzüberschreitend entsandte und für regelmäßig im Inland beschäftigte Arbeitnehmer und Arbeitnehmerinnen, сокр. Arbeitnehmer-Entsendegesetz (AEntG) 1996 г. охраняет Федеральное министерство труда и социальных вопросов Германии (нем. das Bundesministerium für Arbeit und Soziales, сокр. BMAS) права работниц и работников. На возникающие новые проблемы, как например, защита персональных данных работника (нем. Arbeitnehmerdatenschutz) или же давление и **издевательства** на рабочем месте со **стороны работодателя** (нем. Mobbing) BMAS незамедлительно реагирует предложениями по модернизации трудового права.

Положениями MiLoG, AEntG, Закона «О тарифных договорах» (нем. Tarifvertragsgesetz, сокр. TVG) 1949 г. и «Закона о переуступке другому работодателю наемных работников» / закон о так называемом «заемном труде» (нем. Gesetz zur Regelung der Arbeitnehmerüberlassung, сокр. Arbeitnehmerüberlassungsgesetz

(AÜG)) 1972 г. устанавливаются правовые рамки для развития современного института минимальной заработной платы.

Согласно положениям Закона о минимальной заработной плате, который вступил в силу 16 августа 2014 г., впервые в истории Республики с 01 января 2015 г. устанавливается минимальная заработная плата в 8,50 евро в час. До этого момента Германия являлась одним из семи членов Евросоюза без минимального уровня заработной платы. Размер заработной платы фиксировался отраслевыми профессиональными союзами и ассоциациями работников разных сфер.

Социальное страхование работников и борьба с безработицей – это стержневые задачи Федерального министерства труда и социальных вопросов Германии. Следующее главное направление министерства лежит в организации страхования по безработице (нем. *Arbeitslosenversicherung*) и обеспечении прав ищущих работу граждан.

Пособие по безработице (нем. *Arbeitslosengeld*) как компенсационная социальная денежная выплата реализуется согласно положениям третьей книги Социального кодекса Германии (нем. *SGB III*). Пособия по безработице как результат страхования работников финансируются из поступлений по страхованию на случай безработицы.

Согласно действующему законодательству предельный размер пособия по безработице составляет для безработного с одним ребенком в соответствии с налоговым правом (нем. *Steuerrecht*) 67 % от заработной платы, для остальных безработных – 60 % округленного вычета.

Для реализации права на пособие по безработице требуемое время ожидания для тех, кто состоял в отношениях социального страхования на случай безработицы, составляет не менее 12 месяцев с момента уведомления агентства по трудоустройству о безработице – так называемый типовой общий срок (нем. *Rahmenfrist*).

Максимальный срок реализации права на пособия по безработице составляет 12 месяцев, для тех, кому за 50 лет – до 15 месяцев, для тех, кому за 55 лет – до 18 месяцев, и для тех, кому за 58 лет – до 24 месяцев.

По данным Федерального агентства по труду Германии (нем. die Bundesagentur für Arbeit, сокр. ВА) количество трудоустроенных и обязанных делать взносы в фонд социального страхования по состоянию на февраль 2015 г. составляет 30 316 700 чел. Безработица составляет 2 842 844 чел. Лиц с неполной (частичной) занятостью – 3 708 739 чел. [10].

Несмотря на некоторые усилия и регламентацию в Договоре об объединении Германии (нем. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands, сокр. Einigungsvertrag), заключённом между Федеративной Республикой Германия и Германской Демократической Республикой 31 августа 1990 года о ликвидации ГДР (§ 30 Einigungsvertrag), до сих пор в Федеративной Республике нет единого кодификационного акта в области трудового права – Трудового кодекса Германии. Основные регуляторы в раздробленном состоянии находятся, помимо вышеуказанных актов, в различных правовых областях и нормативных источниках, что показывает, насколько сложна и многогранна область немецкого трудового права.

Таким образом, опыт исследования современного трудового законодательства ФРГ в части установления государственных гарантий трудовых прав и свобод немецких граждан, создания благоприятных условий труда, защиты прав и интересов как работников, так и работодателей в Федеративной Республике является, на наш взгляд, актуальным и перспективным в рамках российской науки трудового права, поскольку соответствует остроте и актуальности в решении соответствующих аналогичных проблем в условиях общеевропейских процессов глобализации социально-трудовых отношений.

Библиографический список

1. *Антропов Р.В.* К вопросу о целесообразности изучения социального и трудового права Китая и Германии в условиях глобальных экономических трансформаций мирового устройства // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регио-

нализации и глобализации: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 20–32.

2. *Dutz W., Thüsing G.* Arbeitsrecht. München: C.H. Beck Verlag, 2014. 549. S.

3. *Haack C.* Arbeitsrecht. Münster: Alpmann Schmidt Verlag, 2013. 344 S.

4. *Hollbeck T., Schwindl E.* Arbeitsrecht. München: Vahlen Verlag, 2014. 183 S.

5. *Junker A.* Grundkurs Arbeitsrecht. München: C.H. Beck Verlag, 2015. 480 S.

6. *Köbler G.* Juristisches Wörterbuch: Für Studium und Ausbildung. München: Vahlen Verlag, 2012. 512 S.

7. *Marscholke G.* Arbeitsrecht. Münster: Alpmann Schmidt Verlag, 2013. 120 S.

8. *Maties M.* Arbeitsrecht. München: C.H. Beck Verlag, 2013. 182 S.

9. *Wörlen R., Kokemoor A.* Arbeitsrecht. München: Vahlen Verlag, 2013. 203 S.

10. *Arbeitsmarkt im Überblick – Die aktuellen Entwicklungen in Kürze – April 2015* [Электронный ресурс]. URL: <http://statistik.arbeitsagentur.de/Navigation/Statistik/Statistik-nach-Themen/Arbeitsmarkt-im-Ueberblick/Arbeitsmarkt-im-Ueberblick-Nav.html> (дата обращения: 07.04.2015).

11. *Übersicht über das Arbeitsrecht / Arbeitsschutzrecht 2014/2015.* Bundesministeriums für Arbeit und Soziales: Bildung und Wissen Verlag, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.amazon.de/%D0%A3%D0%9Cbersicht-%D0%A3%D0%BCber-Arbeitsrecht-Arbeitsschutzrecht-2014/dp/3821472871/ref=sr_1_1?s=books&ie=UTF8&qid=1431301493&sr=1-1&keywords=Die+%D0%A3%D0%9Cbersicht+%D0%A3%D0%BCber+das+Arbeitsrecht+%2F+Arbeitsschutzrecht (дата обращения: 11.04.2015).

УДК 347.73
ББК 67.404

А.А. Богустов

Гродненский филиал «БИП – Институт правоведения»

КОНВЕРГЕНЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО И ТОРГОВОГО ПРАВА В МОДЕЛЬНЫХ ПРАВИЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Эта статья посвящена исследованию процесса сближения гражданского и торгового права. Подробно описывается его развитие в Модельных правилах европейского частного права.

Ключевые слова: гражданское право, торговое право, конвергенция, модельное законодательство.

A. Bogustov,

Grodno branch of Private
Education Institutions «BIP – Institute of Law»

CONVERGENCE OF CIVIL AND TRADE LAW IN THE MODEL RULES OF EUROPEAN PRIVATE LAW

The article deals with research of convergence of civil and trade law. It is spoken in detail development of this process is described in the Model rules of European private law.

Key words: civil law, trade law, convergence, model rules.

Современное развитие национальных правовых систем характеризуется процессами их гармонизации и унификации. Для гражданского права с его традиционным консерватизмом одним из наиболее эффективных способов сближения законодательства разных стран является применение модельных либо типовых законов, общих принципов, рекомендаций и тому подобных документов. Они позволяют государствам, не принимая на себя жестких обязательств по изменению гражданского законодательства, осуществлять его трансформацию и модернизацию. К числу таких модельных актов можно отнести и «Прин-

ципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной системы» («*Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference*» – далее DCFR) [1]. Анализ данного документа имеет большое значение, поскольку он, как и любой другой модельный акт, является результатом осмысления процесса формирования современного гражданского права. Участники создания DCFR указывают, что он «как преимущественно научный текст отражает развитие цивилистической мысли в Европе, а также во всем мире» [2, с. 47].

Одной из тенденций, находящих закрепление DCFR, выступает стремление современного законодательства отказаться от дуализма частного права. Говоря о дуализме частного права следует согласиться с мнением М.И. Кулагина о том, что он «проявляется в наличии двух относительно самостоятельных систем источников права, прежде всего в одновременном существовании гражданских и торговых кодексов. В ряде стран имеются и особые торговые суды, рассматривающие споры с участием коммерсантов» [4, с. 168].

Внешним выражением отказа от дуализма частного права выступает отрицание возможности независимого существования двух кодексов – гражданского и торгового. Это в полной мере характерно для DCFR и выражается в легальном закреплении понятия «предприниматель». В соответствии со ст. I.-1: 105 DCFR термин «предприниматель» означает «физическое или юридическое лицо независимо от формы собственности последнего (публичная или частная), которое действует с целью, имеющей отношение к осуществлению не по найму торговой, производственной или профессиональной деятельности, даже если лицо не намерено в ходе такой деятельности извлекать прибыль». Из этого следует, что отношения по осуществлению коммерческой деятельности входят в предмет регулирования гражданского права, что делает излишним принятие отдельных торговых кодексов. В свою очередь это приводит к тому, что в текст DCFR включен ряд статей призванных урегулировать отношения, возникающие в процессе осуществления предприни-

мательской деятельности (например, ст. ст. II.-5: 105, II.-5: 106, II.-9: 102, IVA-5: 103 и др.)

В DCFR находит отражение еще одна тенденция развития правового регулирования коммерческих отношений, приводящая либо к снижению значения, либо вообще к полному отказу от торговых кодексов. По мнению Е.А. Суханова «торговое законодательство фактически всегда развивается помимо торгового кодекса и в тех странах, где сохранен указанный «дуализм» (законы об акционерных и других торговых обществах, о биржах, о ценных бумагах, о банкротстве и т.д.)» [6, с. 14]. На это указывает и ст. I.-1: 101 DCFR, которая предусматривает, что Модельные правила по общему правилу не применяются в отношении переводных векселей, чеков и простых векселей, а также иных оборотных долговых инструментов (п. «d» ч. 2 ст. ст. I.-1: 101) и созданию, правоспособности, внутренней организации, деятельности или ликвидации компаний и других образований, как обладающих статусом юридического лица, так и не имеющих такового (п. «g» ч. 2 ст. ст. I.-1: 101). Таким образом, значительная часть отношений традиционно включаемых в предмет торгового права должна получить урегулирование в рамках специальных законов помимо DCFR, которые содержат, как было установлено выше, общие положения о регулировании предпринимательской деятельности. В таких условиях целесообразность разработки и принятия торговых кодексов вызывает большие сомнения.

В литературе высказывается мнение о том, что «проблема дуализма – это не только вопрос о соотношении гражданского и торгового кодексов, сколько проблема соподчиненности системной принадлежности различных групп норм, регулирующих однородные общественные отношения» [5, с. 1]. Следовательно, отказ от дуализма частного права проявляется не только в отказе от торговых кодексов, но и в применении единых подходов для регулирования гражданско-правовых и коммерческих отношений. Примером может служить восприятие DCFR отдельных правовых конструкций торгового права.

В свою очередь это явление отражает процесс характерный для развития национального гражданского законодательст-

ва ряда европейских стран. М.И. Кулагин справедливо указывал: «Многие принципы, конструкции и нормы торгового права распространяются в настоящее время и на область традиционного гражданского права. Указанный процесс получил название «коммерциализация» гражданского права. Эти изменения приводят к перемещению границы между гражданским и торговым правом, а сегодня в ряде случаев ее вообще бывает трудно установить» [4, с. 199].

Коммерциализация DCFR проявляется в применении отдельных нормативных подходов торгового права для регулирования гражданско-правовых отношений. Например, традиционно с начала XX в. [7, с. 19–22] и до настоящего времени [3, с. 17–18] в юридической литературе к числу характерных черт разграничивающих гражданское и торговое права относились отличия в регулировании формы сделок и значении вины как основания ответственности за неисполнение обязательств. В свою очередь DCFR устанавливает, что по общему правилу «для заключения, составления либо подтверждения договора или иного юридического акта не требуется письменная форма» (ч. 1 ст. II.-1: 106). Закрепляя правила освобождения должника от ответственности за неисполнения обязательства DCFR (ст. III.-3: 104) исходит из того, что такое освобождение возможно только в том случае, когда неисполнение было вызвано «препятствием, находящимся вне сферы контроля должника, и от должника нельзя было разумно ожидать, что он избежит или преодолеет такое препятствие или его последствия».

Библиографический список

1. *Модельные* правила европейского частного права. М., 2013. 989 с.
2. Бар К., Клив Э., Варул П. Предисловие к российскому изданию // *Модельные правила европейского частного права*. М., 2013. С. 17–47.
3. *Богатых А.Е.* Гражданское и торговое право. М., 1996. 192 с.

4. *Кулагин М.И.* Предпринимательство и право: опыт Запада // *Избранные труды*. М., 1997. С. 184–291.

5. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно правовое исследование / руководитель авт. колл. В.В. Залесский. М., 1999. 648 с.

6. *Суханов Е.А.* Предисловие к книге «Г.Ф. Шершеневич. Учебник торгового права (по изданию 1914 года)». М., 1994. С. 7–15.

7. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. СПб., 1908. 515 с.

УДК 34.03
ББК 67.404.3

М.А. Глевич

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь

К ВОПРОСУ О КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию норм права, регулирующих отношения, связанные с защитой нарушенного субъективного исключительного права на секрет производства путем компенсации.

Ключевые слова: секрет производства; исключительное право; убытки; недобросовестная конкуренция

М.А. Glevich

Perm state national research university, Perm

TO THE QUESTION ON COMPENSATION FOR INFRINGEMENT OF THE EXCLUSIVE PRIVILEGE ON TRADE SECRET

The article are devoted comparative-legal to research of the rules of law connected by protection of the subjective exclusive privilege on trade secret by compensation.

Keywords: trade secret; exclusive privilege; losses; unfair competition

Согласно данным опроса 537 правообладателей секретов производства в 2013 г., указанным в отчете Европейской комиссии по некоторым проблемам регулирования отношений, связанных с секретом производства, основными причинами, по которым правообладатели секрета производства не обращаются в суд за судебной защитой нарушенного права, являются трудность в сборе доказательств – 42,9 %, нехватка эффективных правовых средств защиты – 28,6 %, отсутствие методики

определения убытков – 27 %, низкая вероятность взыскания убытков – 23,8 %¹.

В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 13 Директивы Европейского парламента и совета «О защите нераскрытого ноу-хау и бизнес-информации (секрета производства) от незаконного приобретения, использования и разглашения» от 28.11.2013 г. органы судебной власти могут в соответствующих случаях определять убытки в виде единовременно выплачиваемой суммы, основанной на следующих факторах, как минимум, сумма лицензионного вознаграждения или иного вознаграждения, которая причиталась бы правообладателю, если бы нарушитель обратился за разрешением использовать спорный секрет производства².

В общем праве Англии и Уэльса, Республики Ирландии, Австралии, Гонконга отсутствует универсальный метод определения убытков, поэтому в каждом конкретном случае их размер будет зависеть от различных факторов. Основным судебным прецедентом, который установил порядок определения размера компенсации убытков в случае нарушения права на секрет производства в этих государствах, является решение суда по делу *Seager v. Copydex*³.

В соответствии с указанным решением судья лорд Деннинг предложил три альтернативных варианта компенсации убытков: 1) если конфиденциальная информация «ничего особенного» не содержит и этот вид информации может получить каждый, кто обращается к услугам консультанта, то убытки

¹ Study on Trade Secrets and Confidential Business Information in the Internal Market (Prepared for the European Commission). Brussels. April 2013. P. 145.

² Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) against their unlawful acquisition, use and disclosure 2013/0402 (COD) Brussels, 28.11.2013. [Электронный ресурс]. URL: . eu/internal_market/iprenforcement/docs/trade-secrets/131128_proposal_en. pdf/ (дата обращения: 01.09.2014).

³ *Seager v Copydex* (№.2) // All England Law Reports. 1969. № 2 All ER 718; Appendix 6 Study on Trade Secrets and Confidential Business Information in the Internal Market the European Commission MARKT/2011/128/D. Brussels. April 2013. P. 277–278; Davison M. J., Monotti A.L., Wiseman L. Australian Intellectual Property Law. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 373–374; Kariyawasam R. Chinese intellectual property and technology laws / UK: Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 223.

истца должны определяться на основе размера вознаграждения, которое взимает консультант за эту информацию; 2) если конфиденциальную информацию можно квалифицировать как «не-что особенное», например, если она обладает изобретательским уровнем или чем-то столь необычным, что ее невозможно получить в результате обращения к консультанту, тогда размер компенсации определяется ее ценой, которую согласится оплатить заинтересованный покупатель продавцу информации; 3) если информация рассматривается как что-то «совершенно особенное», то, по мнению лорда Деннинга, компенсация должна определяться на основе размера лицензионного вознаграждения. В этом случае в решении суда указывается одновременно выплачиваемая сумма лицензионного вознаграждения¹.

В 2011 г. Апелляционный суд Великобритании для целей правосудия признал *технические секреты производства* объектом интеллектуальной собственности и признал применимость Директивы № 2004/48/ЕС Европейского парламента и совета Европейского союза «Об обеспечении прав на интеллектуальную собственность» (принята в г. Страсбурге 29.04.2004) о принудительном осуществлении прав².

В Сингапуре также определены различные условия для защиты секрета производства в зависимости от вида охраняемой информации. Техническая информация, составляющая секрет производства, защищается даже в случае отсутствия соглашения с третьими лицами. Бизнес-информация представляет меньшую ценность с точки зрения закона, поэтому подлежит защите только в том случае, если была передана лицу по договору, который нарушил условия соглашения³. В Великобритании в отношении бизнес-информации действует аналогичное правило⁴.

¹ Seager v Copydex (№2) // All England Law Reports. 1969. № 2 All ER 718.

² Vestergaard Frandsen v Bestnet [2011] // England and Wales High Court Decisions. 2011. № EWCA Civ 424; Report on Trade Secrets for the European Commission // Hogan Lovells International LLP. London, 2011. P. 33.

³ Llewelyn D. Указ. соч. P. 1.

⁴ Report on Trade Secrets for the European Commission // Hogan Lovells International LLP. London, 2011. P. 33.

В соответствии со ст. 1226 Гражданского кодекса Италии, если точный размер убытков не может быть доказан, то их справедливый размер определяется судом¹.

В качестве критерия определения справедливого размера компенсации учитывается средний размер лицензионного вознаграждения, который выплачивал бы нарушитель, если бы он заключил лицензионный договор в отношении объекта аналогичного характера².

В случае если причиненный ущерб в результате незаконного использования секрета производства затруднительно определить, то суды в Бельгии могут взыскивать сумму компенсации с учетом требований разумности и справедливости по аналогии с п. 5 ст. 52 Закона Бельгии «О патентах»³ и ст. 86 Закона Бельгии «Об авторском праве и смежных правах»⁴.

В соответствии с исследованием Европейской комиссии, связанным с анализом законодательства государств – членов Европейского союза, которое регулирует отношения по поводу секрета производства, правообладатель секрета производства имеет право на справедливую компенсацию имущественного вреда в соответствии с нормами гражданского законодательства, если не может представить доказательства точного размера причиненного имущественного вреда, также в следующих государствах: Болгарии, Эстонии, Финляндии, Литве, Люксембурге, Мальте, Нидерландах, Португалии, Румынии⁵.

¹ Codice civile Repubblica Italiana approvato con R.D. 16.03.1942, n. 262 (con modificazioni, dalla L. 11 agosto 2014, n. 116) // Gazzetta Ufficiale Repubblica Italiana. 4 aprile 1942. № 79.

² Appendix 6 Study on Trade Secrets and Confidential Business Information in the Internal Market the European Commission MARKT/2011/128/D. Brussels. April 2013. P. 305–306.

³ Закон Бельгии «О патентах» от 28.03.1984 г. (в ред. от 22.12.2008 г.) // Moniteur Belge. 9 mars 1985; Appendix 6 Study on Trade Secrets and Confidential Business Information in the Internal Market the European Commission MARKT/2011/128/D. Brussels. April 2013. P. 32.

⁴ Закон Бельгии «Об авторском праве и смежных правах» от 30.06.1994 г. (с изменениями, внесенными Законом от 03.04.1995 г.) // Moniteur Belge. 27 juillet 1994. P. 19297.

⁵ Study on Trade Secrets and Confidential Business Information in the Internal Market (Prepared for the European Commission). Brussels. April 2013. P. 37.

Согласно п. 17 Разъяснений Верховного суда Китайской Народной Республики «О некоторых вопросах, касающихся применения закона судом в гражданских делах, связанных с недобросовестной конкуренцией» при определении ущерба за действия, нарушающие права на бизнес-секреты, которые установлены в ст. 10 Закона «О недобросовестной конкуренции», суд может применять методы определения ущерба, которые используются при защите патентных прав¹.

Согласно ст. 10 Закона Китайской Народной Республики «О недобросовестной конкуренции» лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не может использовать ни одно из следующих средств, посягающих на секрет производства: 1) получение доступа к секрету производства от лица, в отношении которого действует обязательство о неразглашении секрета производства, путем воровства, подстрекательства, угроз или любых других недобросовестных средств; 2) сообщение, использование или разрешение третьему лицу использовать секрет производства, полученный от лица, в отношении которого действует обязательство о неразглашении секрета производства, способами, указанными в предыдущем абзаце; 3) нарушение соглашения или обязательства по охране секрета производства обязанным лицом путем сообщения, использования или разрешения использования третьему лицу секрета производства².

Получение, использование или разглашение чужого секрета производства лицом, которое знает или должно знать, что случай соответствует противоправным действиям, перечисленным в предыдущем параграфе, необходимо определять как нарушение права на секрет производства.

¹ Разъяснение Верховного суда Китайской Народной Республики «О некоторых вопросах, касающихся применения закона судом в гражданских делах, связанных с недобросовестной конкуренцией» от 12 января 2007 г. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=182407 / (дата обращения: 01.09.2014).

² Закон Китайской Народной Республики «О недобросовестной конкуренции» от 02 сентября 1993 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=125970 / (дата обращения: 01.09.2014).

Согласно п. 1 ст. 65 Закона Китайской Народной Республики «О патентах» размер компенсации за нарушение патентного права должен быть определен согласно фактическим потерям патентообладателя, обусловленным нарушением. Если трудно определить фактические потери, размер компенсации может быть установлен согласно выгодам, полученным нарушителем в результате противоправного действия. Если трудно определить убытки патентообладателя или выгоды, полученные нарушителем, размер компенсации может быть определен согласно разумно увеличенной сумме лицензионного вознаграждения за использование такого объекта патентного права. Размер компенсации должен включать разумные расходы, понесенные патентообладателем, чтобы предотвратить нарушение. Если убытки патентообладателя, выгоды нарушителя или лицензионное вознаграждение за использование объекта патентного права трудно определить, народный суд может на основе таких критериев, как тип объекта патентного права, характер нарушения, значимость дела, определить размер компенсации в пределах от 10 000 до 1 000 000 юаней¹. Таким образом, в соответствии с ранее указанной позицией Верховного суда КНР гражданское законодательство Китайской Народной Республики предоставляет правообладателю бизнес-секретов множество способов определения размера компенсации за нарушения их прав.

Проблема определения компенсации возникает в случае разглашения нарушителем бизнес-секрета. Согласно абз. 2 п. 17 Разъяснений Верховного суда Китайской Народной Республики «О некоторых вопросах, касающихся применения закона судом в гражданских делах, связанных с недобросовестной конкуренцией» если какой-либо бизнес-секрет стал широко известным в результате какого-либо деликта, то убытки должны быть определены согласно коммерческой стоимости этого делового секрета. Коммерческая стоимость секрета производства должна

¹ Закон Китайской Народной Республики «О патентах» от 12 марта 1984 г. (с поправками, внесёнными Решением от 27.12.2008 г. «О пересмотре Закона Китайской Народной Республики “О патентах”») [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=178664/ (дата обращения: 01.09.2014).

быть определена на основе таких элементов, как затраты на научно-исследовательскую деятельность, прибыль от использования секрета производства, возможные выгоды, период времени, в течение которого сохранялось конкурентное преимущество, и другие факторы¹.

Таким образом, на основании проведенного исследования представляется, что в целях повышения уровня защиты исключительного права на секрет производства в Российской Федерации правообладателю секрета производства следует предоставить право на компенсацию имущественного вреда с учетом требований разумности и справедливости в случае нарушения исключительного права на секрет производства.

Библиографический список

1. *Закон* Китайской Народной Республики «О недобросовестной конкуренции» от 02 сентября 1993 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=125970/ (дата обращения: 25.11.2014).

2. *Закон* Китайской Народной Республики «О патентах» от 12 марта 1984 г. (с поправками, внесёнными Решением от 27.12.2008 г. «О пересмотре Закона Китайской Народной Республики “О патентах”») [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=178664/ (дата обращения: 25.11.2014).

3. *Закон* Бельгии «Об авторском праве и смежных правах» от 30.06.1994 (с изменениями, внесенными Законом от 03.04.1995) // *Moniteur Belge*. 27 juillet 1994. P. 19297.

4. *Разъяснение* Верховного суда Китайской Народной Республики «О некоторых вопросах, касающихся применения закона судом в гражданских делах, связанных с недобросовестной конкуренцией» от 12 января 2007 г. № 2 [Электронный ре-

¹ Разъяснение Верховного суда Китайской Народной Республики «О некоторых вопросах, касающихся применения закона судом в гражданских делах, связанных с недобросовестной конкуренцией» от 12 января 2007 г. № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=182407/ (дата обращения: 01.09.2014).

сурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=182407 / (дата обращения: 25.11.2014).

5. *Appendix 6 Study on Trade Secrets and Confidential Business Information in the Internal Market* the European Commission MARKT/2011/128/D. Brussels. April 2013. P. 305–306.

6. Codice civile Repubblica Italiana approvato con R.D. 16.03.1942, n. 262 (con modificazioni, dalla L. 11 agosto 2014, n. 116) // *Gazzetta Ufficiale Repubblica Italiana*. 4 aprile 1942. № 79.

7. *Davison M. J., Monotti A.L., Wiseman L.* Australian Intellectual Property Law. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 373–374;

8. *Kariyawasam R.* Chinese intellectual property and technology laws. UK: Edward Elgar Publishing Limited, 2011. P. 223.

9. *Llewelyn D.* Protecting Business Secrets in Singapore / White & Case LLP. Singapore, 2010. P. 5.

10. *Proposal* for a Directive of the European Parliament and of the Council on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) against their unlawful acquisition, use and disclosure 2013/0402 (COD) Brussels, 28.11.2013. [Электронный ресурс]. URL: [eu/internal_market/iprenforcement/docs/trade-secrets/131128_proposal_en.pdf](http://europa.eu/internal_market/iprenforcement/docs/trade-secrets/131128_proposal_en.pdf) / (дата обращения: 01.09.2014).

11. *Report* on Trade Secrets for the European Commission // Hogan Lovells International LLP. London, 2011. P. 33.

12. *Study* on Trade Secrets and Confidential Business Information in the Internal Market (Prepared for the European Commission). Brussels. April 2013. P. 145.

13. *Seager v Copydex* (№.2) // All England Law Reports. 1969. № 2 All ER 718.

14. *Vestergaard Frandsen v Bestnet* [2011] // England and Wales High Court Decisions. 2011. № EWCA Civ 424.

УДК 347
ББК 67.410

А.И. Гройсберг

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Пермь

УСЛОВИЯ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТОВ, ИМЕЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются вопросы правового регулирования процедуры установления фактов, имеющих юридическое значение для возникновения, изменения или прекращения прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Исследуются критерии, определяющие возможность установления того или иного факта в арбитражном процессе.

Ключевые слова: арбитражный процесс; юридические факты; спор о праве; особое производство.

A.I. Groysberg

National Research University Higher School
of Economics (HSE – Perm)

TERMS FOR CONSIDERATION OF BUSINESSES ABOUT ESTABLISHMENT OF FACTS, HAVING LEGAL VALUE, IN ADJUDICATORY PROCEEDING

The questions of the legal adjusting of procedure of establishment of facts, having a legal value for an origin, change or stopping of rights for legal entities and individual businessmen in the field of enterprise and to another economic activity, are investigated in the article. Criteria are investigated, qualificatory possibility of establishment of one or another fact in the adjudicatory proceeding.

Keywords: adjudicatory proceeding; legal facts; dispute about a right; special production.

К подведомственности арбитражных судов в соответствии со ст. 30 Арбитражного процессуального кодекса РФ отнесены

дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение для возникновения, изменения или прекращения прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Правовое регулирование процессуальных правоотношений по вопросам об установлении фактов, имеющих юридическое значение для возникновения, изменения или прекращения прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, осуществляется нормами гл. 27 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Кроме того, в арбитражной судебной практике применяются и учитываются выводы Высшего арбитражного суда РФ, содержащиеся в Постановлении ВАС РФ от 31 октября 1996 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 2), и в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2004 г. № 76 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение».

Особенности судопроизводства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение в арбитражном процессе обусловлены, прежде всего, характером устанавливаемых фактов.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ в п.2 ст.218 содержит открытый перечень фактов, которые могут быть установлены по правилам особого производства.

Во-первых, в суде может быть установлен факт владения и пользования юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем недвижимым имуществом как своим собственным.

Во-вторых, арбитражные суды устанавливают факты государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя в определенное время и в определенном месте.

В третьих, факты принадлежности правоустанавливающего документа, действующего в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, юридическому лицу или

индивидуальному предпринимателю, если наименование юридического лица, имя, отчество или фамилия индивидуального предпринимателя, указанные в документе, не совпадают с наименованием юридического лица по его учредительному документу, именем, отчеством или фамилией индивидуального предпринимателя по его паспорту или свидетельству о рождении.

При этом следует обратить внимание, что не допускается рассмотрение в суде заявления об исправлении технических ошибок, допущенных при государственной регистрации прав, поскольку специальный порядок установлен Федеральным законом от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (Постановление ФАС Поволжского округа от 13.12.2010 по делу № А55-2453/2010).

Закон предусматривает, что судами могут устанавливаться и другие факты, порождающих юридические последствия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Заявителем по делам об установлении может быть только то лицо, чье субъективное право зависит от установления юридического факта. При этом право (интерес) заявителя должен вытекать из предпринимательской деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Требования п.1 ст. 218 АПК РФ позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, в качестве заявителя должно выступать лицо, которому установление юридического факта необходимо для реализации своего субъективного права, для защиты своего субъективного интереса. В случае, если заявитель выступает не в своих, а в чужих интересах, суды отказывают в установлении искомого факта, поскольку действующее процессуальное законодательство не допускает замену ненадлежащего истца.

Во-вторых, обращение в суд должно быть обусловлено наличием именно необходимостью установления факта, связанного с предпринимательской деятельностью заявителя. Если факт не влечет каких-либо правовых последствий в указанной сфере, то он не может быть установлен в порядке особого производства.

Так, например, рассматривая заявление Тесленка В.А. об установлении юридического факта регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства суд прекратил производство по делу, поскольку с заявлением об установлении юридического факта обратилось физическое лицо, не имеющее статуса индивидуального предпринимателя (Постановление ФАС Дальневосточного округа от 19.04.2005 № Ф03-А16/05-1/618).

Другой пример. Судом было прекращено производство по заявлению Администрации Оренбургской области об установлении факта оплаты поставленных товаров. Прекращая производство по делу, арбитражный суд указал, что сам факт оплаты товаров не влечет каких-либо юридических последствий, что исключает подведомственность дела арбитражному суду. Постановлением Федерального арбитражного суда Уральского округа такая позиция была признана обоснованной и определение о прекращении производства по делу было оставлено без изменения (Постановление ФАС Уральского округа от 22 ноября 2005 г. по делу № Ф09-3852/05-С6).

В порядке, предусмотренном гл. 27 Арбитражного процессуального кодекса, не могут устанавливаться факты принадлежности имущества заявителю на праве собственности, а равно заявления об установлении наличия или отсутствия права (права собственности, права, возникающего из обязательства, и др.) [3, с. 257].

Кроме того, юридическая характеристика вида имущества не является фактом, влекущим возникновение, изменение и прекращение прав лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Не подлежат рассмотрению в порядке особого производства по правилам гл. 27 АПК РФ также: заявление об установлении факта исполнения определенным лицом обязанности; отказ регистрирующего органа в регистрации права собственности на недвижимое имущество или сделки с ним; заявление с требованием дать правовую оценку поведению лица; заявление о признании договора заключенным либо незаключенным не подлежит рассмотрению в порядке особого производства (Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое

значение, утвержденный информационным письмом Президиума ВАС РФ от 17.02.2004 № 76).

Учитывая открытый перечень фактов, подлежащих установлению, важным вопросом является определение условий, при которых лицо может осуществить предусмотренную Арбитражным процессуальным кодексом РФ процедуру установления юридического акта.

Наиболее важным критерием, определяющим возможность установления того или иного факта в арбитражном процессе является его юридический характер, то есть способность повлечь юридические последствия. Данное условие является не только общепризнанным в науке, но и получило подтверждение в судебной практике.

Так, Верховный суд подтвердил, что в порядке гл. 27 АПК РФ может устанавливаться факт, который может повлиять на какие-либо права заявителя и порождает для него юридически значимые последствия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (Определение Верховного Суда РФ от 29.07.2015 № 310-ЭС15-9812 по делу № А14-4319/2013).

При этом следует уточнить, что юридические последствия, порождаемые устанавливаемым юридическим фактом, должны возникать именно у заявителя.

Суды отказывают в удовлетворении заявлений об установлении юридических фактов, если предприниматели просят установить, например, факт владения и пользования другим юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем недвижимым имуществом как своим собственным (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.04.2015 по делу № А14-4319/2013).

При рассмотрении данной категории дел суды обращают внимание также на наличие у заявителя законной возможности на право, которое может возникнуть в результате установления юридического факта.

Так, суд отказал в удовлетворении заявления учреждения, обладающего объектом недвижимого имущества на праве оперативного управления, об установлении факта добросовестного, открытого и непрерывного владения недвижимым имуществом

как своим собственным в течение срока приобретательной давности. В обоснование решения указано, что поскольку заявитель является учреждением, то он не может обладать имуществом на праве собственности в силу ст. 120, 296 ГК РФ, и, следовательно, заявлять о возможности приобретения права собственности на указанный объект (Постановление ФАС Дальневосточного округа от 06.03.2012 № Ф03-474/2012 по делу № А51-8234/2011).

Отсутствие спора о субъективном материальном праве является вторым условием, необходимым для реализации возможности установить юридический факт в арбитражном процессе.

В литературе доминирует мнение, что правовая природа дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, в арбитражном процессе характеризуется, прежде всего, именно отсутствием какого-либо спора о праве [4, с. 76].

Исследователи проблем защиты субъективных прав отмечают, что в отличие от заявления об установлении юридического факта, одним из отличительных признаков иска о признании права как способа защиты права является наличие действительного, а не мнимого спора о праве с лицом, которое не признает право истца, или с лицом, которое напрямую оспаривает право истца [2, с. 653].

Аналогичный подход к пониманию и применению п. 4 ст. 221 Арбитражного процессуального кодекса РФ рассматриваемого условия, сложился в судебной практике.

На основании п. 3 ч. 1 ст. 148, п. 4 ст. 221 Арбитражного процессуального кодекса РФ заявление об установлении юридического факта суд оставляет без рассмотрения, если заявлен спор о праве или если суд пришел к выводу, что установление этого факта необходимо для разрешения спора о праве. Соответствующие выводы содержатся в п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 17.02.2004 № 76; Постановлении Президиума ВАС РФ от 12.11.2002 № 6404/02; п. 14 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 27.02.2001 № 61; п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13; Постановлении Президиума ВАС РФ от 27.03.2006 № 12641/04 по делу № А06-1365у-4/2001; Постановлении Президиума ВАС РФ от 04.11.2003 № 10592/01 по делу № А65-6398/99-СГ2-4; Постановлении Пре-

зидиума ВАС РФ от 27.02.2001 № 6078/00; Постановлении Президиума ВАС РФ от 06.10.1998 № 716/98.

Несмотря на многочисленную судебную практику, а также на многочисленные теоретические исследования, категория «спор о праве» до настоящего времени относится к одной из наиболее спорных в науке гражданского права.

Применительно к ее толкованию при разрешении вопроса об отграничении споров о праве от производства по установлению юридических фактов, следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Действительно, в делах об установлении юридического факта отсутствует спор о субъективном праве. Отсутствует ответчик, то есть лицо, которое по мнению заявителя (истца) нарушает субъективное право последнего. Однако, учитывая невозможность установить заявленный факт иначе, кроме как в судебном порядке, «бесспорными» исследуемую категорию дел назвать нельзя. Кроме того, состязательность присуща и данной категории дел, и в ходе судебного разбирательства лица, участвующие в деле, могут возражать против заявленных требований, т.е. по сути им предоставлена возможность оспаривать заявленные требования.

В связи с изложенным нельзя не согласиться с Н.А. Чудиновской, которая обращает внимание на необходимость различать понятия «спор о праве» и «спор о факте» [4, с.80].

Спор о праве разрешается в рамках искового производства, которое существенно отличается от установления судом фактов, имеющих юридическое значение. При наличии спора о праве, даже потенциального (ч. 3 ст. 217 АПК РФ), причем независимо от того, разрешается данный спор посредством иска о присуждении или о признании суд оставляет заявление без рассмотрения и прекращает производство по делу.

Оставление заявления без рассмотрения не препятствует возбуждению дела по иску о праве, а, напротив, открывает возможность для всестороннего исследования обстоятельств дела. В Арбитражном процессуальном кодексе РФ отсутствует механизм, позволяющий судам самостоятельно трансформировать особое производство об установлении юридического факта

в исковое производство. Ответственность за выбор надлежащего способа защиты права в данном случае лежит на заявителе.

Третьим обязательным условием для рассмотрения судом заявления об установлении юридического факта является – отсутствие в законодательстве норм, предусматривающих иной внесудебный порядок установления искомого факта (ст. 219 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

Указанное требование исключает возможность установления по правилам особого производства тех фактов, которые в соответствии с законом должны быть установлены во внесудебном порядке.

В Письме ВАС РФ от 25.05.2004 № С1-7/УП-600 «О федеральных законах, применяемых арбитражными судами в соответствии с содержащимися в Арбитражном процессуальном кодексе РФ отсылочными нормами» содержится указание только на «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11.02.1993 № 4462-1, ст. 35 и гл. IXV которого содержат, в том числе перечень фактов, удостоверяемых в нотариальном порядке.

Так, нотариусы удостоверяют время предъявления документов, обеспечивают доказательства, удостоверяют равнозначность электронного документа документу на бумажном носителе и равнозначность документа на бумажном носителе электронному документу.

При рассмотрении данного вопроса суды отвечают на вопрос о подведомственности дела арбитражному суду.

Необходимо отметить, что если в ходе рассмотрения заявления об установлении юридического факта, суд придет к выводу о наличии иного законного порядка установить данный факт, то суд прекращает производство по делу в силу ст. 30 АПК РФ.

Четвертым условием, соблюдение которого является обязательным для реализации права на установление юридического факта в порядке особого производства, является невозможность получения или восстановления соответствующих документов, удостоверяющих юридический факт, во внесудебном порядке (п.1. ст.219 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

При этом, согласно п.1. ст.220 АПК РФ при обращении в суд заявитель обязан предоставить доказательства, подтвер-

ждающие невозможность получения заявителем надлежащих доказательств или восстановления утраченных документов.

В качестве таких доказательств могут выступать справки об отсутствии информации (сведений) о юридических фактах в государственных реестрах (например, в Едином государственном реестре юридических лиц); отказы уполномоченных органов в предоставлении запрашиваемых документов по различным основаниям. Кроме того, могут иметь случаи, когда закон не предусматривает процедуры регистрации истребимого факта, а равно случаи, когда по различным причинам установленный порядок регистрации факта не был соблюден.

Так, например, Арбитражным судом Свердловской области было отказано в установлении факта отсутствия у здания правового статуса общежития. В обоснование заявленных требований было указано, что спорное здание заинвентаризировано как здание общежития. Вместе с тем оно не включено в Единый реестр общежитий на территории г. Екатеринбурга и включено в план приватизации заявителя как нежилое здание производственного назначения. Необходимость обращения в суд была вызвана невозможностью получить технический паспорт БТИ на спорное здание для регистрации права собственности. Отказывая в удовлетворении заявления, Арбитражный суд верно указал, что заявителем не были представлены доказательства невозможности получения документов, удостоверяющих статус спорного здания. Федеральным арбитражным судом Уральского округа указанное решение суда оставлено без изменения (Постановление ФАС Уральского округа от 3 апреля 2006 г. N Ф09-2191/06-С3 по делу N А60-19005/05-С11).

Еще одним обязательным условием для обращения в суд с заявлением об установлении юридического факта является, согласно п. 1 ст. 220 Арбитражного процессуального кодекса РФ, обоснование необходимости установления юридического факта, то есть наличие конкретной цели установления юридического факта.

В качестве такой цели может выступать, например, невозможность государственной регистрации права в связи с отсутствием соответствующих правоустанавливающих документов. В подобных делах цель обращения в суд является очевид-

ной и связана с необходимостью реализации конкретного субъективного права заявителя. Однако на практике встречаются случаи, когда юридическое значение факта для заявителя может быть связано и с правовым положением лица в отдельных правоотношениях. Так, целью обращения в суд может являться невозможность осуществлять предпринимательскую деятельность без наличия в Едином государственном реестре юридических лиц сведений о государственной регистрации организации.

Решение по делам об установлении юридических фактов является при необходимости основанием для регистрации данного факта соответствующими органами, но не заменяет документы, выдаваемые этими органами (п. 3 ст. 222 АПК РФ). Таким образом, является обоснованным введение в научный оборот понятия реализации решений по делам об установлении юридических фактов. Под реализацией понимаются следующие действия: регистрация установленного факта, если он подлежит регистрации; совершение уполномоченными органами определенных действий, связанных с установленным фактом, в том числе выдача необходимых документов и свидетельств [1, с. 80]. Вступившее в законную силу решение арбитражного суда об установлении факта, имеющего юридическое значение, согласно ст. 16 АПК РФ обязательно для органов, регистрирующих такие факты или оформляющих права, которые возникают в связи с установленным судом фактом.

Таким образом, установление юридических фактов в рамках особого производства в арбитражных судах возможно только субъектами предпринимательской деятельности. Основания обращения в суд прямо установлены законом и ограничены ситуациями, когда факты, устанавливаемые судом, порождают юридические последствия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Арбитражный процессуальный кодекс РФ содержит дополнительные требования, предъявляемых к заявлениям об установлении юридических фактов, а также перечень обязательных условий, соблюдение которых необходимо для того, чтобы требование заявителя могло быть рассмотрено по правилам гл. 27 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Библиографический список

1. *Мокроусова Л.М.* К вопросу о специальных нормах принятия решений по делам, возникающим из публичных правоотношений, и делам особого производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 6. С. 15–16.

2. *Моргунов С.В.* Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения. М.: Статут, 2008. 731с.

3. *Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации* / О.В. Абознова, Н.Г. Беляева, М.А. Куликова и др.; отв. ред. И.В. Решетникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 492 с.

4. *Чудиновская Н.А.* Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе / под ред. В.В. Яркова. М.: Волтерс Клувер, 2008. 192с.

УДК 34
ББК 67

А.С. Зарубин

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

НОВАЦИЯ В ИЗМЕНИВШЕЙСЯ ПАРАДИГМЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена комплексному научно-практическому осмыслению института новации как одного из оснований прекращения обязательств в условиях изменившейся парадигмы обязательственного права Российской Федерации. Уделено особое внимание имени правового регулирования исследуемого института. Проведен анализ правоприменительной практики, касающейся краугольных проблем новации.

Ключевые слова: новация, обязательственное право, гражданское законодательство РФ.

S. Zarubin

Western-the Ural Institute of Economics and law, Perm

NOVATION IN THE CHANGED PARADIGM OF THE LAW OF OBLIGATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to a comprehensive scientific and practical understanding of the Institute of innovations as one of the grounds for termination of obligations in the changed paradigm of the law of obligations of the Russian Federation. Specific focus estate legal regulation of the studied institution. The analysis of law enforcement practice concerning the critical problems innovations.

Key words: innovation, obligation law, civil legislation of the Russian Federation.

С 01.06.2015 г. вступают в силу фундаментальные изменения обязательственного права Российской Федерации, внесенные в часть первую Гражданского кодекса РФ [1]. Крупномасштабная реформа гражданского законодательства коснулась и оснований прекращения обязательств. В юридической литературе широко обсуждаются результаты реформирования граж-

данского законодательства [5, с. 155]. Многие институты обязательственного права претерпели существенные изменения. К числу таких институтов относится и новация.

Эволюция мировой и отечественной цивилистики подтвердила потребность регулирования отношений по прекращению обязательств путем замены первоначального обязательства другим (новацией).

Проблемы теории и практики, связанные с институтом новации, подтверждаются разными, а порой противоположными, подходами ученых-юристов и судебных органов к существованию этого института. Зачастую представляется сложным разграничение правоотношений, порожденных указанным институтом и смежными гражданско-правовыми конструкциями, в виду наличия у них, на первый взгляд, некоторой схожести.

Согласно п. 1 ст. 414 ГК РФ, обязательство прекращается соглашением сторон о замене первоначального обязательства, существовавшего между ними, другим обязательством между теми же лицами (новация), если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений.

В Информационном письме Президиума ВАС РФ «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ» [11], в частности, отмечено: новация возможна только по соглашению сторон.

Новация как специфический механизм прекращения первоначального обязательства может быть применена только после заключения соглашения о новации, т.е. после согласования сторонами первоначального обязательства воли на прекращение прежнего и возникновение нового обязательства.

По мнению Е.Р. Аминова, «...к обязательствам по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, новация применима лишь в случае, если основанием такого возмещения является соглашение между причинителем вреда и потерпевшим, увеличивающее объем и размер ответственности причинителя вреда, установленные гл. 59 ГК РФ» [2, с. 9].

Кроме того, ученый считает, что «...алиментные обязательства, возникающие на основании соглашения об уплате алиментов, могут быть новированы при условии, если соглаше-

ние об их новации не уменьшает минимального размера алиментов на несовершеннолетних детей».

Как справедливо отмечает А.А. Павлов, «...хотя основанием возникновения нового обязательства при новации может служить исключительно договор, первоначальное обязательство может носить и внедоговорной характер. Так, ничто не препятствует новации обязательства из причинения вреда имуществу либо обязательства из неосновательного обогащения» [9, с. 4]. В связи с этим обратимся к анализу судебной-арбитражной практики.

Между ООО «АШАН» (заказчик) и ООО «ТЭТРА ЭЛЕКТРИК» (подрядчик) был заключен договор, по условиям которого подрядчик принял на себя обязательство по приведению к соответствию противопожарным нормам галерей и бутиков 16 торговых центров, а заказчик обязался принять работы и оплатить цену. Соглашением стороны расторгли указанный выше договор. При этом заказчик выплатил подрядчику авансовую предоплату, размер которой превышает размер затрат. Следовательно, разница, представляющая собой не использованную и не потраченную подрядчиком часть аванса, представляет собой неосновательное обогащение. По условиям соглашения в связи с расторжением договора подрядчик принял на себя обязательство по возврату суммы неосновательного обогащения. Как отметил суд, из содержания соглашения усматривается, что стороны новировали обязательство из неосновательного обогащения в заемное обязательство [16].

Важно обратить внимание на то, что из ст. 414 ГК РФ было исключено следующее положение: новация не допускается в отношении обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, и по уплате алиментов. Это означает, что ранее установленный запрет в отношении новации алиментных обязательств и обязательств из причинения вреда был законодателем снят.

Для того чтобы новация считалась состоявшейся, необходимо наличие ряда условий, предусмотренных ст. 414 ГК РФ: 1) существование первоначального обязательства; 2) соглашение сторон о замене этого обязательства другим; 3) новое обязательство; 4) намерение обновить.

Существование первоначального обязательства. В судебной практике справедливо отмечается: исходя из ст. 414 ГК

РФ соглашение о новации преследует цель прекратить существующее между его сторонами обязательство. Поэтому прекращение обязательства означает, что первоначальная юридическая связь между сторонами, выраженная в конкретном обязательстве, утрачивается [12].

Юридический эффект новации возможен «...лишь при существовании и действительности первоначального (новируемого) обязательства» [9, с. 10].

Как полагает Е.А. Крашенинников, «...в случае новации имеет место комбинация прекращения одного и обоснования другого обязательства в едином договоре с амбивалентным действием» [8].

Если обязательство прекратилось или признано недействующим, его новировать нельзя. Так, в Постановлении Девятого арбитражного суда указано: принимая во внимание, что обязательство ООО по выплате действительной стоимости доли А.Б. не возникало и является ничтожным, Договор новации, заключенный между ООО и А.Б., который, в свою очередь, стал результатом исполнения Соглашения о выплате в пользу А.Б. действительной доли вышедшего из общества участника, также является ничтожным, как сделка, не соответствующая обязательным требованиям закона [15].

Требование действительности основания возникновения первоначального обязательства объясняется тем, что новация исходит из презумпции наличия обязательства [10, с. 45].

Так, в судебной-арбитражной практике обращается внимание: включение в реестр требований кредиторов должника требований, основанных на соглашении о новации, возможно только при условии действительности первоначального и нового обязательств [13].

Соглашение сторон о замене этого обязательства другим. Свою позицию по вопросу о существенных условиях соглашения о новации высказал Президиум ВАС РФ: для прекращения обязательства новацией требуется согласование сторонами существенных условий обязательства, которым стороны предусмотрели прекращение первоначального обязательства.

Обратимся к судебной практике по этому вопросу.

Судебная коллегия полагает, что мнение ответчика о том, что Соглашение о намерениях является новацией – является

ошибочным в силу следующих оснований. В Соглашении стороны указали, что ими предусматривается возможность передачи истцу земельных участков в счет погашения задолженности по договорам займа в случае невозврата денежных средств в определенный Соглашением срок, при этом Соглашение не содержит согласования существенных условий. Соглашение о намерениях не содержит существенных условий нового обязательства, указание на область, район и ориентировочную площадь земельных участков, которые предполагалось передать в случае не возврата денежных средств, не является надлежащим указанием всех существенных условий нового обязательства. Кроме того, из текста Соглашения не усматривается указания на прекращение первоначального обязательства, судебная коллегия полагает, что его следует рассматривать лишь как соглашение сторон, изменяющее сроки возврата займа [14].

Как следует из данного примера, к числу существенных условий соглашения о новации следует относить: указание на новизируемое обязательство, однозначное определение цели соглашения – прекращении первоначального обязательства, идентификация нового обязательства (его предмета и иных существенных условий). В случае отсутствия хотя бы одного из названных условий, соглашение не запускает механизм новации.

Так, Семнадцатый Арбитражный апелляционный суд указал: представленный ответчиком договор купли-продажи транспортного средства не содержит ссылки на заключение между сторонами соглашения о новации. Само по себе заключение между этими же сторонами нового договора о том же предмете не освобождает стороны от исполнения обязательств по предшествующему договору, поскольку из существа вновь заключенного договора иное не вытекает [17].

Как показывает анализ судебной-арбитражной практики, соглашение сторон о замене первоначального обязательства другим должно обязательно содержать все существенные условия, иначе такое соглашение не будет считаться новацией.

Новое обязательство. По справедливому замечанию О.С. Иоффе, дифференциация первоначального обязательства от нового должна иметь квалифицирующие признаки, которые

способны отграничить новацию от изменения условий обязательства, не являющегося новацией [6, с. 184].

Верно замечание А.Ю. Иванова о том, что «...новацию нельзя путать с изменением условий договора путем составления дополнительного соглашения к нему. Например, изменение сроков выполнения работ или порядка расчетов по первоначальному обязательству (при сохранении других условий) не будет считаться новацией, так как обязательство не прекращается, а действует с учетом внесенных изменений» [7, с. 63].

До внесения изменений в ст. 414 ГК РФ от 08.03.2015 г., к числу обязательных условий новации законодатель относил изменение предмета или способа исполнения обязательства.

Как пишет В.В. Витрянский, такое указание «...сбивает с толку, поскольку соответствующую операцию (изменение условий о порядке и способе исполнения) стороны могут провести и в рамках существующего обязательства, однако это ни в коем случае не будет свидетельствовать о замене первоначального обязательства другим обязательством, что подразумевает переход к обязательству иного типа (вида), нежели первоначальное обязательство» [4].

Намерение обновить. Согласно правовой позиции Президиума ВАС РФ, необходимым элементом новации является воля сторон на полное прекращение обязательства и возникновение другого обязательства.

«Обязательство прекращается новацией, если воля сторон определенно направлена на замену существовавшего между ними первоначального обязательства другим обязательством. Намерение произвести новацию не предполагается. Из соглашения должно определенно следовать, что стороны имели в виду замену первоначального обязательства другим обязательством, эта замена влечет для них некоторые правовые последствия, в частности невозможность требовать исполнения первоначального обязательства» [11].

Принцип римского права «новация не предполагается» сохраняет свое значение и в настоящее время практически во всех развитых правовых системах (ст. 1273 ФГК, ст. 1874 ГК Латвии, ст. 665 ГК Молдовы и т.д.). При этом отмечается, что данный принцип известен законодательству государств не только романо-германской правовой семьи, но и англо-саксонской [3, с. 302].

Таким образом, новация как механизм прекращения гражданско-правовых обязательств претерпел существенные изменения. Трендом современного гражданского законодательства становится все более наблюдаемая диспозитивность и автономия воли сторон. Считаем, что во взаимодействии с добросовестностью демократизация институтов гражданского законодательства окажет позитивное воздействие и на правоприменительную практику.

Библиографический список

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая):* Федеральный закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

2. *Аминов Е.Р.* Новация в российском гражданском праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 26 с.

3. *Ансон В.* Договорное право. М.: Юрид. лит., 1984. 464 с.

4. *Витрянский В.В.* Некоторые вопросы реформирования общих законоположений об обязательствах // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике: сб. ст., посв. 70-летию С.А. Хохлова / С.С. Алексеев, В.С. Белых, В.В. Витрянский и др.; под ред. С.С. Алексеева. М.: Статут, 2011. 368 с.

5. *Голубцов В.Г.* Законодательное закрепление оптимальных междисциплинарных связей как одна из центральных задач реформы гражданского права и цивилистического процесса // Пятый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы Междунар. науч.-практ. конф.; отв. ред. О.А. Кузнецова. 2014. С. 155–157.

6. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.

7. *Иванова А.Ю.* Участие нотариуса в новации обязательств // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. № 11. С. 63–68.

8. *Крашенинников Е.А.* Новация и изменение обязательств // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль: ЯрГУ, 2006. Вып. 13. С. 65.

9. Павлов А.А. Условия и последствия новации // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8. С. 4–18.

10. Свит Ю.П. Новация как способ прекращения обязательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 45–52.

11. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 103 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 4.

12. Постановление ФАС Центрального округа от 20.08.2012 по делу № А48-4079/2010 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2015 г.).

13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.11.2014 № 09АП-42908/2014 по делу № А40-127045/13 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2015 г.).

14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.10.2014 № 09АП-38291/2014-ГК по делу № А40-42321/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2015 г.).

15. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.04.2013 № 09АП-8810/2013 по делу № А40-83247/12-78-238Б // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2015 г.).

16. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2015 № 10АП-17611/2014 по делу № А41-60334/14 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2015 г.).

17. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2014 № 17АП-11804/2014-ГКу по делу № А50-9423/2014 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.04.2015 г.).

УДК 346.62
ББК 67.404

Ю.А. Ильянова

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ КАК ФОРМА КОММЕРЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ ИНОСТРАННЫХ БАНКОВ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье дается характеристика правового регулирования деятельности кредитных организаций с иностранными инвестициями. Особое внимание уделяется положениям законодательства, наличие которых связано с вступлением России в международные организации (ВТО, ОЭСР), а также коллизии норм, регулирующих создание и деятельность кредитных организаций с иностранными инвестициями.

Ключевые слова: иностранные банки, кредитные организации с иностранными инвестициями, ВТО, ОЭСР.

Y.A. Ilyanova

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

THE CREDIT ORGANIZATIONS WITH FOREIGN INVESTMENTS AS A FORM OF COMMERCIAL PRESENCE OF FOREIGN BANKS IN RUSSIA: LEGAL ASPECTS

The article gives characteristic of legal regulation of activity of the credit organizations with foreign investments. The special attention is paid to provisions of the legislation which appeared because of the entry of Russia into the international organizations (the WTO, the OECD). Also collisions of rules are considered.

Key words: foreign banks, the credit organizations with foreign investments, the WTO, the OECD.

В настоящее время кредитные организации с иностранными инвестициями наряду с представительствами иностранных банков являются единственно возможными формами коммерческого присутствия в российском банковском секторе для

иностранных банков. Данное положение вытекает из Протокола от 16 декабря 2011 г. «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» [3] (далее – Протокол от 16 декабря 2011 г.) и нашло свое закрепление в нормах федерального закона «О банках и банковской деятельности» [4] (далее – Закон о банках).

Основной интерес у иностранных банков, разумеется, лежит в сфере деятельности кредитных организаций с иностранными инвестициями, поскольку представительства иностранных банков не имеют права осуществлять банковские операции (ст. 22 Закона о банках, п. 1.3. Положения Банка России от 7 октября 1997 г. «О порядке открытия и деятельности в Российской Федерации представительств иностранных кредитных организаций» [9]). При этом кредитными организациями с иностранными инвестициями считаются кредитные организации – резиденты, уставный капитал которых сформирован с участием средств нерезидентов независимо от их доли в уставном капитале (п. 2 Положения Банка России от 23 апреля 1997 г. № 437 «Об особенностях регистрации кредитных организаций с иностранными инвестициями» [10] (далее – Положение Банка России № 437)).

Что касается филиалов иностранных банков, присутствие которых российским законодательством допускалось с 1990 г., фактически в России их не было. Исключение составил филиал армянского банка – ЗАО «Банк Анелик», зарегистрированный Центральным Банком РСФСР 23 августа 1990 г., и 4 декабря 2003 г. инкорпорированный в Коммерческий Банк «Анелик РУ» (Общество с ограниченной ответственностью) [14]. Запрет на деятельность в России филиалов иностранных банков, по сути, был установлен в марте 2013 г. [5], когда из федеральных законов были исключены все упоминания о филиалах иностранных банков, что связано с договоренностями, достигнутыми Россией при вступлении во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО), и соответствует Протоколу от 16 декабря 2011 г.

Безусловно, отсутствие в России филиалов иностранных банков является мерой поддержки российских кредитных организаций и позволяет сохранять контроль над банковским секто-

ром. Тем не менее, не стоит забывать, что Россия взяла на себя обязательство вернуться к рассмотрению вопроса о предоставлении доступа на рынок филиалам иностранных банков в контексте будущих переговоров о вступлении в Организацию экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) или в рамках следующего раунда многосторонних торговых переговоров ВТО, в зависимости от того, что произойдет раньше (п. 1397 Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации ко Всемирной торговой организации [20] (далее – Доклад Рабочей группы)).

Необходимо отметить, что в новейшей российской истории к деятельности нерезидентов в банковском секторе всегда предъявлялись специальные требования. Так, в ст. 13 и 14 Закона о банках (в редакции 1990 г.) определялся перечень документов, дополнительно подаваемых для получения лицензии совместными банками, иностранными банками и филиалами иностранных банков, закреплялась возможность Банка России предъявлять дополнительные требования к учредителям совместных банков и банков – нерезидентов относительно размеров их уставного капитала. Справедливо будет вспомнить и об установлении в 1993 г. лимита участия иностранного капитала в банковской системе страны в размере 12 процентов [11], о временном ограничении банковских операций иностранных банков, их филиалов и банков, доля нерезидентов в капитале которых превышала 50 %, операциями с юридическими и физическими лицами – нерезидентами [8].

В 1996 г. в ст. 18 Закона о банках появилась норма, предусматривающая установление федеральным законом квоты участия иностранного капитала в российской банковской системе [6]. Указанная квота (в действующей редакции статьи) рассчитывается как отношение суммарного капитала, принадлежащего нерезидентам в уставных капиталах кредитных организаций с иностранными инвестициями, к совокупному уставному капиталу кредитных организаций, зарегистрированных на территории Российской Федерации. Банк России прекращает выдачу лицензий на осуществление банковских операций банкам с иностранными инвестициями при достижении установленной кво-

ты, а также имеет право наложить запрет на увеличение уставного капитала кредитной организации за счет средств нерезидентов и на отчуждение акций (долей) в пользу нерезидентов, если результатом указанного действия является превышение квоты. Однако за 19 лет федеральный закон, устанавливающий указанную квоту, так и не приняли.

В результате переговоров о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. [2] (далее – Соглашение ВТО), была достигнута договоренность об ограничении участия иностранного капитала в российской банковской системе пятьюдесятью процентами, а также закреплена необходимость получения предварительного разрешения Банка России на создание кредитной организации с иностранным участием, на увеличение уставного капитала кредитной организации за счет средств нерезидентов и на отчуждение акций (долей) кредитной организации в пользу нерезидентов (подраздел В раздела 7 Перечня специфических обязательств Российской Федерации по услугам. Секторальные обязательства. Финансовые услуги [3] (далее – подраздел В раздела 7 Перечня специфических обязательств)). Однако следует упомянуть, что представитель Российской Федерации на заседаниях рабочей группы по присоединению к ВТО заявлял о возможном пересмотре размера квоты в течение пяти лет после даты вступления России в ВТО (п. 1394 Доклада Рабочей группы).

Одним из условий вступления Российской Федерации в ОЭСР является соблюдение принципа транспарентности, что требует от России обеспечения прозрачности внутреннего законодательства, его публичной доступности и соответствия правоприменительной практики законодательству, в том числе отражения в законе принятых на себя обязательств по присоединению к ВТО в отношении квоты участия иностранного капитала в российской банковской системе [16]. В связи с чем в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в апреле 2014 г. был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 16 и 18 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [15], которым устанавливается квота участия иностранного капитала в россий-

ской банковской системе в размере 50 %, определяется перечень инвестиций, которые не будут включаться в расчет квоты, а также порядок действий Банка России в случае ее превышения. Законопроект был принят в первом чтении, однако рассмотрение его во втором чтении было перенесено [13]. В то же время действия, связанные с процессом вступления России в ОЭСР, были приостановлены (по инициативе ОЭСР) [21].

Необходимо отметить, что установление большого количества ограничений на участие иностранного капитала в банковских системах различных стран было характерно для периода до заключения Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС/GATS) [1], являющегося неотъемлемой частью Соглашения ВТО. Со временем стали меняться количество, характер, условия таких ограничений (вплоть до их отмены). А некоторые страны, вступавшие в ВТО, как и Россия, договаривались о наличии дискреционных полномочий в отношении иностранных банков, в том числе на определенные сроки. Так, например, в Китайской народной республике на пятилетний переходный период, последовавший за вступлением в 2002 г. Китая в ВТО, были установлены географические и валютные ограничения, а также ограничения по клиентуре, большая часть которых впоследствии была снята [12].

В современной России особые требования к созданию кредитных организаций с иностранными инвестициями и выдаче им лицензии состоят в необходимости предоставления дополнительных документов помимо тех, что указаны в ст. 14 Закона о банках. Так, иностранное юридическое лицо представляет решение о его участии в создании кредитной организации на территории России, документ, подтверждающий регистрацию юридического лица, и бухгалтерскую (финансовую) отчетность вместе с аудиторским заключением по ней за три предыдущих года, а также письменное согласие соответствующего контрольного органа страны его местопребывания на участие в создании кредитной организации на территории России (когда такое разрешение требуется по законодательству страны его местопребывания). Иностранное физическое лицо представляет подтверждение первоклассным (согласно международной практике)

иностранным банком платежеспособности этого лица (ст. 17 Закона о банках).

В Законе о банках отсутствует указание на обязательность получения предварительного разрешения Банка России на создание кредитных организаций с иностранными инвестициями, о котором говорится в гл. 2 Положения Банка России № 437. Однако ст. 52 федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [7] (далее – Закон о ЦБР) закрепляет полномочия Банка России в части выдачи разрешений на создание кредитных организаций с иностранными инвестициями. Под предварительным разрешением понимается принципиальное согласие Банка России на участие конкретного нерезидента в создании кредитной организации – резидента. При рассмотрении вопроса о выдаче разрешения учитывается уровень использования квоты участия иностранного капитала в банковской системе России, финансовое положение и деловая репутация учредителей – нерезидентов, очередность подачи заявлений (п. 4 и 5 Положения Банка России № 437).

Если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации, Банк России вправе по согласованию с Правительством РФ устанавливать для кредитных организаций с иностранными инвестициями ограничения на осуществление банковских операций, если в соответствующих иностранных государствах в отношении банков с российскими инвестициями и филиалов российских банков применяются ограничения в их создании и деятельности (ч. 6 ст. 18 Закона о банках).

Согласно ч. 7 ст. 18 Закона о банках Банк России имеет право устанавливать дополнительные требования к кредитным организациям с иностранными инвестициями относительно порядка представления отчетности, утверждения состава руководства и перечня осуществляемых банковских операций. В настоящее время из указанных выше возможных требований установлены только правила формирования состава руководства. Так, если лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа кредитной организации, является иностранным гражданином или лицом без гражданства, коллегиальный

исполнительный орган кредитной организации не менее чем на половину должен быть сформирован из российских граждан (п. 29 Положения Банка России № 437).

Часть 7 ст. 18 Закона о банках не содержит указания на возможность Банка России определять состав работников кредитной организации с иностранными инвестициями по критерию принадлежности к гражданству, в связи с чем п. 31 Положения № 437, устанавливающий что количество работников – граждан России должно составлять не менее 75 % от общего количества работников кредитной организации с иностранными инвестициями, не может применяться, поскольку не соответствует федеральному закону.

Требование о необходимости представить документ, подтверждающий знание русского языка одним из руководителей кредитной организации с иностранными инвестициями (если все руководители являются иностранными гражданами и / или лицами без гражданства, и на должность руководителя коллегиального исполнительного органа или главного бухгалтера предлагается кандидатура иностранного гражданина или лица без гражданства), не закреплено в тексте Закона о банках, но отражено в п. 30 Положения Банка России № 437. В данном случае нормативно-правовые акты следует привести в соответствие с договоренностями, достигнутыми Россией при вступлении в ВТО: «главный бухгалтер, руководитель единоличного исполнительного органа или один из руководителей коллегиального исполнительного органа кредитной организации, являющейся дочерней компанией иностранного банка или зависимой от него, не являющийся гражданином Российской Федерации, должен представить документ, подтверждающий знание им русского языка» (см. подраздел В раздела 7 Перечня специфических обязательств).

По состоянию на 1 апреля 2015 г. из 824 действующих в России кредитных организаций 220 являлись кредитными организациями с иностранными инвестициями [18]. При этом доля нерезидентов в совокупном уставном капитале банковской системы составила 20,87 %, а доля нерезидентов в совокупном ус-

тавном капитале без учета участия нерезидентов, находящихся под существенным влиянием резидентов Российской Федерации – 17,98 % [17]. Если сравнить эти цифры с данными по другим странам (в частности, европейским), можно отметить незначительное присутствие иностранных инвесторов на российском банковском рынке. Так, доля нерезидентов в банковском секторе (доля в банковских активах) на начало 2014 г. составила в Польше – 63,2 %, в Болгарии – 70 %, в Мальте – 75 %, в Хорватии и Румынии – 90 %, в Эстонии – 95 % [19].

Тем не менее, как свидетельствует статистика Банка России, темпы роста иностранных инвестиций в уставные капиталы российских кредитных организаций в последние годы в разы превышают темпы роста совокупного уставного капитала банковской системы РФ [17]. Этот факт, а также анализ нормативно-правовых актов показывает, что в России продолжает действовать достаточно либеральный подход к государственной регистрации кредитных организаций с иностранными инвестициями и лицензированию их деятельности, что позволяет иностранным инвесторам, в том числе иностранным банкам, реализовать свои интересы в российском банковском секторе.

Библиографический список

1. *Генеральное* соглашение по торговле услугами (ГАТС/GATS) [рус., англ.]: Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Марракешское* соглашение об учреждении Всемирной торговой организации [рус., англ.]: Заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О присоединении* Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.: Протокол от 16 дек. 2011 г. (перевод с английского, аутентичный текст на английском языке): ратифицирован Федер. законом Рос. Федерации от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ [Электрон-

ный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. *О банках и банковской деятельности*: федер. закон Рос. Федерации от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (ред. от 20 апр. 2015 г.) // Рос. газ. 1996. 10 февр.

5. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: федер. закон Рос. Федерации от 14 марта 2013 г. № 29-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 фев. 2013 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 6 марта 2013 г. // Рос. газ. 2013. 18 марта.

6. *О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О банках и банковской деятельности в РСФСР*: федер. закон Рос. Федерации от 3 фев. 1996 г. № 17-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 июля 1995 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июля 1995 г. // Рос. газ. 1996. 10 фев.

7. *О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)*: федер. закон Рос. Федерации от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 июня 2002 г. (ред. от 29 дек. 2014 г.) // Рос. газ. 2002. 13 июля.

8. *О деятельности иностранных банков и совместных банков с участием средств нерезидентов на территории Российской Федерации*: Указ Президента РФ от 17 ноября 1993 г. № 1924 (с изм. от 27 апр. 1995 г.) // Собрание актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 47. Ст. 4525.

9. *О порядке открытия и деятельности в Российской Федерации представительств иностранных кредитных организаций*: Положение Банка России (утверждено Приказом Банка России от 7 окт. 1997 г. № 02-437, ред. от 24 июня 1998 г., с изм., внесенными решением Верховного Суда Рос. Федерации от 18 апр. 2002 г.) // Вестник Банка России. 1997. № 76 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. *Об особенностях регистрации кредитных организаций с иностранными инвестициями*: Положение Банка России от 23 апр. 1997 г. № 437 (ред. 17 мая 2012 г.) // Вестник Банка Рос-

сии. 1997. № 25 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Об условиях* открытия банков с участием иностранных инвестиций на территории Российской Федерации: Выписка из протокола заседания Совета директоров Банка России от 29 марта 1993 г. № 13 // Закон. 1994. № 8 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. *Болотников И.В.* Иностранные инвестиции в китайский банковский сектор: проблемы эффективности // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2 / редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: Ин-т востоковедения Рос. акад. наук (ИВ РАН), 2013. 487 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 9 / редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 457–469. URL: http://www.synologia.ru/a/Иностранные_инвестиции_в_китайский_банковский_сектор:_проблемы_эффективности (дата обращения: 11.05.2015).

13. *Законопроект* № 501490-6. О внесении изменений в статьи 16 и 18 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» (о введении численного значения квоты иностранного капитала в совокупном капитале кредитных организаций, действующих на территории Российской Федерации). URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=501490-6&02> (дата обращения 20.05.2015).

14. *О банке.* Сайт Коммерческого Банка «Анелик РУ» (Общество с ограниченной ответственностью). URL: <http://www.anelik.ru/index.php/ru/o-banke> (дата обращения 20.05.2015).

15. *О внесении* изменений в статьи 16 и 18 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: проект Федерального закона № 501490-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. *Пояснительная* записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 16 и 18 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. *Центральный* банк Российской Федерации. Информация о кредитных организациях с участием нерезидентов на 1 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr>.

ru/analytics/bank_system/PUB_150401.pdf (дата обращения: 10.06.2015).

18. *Центральный банк Российской Федерации*. Информация о регистрации и лицензировании кредитных организаций в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/inform_15.htm&pid=lic&sid=itm_43766 (дата обращения: 11.05.2015).

19. *European Banking Sector. Facts & Figures*. 2014. URL: <http://www.zyune.com/zh5/147735#p=0> (дата обращения: 11.05.2015).

20. *Report of the working party on the accession of the Russian Federation to the World Trade Organization*. URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/DDFDocuments/95157/Q/WT/MIN11/2.pdf (дата обращения: 20.05.2015).

21. *Statement by the OECD regarding the status of the accession process with Russia & co-operation with Ukraine*. URL: <http://www.oecd.org/russia/statement-by-the-oecd-regarding-the-status-of-the-accession-process-with-russia-and-co-operation-with-ukraine.htm> (дата обращения: 20.05.2015).

УДК 347.1
ББК 67. 404

Е.В. Карманова
Алжир, Батна

ШТРАФНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье анализируется штрафная функция гражданско-правовой ответственности, дается ее общая характеристика. Определяется законная и договорная неустойка. Выявляется взаимосвязь штрафной функции с воспитательной и восстановительной функциями гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, функции, штрафная функция, неустойка.

E. V. Karmanova
Algeria, Batna

THE PENALTY FUNCTION OF CIVIL LIABILITY: GENERAL CHARACTERISTICS

The penalty function of civil liability is analyzed in the article, given its general characteristics. Determined by the laws and contractual forfeit. Determine relations between the penalty function and educational and replacement functions of civil liability.

Key words: civil liability, function, the penalty function, forfeit.

Функции гражданско-правовой ответственности как основные направления воздействия на социальные отношения многообразны. Если насчет перечня функций юридической ответственности в общем и гражданско-правовой ответственности в частности существуют споры по поводу их количества и наименований, то карательную (репрессивную, штрафную) функцию выделяют практически все авторы.

Настоящая работа является попыткой очертить основные цивилистические подходы к пониманию сущности штрафной функции гражданско-правовой ответственности.

Необходимо учитывать, что все виды юридической ответственности имеют сходные функции. Это связано с тем, что юридическая ответственность носит системный характер. Кроме того, те функции которые отмечены в родовом явлении, обязательно найдут свое проявление и в отдельных видах юридической ответственности [9, с. 66].

Однако поскольку гражданское право регулирует имущественные и некоторые личные неимущественные отношения, возникающие, как правило, по воли сторон, то и для гражданско-правовой ответственности специфическими функциями выступают регулятивная, компенсационная и восстановительная, а штрафная функция не является основной или преимущественной, и реализуется лишь в особых случаях.

Карательная (штрафная) функция гражданско-правовой ответственности выражается в наказании правонарушителей. Наказание (кара) в гражданском праве проявляется в виде возложения на правонарушителя дополнительных обременительных имущественных обязанностей.

Карательное воздействие ведет к сужению самых разнообразных прав и появлению у субъекта новых обязанностей, которых не существовало до момента совершения правонарушения [5, с. 30].

Можно согласиться с Н.А. Макаровой, что с одной стороны, кара – это всегда часть процесса восстановления нарушенного права, порядка, существовавшего до совершения соответствующего правонарушения, а с другой – необходимый элемент предупредительного воздействия, причем как в отношении лица, совершившего данное нарушение, так и в отношении остальных членов общества, к некоторым случаям она способно удерживать указанных субъектов от противоправных деяний [7, с. 197].

Однако смысл карательной функции заключается не только в ограничении поведения правонарушителя, но и в формировании его правомерного поведения как в период претерпевания неблагоприятных правоограничений, так и в будущем [4, с. 25].

По нашему мнению, штрафную функцию гражданско-правовой ответственности необходимо рассматривать в узком смысле и не относить к ней возмещение убытков (восстановительная функция) и компенсацию морального вреда (компенсационная функция).

Таким образом, штрафная функция гражданско-правовой ответственности находит свое отражение в первую очередь во взыскании неустойки независимо от понесенных убытков (ст. 330, ст. 394 ГК РФ [1]).

При этом неустойка (штраф, пени) представляет собой определенную, устанавливаемую договором или законом денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения.

Целый ряд нормативных актов содержит нормы, устанавливающие законную неустойку. Например, Закон РФ «О защите прав потребителей» [2]: продавец допустивший нарушения, уплачивает потребителю за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере одного процента цены товара (ст. 23); ФЗ РФ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» [3]: при необоснованном уклонении поставщика от заключения государственного контракта в случаях, когда обязательность заключения контракта установлена законом, поставщик уплачивает покупателю штраф в размере стоимости продукции, определенной в проекте контракта (абз. 2 п. 2 ст. 5); и другие.

В гражданском законодательстве кроме законной и договорной неустойки можно выделить и другие виды штрафных мер гражданско-правовой ответственности. Например, проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ); взыскание всего полученного по сделке в доход государства (недопущение реституции), например, при совершении сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), что является типичным проявлением карательной функции гражданского-правовой ответственности [10, с. 47].

При этом штрафная функция гражданско-правовой ответственности не существует обособленно от других функций. Прежде всего штрафная функция тесно связана с воспитательной. По

мнению Д.А. Липинского, карательная функция должна осуществляться одновременно с воспитательной, т.к. только такое взаимодействие позволяет не превратиться каре в самоцель [6, с. 56].

Штрафная функция вместе с конкретными правоограничениями несет в себе и порицание виновного, она преследует не только цель кары, но и цель воспитания.

Данная цель может реализовываться в отношении различных субъектов. Во-первых, тех субъектов, которые непосредственно претерпевают меры юридической ответственности, и во-вторых, иных субъектов, в отношении которых имеется информационное воздействие со стороны практики применения юридической ответственности [4, с. 26].

В процессе осуществления гражданско-правовой ответственности тесное взаимодействие прослеживается также между штрафной и восстановительной функцией.

При реализации штрафной функции может быть приведен в действие и механизм возмещения ущерба, причиненного правонарушением. Действуя одновременно с карательной, восстановительная функция принуждает правонарушителя к правомерному поведению [9, с. 66].

Любое правонарушение должно влечь реакцию со стороны государства. Эта реакция выражается в неотвратимой каре правонарушителя и в восстановлении общественных отношений. Кара как неотвратимая реакция осуществляется не ради себя самой, а ради другого аспекта неотвратимости – чтобы в будущем субъект не нарушал возложенных на него обязанностей [11, с. 69; 8].

Таким образом штрафная (карательная) функция гражданско-правовой ответственности проявляется в установлении гражданским законодательством или договором специальных норм, налагающих на правонарушителя дополнительные имущественные обязанности, и реализуется после совершения правонарушения. Как правило, штрафная функция выражается в законной или договорной неустойки, процентах за пользование денежными средствами. Штрафная функция взаимосвязана и с другими функциями гражданско-правовой ответственности, прежде всего воспитательной и восстановительной.

Библиографический список

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 06.04.2015) // Российская газета. N 238–239. 08.12.1994.
2. *Закон РФ* от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 05.05.2014) «О защите прав потребителей» // Российская газета. N 8. 16.01.1996.
3. *Федеральный закон* от 13.12.1994 N 60-ФЗ (ред. от 20.04.2014) «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» // Российская газета. N 247. 21.12.1994.
4. *Кабанов П.А.* Соотношение карательной и регулятивной функций юридической ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 74. С. 22–27.
5. *Лапина О.С.* Основные подфункции охранительной функции права // Бизнес в законе. 2010. № 4. С. 30–33.
6. *Липинский Д.А., Мусаткина А.А.* Лекция: юридическая ответственность, санкции и меры защиты // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 55–62.
7. *Макарова Н.А.* К вопросу о подфункциях охранительной функции права // Вестник СамГУ. 2013. № 2 (103) С. 194–199.
8. *Мелкумян М.Г.* Взаимодействие воспитательной функции юридической ответственности с регулятивной, превентивной и карательной функцией // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 1 (16). С. 54–56.
9. *Мелкумян М.Г.* К вопросу о классификации функций юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. № 3 (6). 2011 С. 64–68.
10. *Рыженков А.Я.* Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 44–49.
11. *Хачатуров Р.Л.* Вопросы международно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 1. С. 69–75.

УДК 347.78
ББК 67.404.316

И.Ю. Мирских

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

В.А. Файн

Прокуратура Пермского края

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

В статье проанализированы спорные вопросы защиты авторских прав в Российской Федерации. Рассматриваются различные способы защиты авторских прав. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, защита авторских прав, результаты интеллектуальной деятельности.

I. Yu. Mirskikh

Perm State National Research University

V.A.I. Fain

Office of Public Prosecutor of the Perm Region

OFFICE OF PUBLIC PROSECUTOR OF THE PERM REGION

The paper analyses the problems of legal protection of copyright in Russian Federation. Different methods of copyright protection are examined. The suggestions for legal regulation improvement are formulated.

Key words: intellectual property, copyright protection, intellectual activity results.

© Мирских И.Ю., Файн В.А., 2015

¹ Работа выполнена на основе задания №2014/153 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России ПГНИУ (тема «Развитие инфраструктуры инновационной деятельности: вопросы правового регулирования и охраны результатов интеллектуальной деятельности»)

В настоящее время в Российской Федерации весьма актуальной и острой является проблема защиты интеллектуальной собственности, в частности, авторских прав.

Постоянно обновляющееся и совершенствующееся российское законодательство, наличие неразрешенных как теоретических, так и практических проблем, законодательных пробелов и противоречий свидетельствует о важности изучения проблем, связанных с использованием и защитой интеллектуальной собственности.

Несмотря на то что, ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], регламентирующая порядок использования и охраны интеллектуальной собственности, была принята сравнительно недавно, она требует дальнейшего совершенствования. Это обусловлено как несовершенством самого текста закона, которое отчетливо проявляется в правоприменительной практике, так и интенсивным развитием интеллектуальной сферы. Особое внимание следует уделять вопросам ответственности за нарушение авторских и смежных прав. Это объясняется появлением новых быстрых способов тиражирования и копирования объектов интеллектуальной собственности и простотой их размещения в системе Интернет без согласия правообладателя. Думается, что акцент при внесении изменений в российское законодательство, должен быть сделан на ужесточение борьбы с контрафакцией, а также на изменении правил свободного использования произведений с усилением ответственности, в том числе пользователей, осуществляющих неправомерное использование произведений, находящихся в свободном доступе.

Вопрос о защите авторских и смежных прав отчасти был решен посредством создания в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам, что будет способствовать более эффективному, профессиональному и справедливому правосудию, в том числе в сфере охраны авторских и смежных прав.

Следует отметить, что субъекты гражданского оборота весьма активно используют различные гражданско-правовые способы защиты авторских прав, однако на практике зачастую возникают трудности при разрешении того или иного спора,

толковании норм, регламентирующих особенности защиты интеллектуальных прав.

Непосредственно под защитой авторских прав следует понимать возможность автора самостоятельно либо посредством применения мер государственно-принудительного воздействия обеспечить беспрепятственное осуществление личных и исключительных прав на результаты авторской деятельности и предотвращать правонарушения в данной сфере.

Способы защиты в авторском праве – это средства правового воздействия, применяемые к обязанному субъекту авторских правоотношений независимо от его вины и направленные на защиту субъективного авторского права или правопорядка в авторско-правовой сфере путем признания авторских прав, восстановления имущественных и личных неимущественных благ или путем пресечения действий, нарушающих авторские права.

Защита авторских и смежных с ними прав осуществляется как общими способами, предусмотренными ст. 12 Гражданского кодекса РФ [2], так и специальными, предусмотренными в ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Специфика объекта авторских и смежных прав налагает отпечаток на применение способов защиты. В частности, материалы судебной практики свидетельствуют о наличии проблем при применении положений о взыскании компенсации, возникающих при буквальном применении положений п. 3 ст. 1252, 1301 и 1311 ГК РФ.

Можно выделить три способа защиты, которые должны применяться независимо от вины: признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих интеллектуальные права или создающие угрозу таких нарушений [4, с. 25].

Классификация мер защиты авторских прав имеет существенное юридическое и практическое значение, так как позволяет отграничить одни меры защиты от других, выявить особенности применения тех или иных мер защиты, что способствует более грамотному законотворчеству и эффективному правоприменению.

Особую роль в защите интеллектуальных прав играет институт компенсации морального вреда, поэтому возникает насущная необходимость совершенствования диспозиции ст. 1301

ГК РФ и установления более четких критериев определения размера компенсации за нарушение авторских и смежных прав.

Считаем, что критерии для определения размера компенсации морального вреда авторов при нарушении их прав, необходимо закрепить законодательно. При принятии решения суд должен оценить количество лиц, которым было доступно произведение (например, при нарушении права на неприкосновенность). Если же в произведение были внесены изменения помимо воли автора, то необходимо учитывать степень изменения произведения, насколько был искажен изначальный смысл, заложенный автором. Думается, что законодательное закрепление данных критериев позволило бы ускорить рассмотрение дел в судах, а также упростило процедуру расчета размера морального вреда.

Считаем необходимым дополнить ст. 1100 ГК РФ и закрепить в данной норме возможность заявления требования о компенсации морального вреда независимо от вины причинителя вреда, при нарушении авторских прав (личных неимущественных, исключительных).

Особо следует отметить такой способ защиты нарушенных авторских прав как требование о выплате компенсации. Однако норма ст. 1252 Гражданского кодекса сформулирована достаточно пространно и предоставляет широкую свободу судебного усмотрения, а также допускает в некоторых случаях несоразмерность взысканной компенсации последствиям нарушения права, что отмечается рядом исследователей. «В целом можно отметить отсутствие единых подходов в судебной практике к определению размера компенсации. С одной стороны, наблюдается неоправданное снижение размера взыскиваемой компенсации, а с другой – возникают проблемы в связи с существенным размером компенсации, который может превосходить размер причиненных убытков, что противоречит компенсаторному характеру внедоговорной гражданско-правовой ответственности» [5, с. 8].

Поскольку меры гражданского законодательства (в том числе и выплата компенсации) направляются не на причину правонарушений, а преимущественно на их следствия, наказываются только нарушители, а не лица, инициировавшие нару-

шение, защита прав интеллектуальной собственности не является достаточно эффективной.

Ученые выделяют две формы защиты авторских прав: юрисдикционная форма (лицо, права и законные интересы которого нарушены, обращается за защитой нарушенных или оспоренных прав в суд) и неюрисдикционная форма (действия физических и юридических лиц по защите нарушенных или оспоренных авторских прав, которые совершаются самостоятельно без обращения в государственные органы). Типичным способом при такой форме защиты является самозащита, которая реализуется, как правило, путем предъявления претензии непосредственно лицу, допускающему нарушение авторских прав.

При защите авторских прав может возникнуть конфликт интересов автора и действующего собственника. При возникновении таких ситуаций, считаем, что судам следует исходить из баланса интересов, при этом в качестве основного вопроса должна исследоваться степень нанесенного вреда.

Наиболее острой является проблема защиты авторских прав в сети Интернет. Более 80 % российского контента в Интернете размещено с нарушением норм авторского права [3, с. 303]. Проблема проявляется в сложности доказывания фактов нарушений и иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Технические средства защиты ограничивают или не допускают добросовестно осуществляемое пользователями использование. Подобные ограничения связаны с отсутствием осуществимых способов обеспечить автоматическое различие законного использования от незаконного. Например, копирование исключительно в личных целях от незаконного копирования.

Считаем, что необходимо установить обязанность лиц, применяющих технические средства защиты, информировать пользователей о применяемых технических средствах защиты, а также связанных с ними ограничениях. В случае если пользователь не был надлежащим образом проинформирован, он должен быть наделен правом требования от правообладателя предоставления доступа к произведению, а также возмещения убытков, либо правом самостоятельно осуществить обход.

Следует отметить, что за рубежом защита и охрана интеллектуальной собственности становятся более эффективными. Это можно объяснить более высоким уровнем правовой культуры, наличием правовых гарантий защиты прав, а также жесткостью мер, которые применяются к нарушителям. Думается, что изучение зарубежного опыта защиты интеллектуальных прав позволит выработать рекомендации по совершенствованию действующего российского законодательства в данной сфере.

Библиографический список

1. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)* от 18.12.2006 № 230-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 25.12.2006. № 52. Ст. 5496.

2. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)* от 30.11.1994 № 51-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 05.12.1994. № 32 Ст. 3301.

3. *Мингалева Ж.А., Мирских И.Ю.* Вопросы охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности и защиты авторских прав в сети Интернет // *Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты*. Пермь, 2014. С. 302–309.

4. *Хохлов В.А.* Авторское право: законодательство, теория и практика. М., 2008.

5. *Федоранич С.* Беззащитные писатели // *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2011. № 10. С. 4–13.

УДК 347
ББК 67.404.01

Д.В. Носов

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

Т.И. Бикбова

ООО «Межрегиональный центр юруслуг», Пермь

ОБРАТНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО ПРИ ПРИЗНАНИИ РЕОРГАНИЗАЦИИ КОРПОРАЦИИ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ

Статья посвящена исследованию явления обратного правопреемства при признании реорганизации корпорации несостоявшейся, выделение которого стало возможно после принятия Федерального закона от 05.05.2014 N 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Ключевые слова: правопреемство, реорганизация, корпорация.

D.V. Nosov

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

T.I. Bikbova

ICLS Ltd. Perm

REVERSE SUCCESSION, WHILE ACCEPTING THE REORGANIZATION OF THE CORPORATION FAILED

The article investigates the phenomenon of reverse succession in recognition of corporate restructuring failed, the allocation of which was made possible after the adoption of the Federal Law dated 05.05.2014 N 99-FZ “On Amendments to Chapter 4 of the Civil Code of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts Russian Federation”.

Key words: legalsuccession, reorganization, corporation.

Термин «правопреемство» традиционно выделяется и в материальном, и в процессуальном праве России. Данный термин появился в понятийном аппарате юриспруденции именно благодаря гражданско-правовой науке. Однако даже в рамках гражданского права многие вопросы правопреемства до сих пор считаются изученными не в полной мере. В частности, не произведено ни одного комплексного исследования такого правового феномена как обратное правопреемство.

Например, новая ст. 60.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ) закрепила институт признания реорганизации корпорации несостоявшейся. Суть правовых последствий при признании реорганизации корпорации несостоявшейся думается можно свести к обратному правопреемству.

Правопреемство – это «свойство правоотношений, представляющее собой не связанное с личностью субъекта правоотношения и не запрещенное законодательством изменение субъектного состава правоотношения, при котором в порядке производного приобретения субъективных прав и (или) юридических обязанностей происходит их переход от одного лица (правопредшественника) к другому лицу (правопреемнику) в отношении одного и того же объекта правоотношения [10, с. 49].

Само по себе обратное правопреемство в целом должно подпадать под теоретическое определение правопреемства. Однако его характерной чертой должно являться то, что обратное правопреемство возможно лишь в отношении субъектов, между которыми ранее произошел переход субъективных прав и юридических обязанностей в порядке производного правоприобретения с использованием правового феномена правопреемства. Следовательно, при обратном правопреемстве ограничен круг возможных лиц-правопреемников.

При обратном правопреемстве первоначальные правопредшественник и правопреемник меняются своими юридическими ролями: первоначальный правопреемник теперь выступает в качестве праводателя, а изначальный правопредшественник – в качестве правопреемника. Иными словами, происходит полное (при универсальном обратном правопреемстве) либо частичное (при сингулярном обратном правопреемстве) восста-

новление положения, существовавшего до возникновения юридического факта, в результате которого был запущен «механизм» правопреемства.

Особо следует заметить, что обратное правопреемство можно рассматривать и как определенную меру гражданско-правовой ответственности. О.А. Красавчиков писал, что содержание гражданско-правовой ответственности «заключается в том, что в результате применения ее мер виновный правонарушитель вопреки своим желанием и устремлениям лишается имеющихся у него определенных гражданских прав либо вынужден принять какие-то новые (дополнительные к имеющимся) обременительные обязанности безэквивалентного порядка» [9, с. 260–261]. Аналогичного мнения придерживался О.С. Иоффе, утверждавший, что «гражданско-правовая ответственность есть прежде всего санкция за правонарушение, последствие, установленное в законе на случай его совершения. Эта санкция выражается в применении мер принуждения к правонарушителю» [7, с. 196]. В свою очередь, под мерами гражданско-правовой ответственности понимаются «гражданско-правовые санкции – предусмотренные законом имущественные меры государственно-принудительного характера, применяемые судом к правонарушителю с целью компенсации имущественных потерь потерпевшего и возлагающие на правонарушителя неблагоприятные имущественные последствия правонарушения» [11, с. 446].

Обратное правопреемство возникает только в случае признания незаконным юридического факта, возникновение которого способствовало использованию «механизма» правопреемства. Признав такой юридический факт незаконным, государство наказывает правонарушителя применением к нему такой своеобразной меры государственно-принудительного характера как обратное правопреемство (или возврат в первоначальное положение). В этом смысле обратное правопреемство следует считать «крайней», исключительной мерой, которую использует государство на свой страх и риск, так как обратное правопреемство может крайне негативно сказываться на стабильности гражданско-правового оборота. Однако данная мера наиболее эф-

фективна для наказания лиц, недобросовестно способствовавших различными способами (например, подделка документов) возникновению юридического факта, который с необходимостью влечет правопреемство.

Подводя итог, можно выделить следующие признаки обратного правопреемства:

1. Является своеобразной мерой гражданско-правовой ответственности;

2. Возможно только в отношении лиц, между которыми ранее произошел переход субъективных прав и юридических обязанностей в результате правопреемства;

3. Ограничивает круг лиц, которые могли бы стать правопреемниками. Так при обратном правопреемстве первоначальный праводатель и правопреемник (возникшие при первом правопреемстве) меняются своими юридическими ролями;

4. Всегда происходит переход субъективных прав и юридических обязанностей от одного лица к другому;

5. Является производным способом приобретения прав и обязанностей;

6. Всегда приводит к изменению субъектного состава правоотношения;

7. Приводит к полному (при универсальном обратном правопреемстве) либо частичному (при сингулярном обратном правопреемстве) восстановлению положения, существовавшего до первоначального правопреемства.

Итак, обратное правопреемство – мера гражданско-правовой ответственности, представляющая из себя изменение субъектного состава правоотношения, при котором происходит полное (при универсальном обратном правопреемстве) либо частичное (при сингулярном обратном правопреемстве) восстановление положения, существовавшего до первоначального правопреемства, то есть переход в порядке производного правоприобретения субъективных прав и юридических обязанностей в отношении одного и того же объекта правоотношения от одного лица-первоначального правопреемника к другому лицу-первоначальному правопреемнику.

Институт признания реорганизации корпорации несостоявшейся впервые появился в тексте ГК РФ в ст. 60.2, которая была введена Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ [13] и вступила в силу с 01.09.2014. Возможность признания реорганизации несостоявшейся законодатель устанавливает только для членов корпорации, так как согласно п. 7 ч. 2 ст. 65.3 ГК РФ в корпорациях принятие решения о реорганизации отнесено к исключительной компетенции высшего органа корпорации, то есть решение принимается только совместно членами корпорации, а в унитарных – решением одного управомоченного субъекта.

В качестве субъекта, который может требовать в судебном порядке признания реорганизации корпорации несостоявшейся, выступает только участник корпорации, голосовавший против принятия решения о реорганизации этой корпорации или не принимавший участия в голосовании по данному вопросу (ч. 1 ст. 60.2 ГК РФ).

Ст. 60.2 ГК РФ указывает на причины, при возникновении которых управомоченный субъект может требовать признания реорганизации корпорации несостоявшейся:

1. Решение о реорганизации не принималось участниками реорганизованной корпорации;

2. Представление для государственной регистрации юридических лиц, создаваемых путем реорганизации, документов, содержащих заведомо недостоверные данные о реорганизации.

Таким образом, обязательным условием правонарушений в указанных случаях является документальная фальсификация решения о реорганизации корпорации. Например, в протоколе общего собрания указано, что решение о реорганизации принято таким-то количеством участников, но либо такой вопрос на собрании не обсуждался, либо не было кворума, либо число голосовавших за принятие решения о реорганизации не соответствовало указанному в протоколе или было менее, чем требовалось в соответствии с законом или уставом [4, с. 122].

Признание реорганизации корпорации несостоявшейся приводит к более серьезным и строгим последствиям, чем признание недействительным решения о реорганизации юридического лица. А.В. Габов по этому поводу высказывался так:

«Комментируемая статья (ст. 60.2 ГК РФ – Д.Н., Т.Б.) направлена на устранение последствий дефектов реорганизации, однако в отличие от предыдущей статьи (ст. 60.1 ГК РФ – Д.Н., Т.Б.), в которой говорится о менее значительных дефектах, она направлена на регулирование ситуации, когда необходимо устранить все результаты реорганизации, по существу признав, что никакой реорганизации не было» [2].

Для начала дадим характеристику последствий, наступающих в случае признания реорганизации корпорации несостоявшейся (ч. 2 ст. 60.2 ГК РФ). В случае признания реорганизации корпорации несостоявшейся происходит практически полное восстановление положения, существовавшего до реорганизации юридического лица. Сделки юридических лиц, созданных в результате реорганизации, с лицами, добросовестно полагавшимися на правопреемство, сохраняют силу для восстановленных юридических лиц, которые являются солидарными должниками и солидарными кредиторами. Также предоставление (платежи, услуги и т.п.), осуществленное в пользу юридического лица, созданного в результате реорганизации, должниками, добросовестно полагавшимися на правопреемство на стороне кредитора, признается совершенным в пользу управомоченного лица.

М.Л. Скуратовский предполагает, что причина таких жестких мер «определяется тяжестью правонарушения, совершенного в форме подлога (злонамеренной реорганизации), и кроется в особых, имеющих существенное значение для имущественного оборота, корпоративных отношениях. Ведь участие в юридическом лице – это прежде всего инвестиция, и злонамеренная реорганизация направлена в основном на обман бизнес-партнеров, на хищение материальных благ, вложенных ими в дело, либо тех, которые они рассчитывают получить в результате вложения» [4, с. 122–123]. Позволим себе согласиться с мнением М.Л. Скуратовского, так как в данном случае речь идет о подделке документов. Хочется заметить, что для лиц, представивших недостоверную информацию в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, Уголовным кодексом Российской

Федерации [12] установлена самостоятельная уголовная ответственность в ст.ст. 173.1 и 173.2.

Именно последствия признания реорганизации корпорации несостоявшейся целесообразно было бы рассмотреть в контексте выделенных признаков обратного правопреемства.

1. Обратное правопреемство при признании реорганизации корпорации несостоявшейся можно рассматривать как своеобразную меру гражданско-правовой ответственности, так как данный правовой феномен возникает только «в случае утраты участником корпорации права участия в ней в результате злонамеренно проведенной реорганизации юридического лица» [1] для восстановления положения, существовавшего до реорганизации. Хотелось бы напомнить, что данная мера может неблагоприятно сказываться на устойчивости гражданского оборота, однако эта «крайняя» мера наиболее эффективна для наказания лиц, которые своими неправомерными действиями способствовали проведению реорганизации юридического лица.

В Концепции развития законодательства о юридических лиц [8, с. 31] как раз указывалось, что данная ситуация может применяться лишь в исключительных случаях (при наличии существенных нарушений, ущемляющих права участников реорганизуемого юридического лица) [8, с. 31]. Думается, что в данном случае законодатель опирался на европейское корпоративное право, которое «основывается на том положении, что признание судом реорганизации незаконной – это исключительный случай и, когда нарушения являются малозначительными, то суд может дать участникам возможность исправить возникшую ситуацию, используя механизм ревизии дефектов реорганизации» [5].

2. Возможно только в отношении юридических лиц, между которыми ранее произошел переход субъективных прав и юридических обязанностей в результате правопреемства при реорганизации юридических лиц;

1. Ограничивает круг лиц, которые могли бы стать правопреемниками. Правопредшественником при обратном правопреемстве при признании несостоявшейся реорганизации корпорации всегда будет являться юридическое лицо, возникшее

в результате реорганизации, а правопреемником – юридическое лицо, существовавшее до реорганизации (происходит обмен юридическими ролями между этими юридическими лицами);

2. Хотя бы одним либо единственным (в зависимости от формы реорганизации) правопреемником при обратном правопреемстве при признании реорганизации корпорации несостоявшейся всегда будет являться корпорация, существовавшая до реорганизации;

3. Всегда происходит переход субъективных прав и юридических обязанностей от одного юридического лица к другому;

4. Является производным способом приобретения прав и обязанностей;

5. Всегда приводит к изменению субъектного состава правоотношения, другими словами можно сказать, что происходит восстановление субъектного состава, существовавшего до реорганизации;

6. При признании реорганизации корпорации несостоявшейся происходит частичное (практически полное, но не полное!) восстановление положения, существовавшего до реорганизации:

- ◆ восстанавливаются прежние юридические лица (п. 1 ч. 2 ст. 60.2 ГК РФ),

- ◆ юридические лица, созданные в результате реорганизации, прекращают свое существование (п. 1 ч. 2 ст. 60.2 ГК РФ),

- ◆ участники ранее существовавшего юридического лица признаются обладателями долей участия в нем в том размере, в котором доли принадлежали им до реорганизации (п. 4 ч. 2 ст. 60.2 ГК РФ),

- ◆ сделки юридических лиц, созданных в результате реорганизации, с лицами, добросовестно полагавшимися на правопреемство, сохраняют силу для восстановленных юридических лиц, которые являются солидарными должниками и солидарными кредиторами по таким сделкам (п. 2 ч. 2 ст. 60.2 ГК РФ).

Именно сохранение юридической силы сделок указывает на то, что определенная, возможно совсем небольшая, разница между положением существовавшим до реорганизации и после ее проведения все-таки присутствует. Следовательно, можно говорить, что обратное правопреемство при признании реорга-

низации корпорации несостоявшейся носит сингулярный характер. Хотя данный вывод нельзя считать «истиной в последней инстанции», если предположить, что созданное в результате реорганизации юридическое лицо не успело заключить ни одной сделки, либо если все контрагенты этого юридического лица являлись недобросовестными. В этом случае необходимо говорить о полном повороте реорганизации, а, следовательно, и обратное правопреемство будет универсальным.

Можно предположить, что в основу решения законодателя о сохранении юридической силы указанных сделок положен принцип добросовестности сторон, закрепленный в ч. 3 ст. 1 ГК РФ, а также сложившаяся судебная практика, так как ранее в разрешении подобных споров суды, основываясь на информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.06.2000 № 54 «О сделках юридического лица, регистрация которого признана недействительной» [6], указывали, что признание судом недействительной регистрации юридического лица само по себе не является основанием для того, чтобы считать ничтожными сделки этого юридического лица, совершенные до признания его регистрации недействительной.

Таким образом, можно сделать вывод, что обратное правопреемство при признании реорганизации корпорации несостоявшейся – это мера гражданско-правовой ответственности, представляющая собой изменение субъектного состава правоотношения, при котором происходит практически полное восстановление положения, существовавшего до реорганизации корпорации, то есть переход в порядке производного правопробретения субъективных прав и юридических обязанностей в отношении одного и того же объекта правоотношения от юридического лица, возникшего в результате реорганизации, к корпорации, существовавшей до реорганизации.

Библиографический список

1. *Арбузов А.В.* Недобросовестная реорганизация: как восстановить права кредиторов? URL: <http://territoriaprava.ru/topics/34496> (дата обращения 5.08.2015).

2. *Габов А.В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц. Научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Гражданский кодекс* Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.

4. *Гражданский кодекс* Российской Федерации. Юридические лица: Постатейный комментарий к главе 4 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. 254 с.

5. *Ермакова Е.В., Поспелова Е.С.* Институт признания реорганизации юридического лица недействительной или несостоявшейся: перспективы принятия законопроекта внесения изменений в 4 главу части первой ГК РФ. URL: <http://ego.uara.ru/ru/issue/2014/01/13/> (дата обращения 5.08.2015).

6. *Информационное письмо* Президиума ВАС РФ «О сделках юридического лица, регистрация которого признана недействительной» от 9.06.2000 № 54 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 7.

7. *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды: В 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.

8. *Концепция* развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 10–99.

9. *Красавчиков О.А.* Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. 494 с.

10. *Носов Д.В.* Правопреемство в российском праве. Пермь, 2013. 198 с.

11. *Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права* / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. 957 с.

12. *Уголовный кодекс Российской Федерации* от 13.06.1996 № 63-ФЗ // *Российская газета*. № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

13. *Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»* от 05.05.2014 № 99-ФЗ // *Российская газета*. № 101. 07.05.2014.

УДК 347.44.9
ББК 67.404.91

Л.В. Тозик

Белорусский государственный университет, Минск

О СУБЪЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматривается правовая регламентация обеспечения Вооруженных Сил Республики Беларусь, как субъекта государственных закупок, товарами (работами, услугами) посредством осуществления государственных закупок, поставок товаров для государственных нужд и реализации государственного оборонного заказа.

Ключевые слова: Вооруженные Силы, государственные закупки товаров (работ, услуг).

L.V. Tozik

Belarussian State University, Minsk

OF GOVERNMENT PROCUREMENT SUBJECTS – GOODS (WORKS, SERVICES) FOR MILITARY FORCES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the regulation of provision of the military forces of the Republic of Belarus, as the government procurement subject, of goods (works, services) which is implemented by means of government purchases, goods supply for state needs and fulfillment of state defense order.

Key words: Military Forces, government procurement of goods (works, services).

Выполняя свои задачи и функции по обеспечению военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь, ее суверенитета, независимости и территориальной целостности, Вооруженные Силы в своей повседневной жизнедеятельности должны также вступать в гражданско-правовые отношения для

приобретения товаров (работ, услуг) военного и гражданского назначения.

В ст. 4 Закона Республики Беларусь от 3 ноября 1992 г. «О Вооруженных Силах Республики Беларусь» [1] определено, что Вооруженные Силы состоят из: центральных органов военного управления Вооруженных Сил, видов Вооруженных Сил, родов войск, специальных войск, вооружения Вооруженных Сил, тыла Вооруженных Сил, военных учебных заведений, военных комиссариатов и организаций Вооруженных Сил. В свою очередь, виды Вооруженных Сил, рода войск, специальные войска, вооружение Вооруженных Сил, тыл Вооруженных Сил состоят из органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил. Органы военного управления, соединения и воинские части (далее – воинская часть) обладают правами юридического лица.

В соответствии с п. 1 Положения о Министерстве обороны Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 7 декабря 2006 г. № 719 «Вопросы центральных органов военного управления Вооруженных Сил Республики Беларусь» [2], Минобороны является центральным органом военного управления и состоит из департаментов (в том числе с правами юридического лица), главных управлений, управлений, отделов и групп. В состав Минобороны организационно входит Генеральный штаб Вооруженных Сил, который также является юридическим лицом.

Определение военного учебного заведения дано в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. «О воинской обязанности и воинской службе» [3] военные учебные заведения – это учреждения образования, а также военные факультеты учреждений среднего специального образования и учреждений высшего образования, осуществляющие подготовку кадров по специальностям (направлениям специальностей, специализациям) для Вооруженных Сил и других воинских формирований. Следует отметить, что военные учебные заведения обеспечиваются товарами (работами, услугами) в составе высших учебных заведений, структурными подразделениями которых они являются, за исключением учреждения образования «Военная ака-

демия Республики Беларусь», которое согласно Указу Президента Республики Беларусь 25 марта 2003 г. № 127 «Об утверждении Устава учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» [4] имеет статус самостоятельного юридического лица.

К организациям Вооруженных Сил Республики Беларусь можно отнести Государственное учреждение «Главное управление строительства и эксплуатации Вооруженных Сил Республики Беларусь», Республиканское унитарное предприятие «Институт «Военпроект», Государственное учреждение «Образцово-показательный оркестр Вооруженных Сил Республики Беларусь», Государственное учреждение «Военное информационное агентство Вооруженных Сил Республики Беларусь «Ваяр», Государственное учреждение «Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь» и др.

К военным комиссариатам Республики Беларусь следует отнести: военный комиссариат г. Минска, районные военные комиссариаты г. Минска, областные военные комиссариаты, а также районные (городские) военные комиссариаты по областям.

Обеспечение Вооруженных Сил Республики Беларусь товарами (работами, услугами) осуществляется посредством государственных закупок товаров (работ, услуг).

Согласно определению, данному в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» [5] (далее – Закон о государственных закупках), государственная закупка – приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств.

Товары (работы, услуги) военного назначения для обеспечения Вооруженных Сил Республики Беларусь предусматриваются в государственном оборонном заказе. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 1994 г. № 437 «О формировании и размещении заказов на поставку товаров для республиканских государственных нужд» [6] относит государственный оборонный заказ к государственным

нуждам и предусматривает, что порядок формирования государственного оборонного заказа определяется специальным законодательством.

Следует прийти к выводу, что государственные нужды являются составной частью государственных закупок и включают в себя государственный оборонный заказ. Поэтому при реализации государственного оборонного заказа в соответствующей части применяется законодательство о государственных закупках.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим государственный оборонный заказ, является Закон Республики Беларусь от 18 мая 2007 г. «О государственной программе вооружения и государственном оборонном заказе» [7], который устанавливает правовые и экономические основы, порядок формирования, утверждения, финансирования и реализации государственной программы вооружения и государственного оборонного заказа, а также порядок размещения государственного оборонного заказа. Согласно данному Закону государственными заказчиками продукции военного назначения и специальной техники могут быть государственный орган, имеющий воинские формирования и (или) военизированные организации, а также Государственный военно-промышленный комитет Республики Беларусь в части выполнения отдельных научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ для создания новых образцов (составных частей), модернизации, продления ресурса (сроков эксплуатации) вооружения, военной и специальной техники. В качестве государственного органа, имеющего воинские формирования, выступает Министерство обороны Республики Беларусь. Государственные заказчики в рамках реализации государственного оборонного заказа заключают с поставщиками (подрядчиками, исполнителями) государственные контракты на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг.

При обеспечении Вооруженных Сил Республики Беларусь товарами (работами, услугами) гражданского назначения субъекты, в интересах которых проводятся государственные закупки, именуется заказчиками. Согласно Закону о государственных закупках заказчик – это юридическое лицо или индивидуальный

предприниматель, являющиеся получателями бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов для приобретения товаров (работ, услуг). В случае осуществления государственных закупок товаров (работ, услуг) гражданского назначения заказчиками со стороны Вооруженных Сил могут выступать органы военного управления, воинские части, учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь», военные комиссариаты и организации Вооруженных Сил. Заключаемые в результате таких государственных закупок договоры именуются в Законе о государственных закупках договорами на государственную закупку.

Таким образом, законодателем предусмотрена специфика обеспечения Вооруженных Сил Республики Беларусь продукцией военного назначения, как при проведении государственных закупок, так и при заключении договора. При этом предусмотрено заключение с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) государственного оборонного заказа особого вида договора – государственного контракта, что предоставляет сторонам дополнительные права при его исполнении, но и налагает на стороны дополнительные обязанности.

Библиографический список

1. *О Вооруженных Силах Республики Беларусь*): Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г. № 1904-XII [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология ПРОФ 2015 / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

2. *Вопросы* центральных органов военного управления Вооруженных Сил Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 7 дек. 2006 г. № 719 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология ПРОФ 2015 / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

3. *О воинской обязанности и воинской службе*: Закон Респ. Беларусь, 5 нояб. 1992 г. № 1914-XII [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология ПРОФ 2015 / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

4. *Об утверждении Устава учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь»*: Указ Президента Респ. Беларусь, 25 марта 2003 г. № 127 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология ПРОФ 2015 / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

5. *О государственных закупках товаров (работ, услуг)*: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 419-3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология ПРОФ 2015 / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

6. *О формировании и размещении заказов на поставку товаров для республиканских государственных нужд*: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 июня 1994 г., № 437 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология ПРОФ 2015 / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

7. *О государственной программе вооружения и государственном оборонном заказе*: Закон Респ. Беларусь, 18 мая 2007 г. № 232-3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»: Беларусь. Технология ПРОФ 2015 / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2015.

УДК 349.2
ББК 67.305

П.В. Ухтинский

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

ПРАВО РАБОТНИКОВ НА ОТДЫХ В ТЕЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

В настоящей статье рассматривается классификация перерывов в течение рабочего дня (смены), анализируются различные виды перерывов. В течение рабочего дня (смены) работникам предоставляются различные виды перерывов. В Трудовом кодексе РФ выделяется в трех его статьях несколько видов таких перерывов: ст. 108 посвящена перерывам для отдыха и питания, ст. 109 – специальным перерывам для обогрева и отдыха, ст. 258 – перерывам для кормления ребенка.

Ключевые слова: время отдыха, перерывы в течение рабочего дня, классификация.

Pavel Ukhtinskiy

West Ural Institute of Economics and Law, Perm

THE RIGHT OF WORKERS TO REST DURING THE WORKING DAY

This Article considers classification of breaks during the working day (shift) and analyses different kinds of breaks. During the working day (shift), employees have various kinds of breaks. Three articles of the Russian Federation Labor Code specify several kinds of such breaks: Article 108 covers breaks for recreation and meals; Article 109 covers special breaks for warming-up and recreation; Article 258 covers breaks for child feeding.

Key words: rest time, breaks during working hours, classification.

Классификация дает возможность, с одной стороны, составить общее представление об изучаемом явлении, объекте, предмете, а с другой стороны, конкретизировать наше знание об исследуемом объекте [1, С. 30]. Что же касается классификации перерывов в течение рабочего дня (смены), у исследователей

трудового права в настоящее время существует, пожалуй, единственный подход, который широко прослеживается в научной литературе. Все перерывы в течение рабочего дня (смены) они делят на общие и специальные. Следует отметить, что данная классификация у разных исследователей трудового права, в связи с их предпочтениями и другими факторами, может иметь различные формулировки, например, перерывы, предоставляемые всем работникам, и перерывы, предоставляемые отдельным категориям работников [2].

Обратимся к более подробному ее рассмотрению, согласно данной классификации общие перерывы в течение рабочего дня (смены) устанавливаются для всех видов работников, тогда как специальные – только в определенной области, для конкретных видов работ или категорий работников. Но при этом не следует забывать, что общие перерывы, как и специальные, конкретизируются и дополняются в соответствующих нормативных правовых актах.

На сегодняшний день в трудовом законодательстве закреплён один вид общих перерывов в течение рабочего дня (смены) – перерыв для отдыха и питания. Ему посвящена ст. 108 Трудового кодекса РФ и соответствующие положения нормативных правовых актов, коллективных договоров и локальных нормативных актов, в особенности правил внутреннего трудового распорядка, также эти вопросы могут регулироваться и в индивидуальных трудовых договорах [3, С. 211].

В течение рабочего дня (смены) работнику должен быть предоставлен перерыв для отдыха и питания (так называемый обеденный перерыв) [4, С. 272]. Следовательно, работник имеет право на освобождение от работы в течение рабочего дня (смены) продолжительностью от тридцати минут до двух часов [5]. Данное время работник может использовать по своему усмотрению. В свою очередь, у работодателя возникает корреспондирующая этому обязанность по предоставлению работнику ежедневного перерыва указанной продолжительностью [6, С. 9]. Основной правовой гарантией перерыва для питания и отдыха является установление его минимальной продолжительности.

Трудовой кодекс РФ определил минимальную и максимальную продолжительность перерыва для отдыха и питания. Следует заметить, что в прежнем трудовом законодательстве минимальная продолжительность указанного перерыва не предусматривалась [7, С. 41–43]. Отметим, что из-за этого на предприятиях с трехсменным режимом работы в условиях пятидневки широкое распространение получили 20-минутные обеденные перерывы [8, С. 39]. На практике продолжительность перерыва для отдыха и питания варьируется от 30 минут до одного часа в зависимости от графика сменности и возможностей, созданных у работодателя для приема пищи. Для удобства работников перерыв для отдыха и питания может предоставляться в разное время для того, чтобы они не тратили время освобождения от работы в очереди за пищей. Для достижения данной цели перерыв для отдыха и питания может устанавливаться работникам структурных подразделений в различное время [6, С. 10–11].

Конкретная продолжительность перерывов и время их предоставления определяется с учетом условий и специфики деятельности работодателя и существующей организации питания работников. Как правило, они устанавливаются специальными нормативными правовыми актами, коллективными договорами, правилами внутреннего трудового распорядка, графиками сменности и иными локальными нормативными правовыми актами или трудовым договором, в приложениях к нему.

Для отдельных категорий работников, в частности, для тех, чей труд непосредственно связан с движением транспортных средств, продолжительность перерыва для отдыха и питания и порядок его предоставления определяются в специальных положениях об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха [9, С. 381–387].

Как правило, перерыв для отдыха и питания предоставляется не позднее, чем через четыре часа после начала работы. Данное правило было закреплено в КЗоТ, но не предусмотрено Трудовым кодексом РФ [7, С. 41–43]. Тем не менее, на практике в большинстве случаев используется именно этот вариант, поскольку он предоставляется наиболее целесообразным и удобным для работников.

Время перерыва для отдыха и питания не включается в рабочее время и не оплачивается, поэтому работник вправе использовать его по своему усмотрению, а значит, и отлучаться на время перерыва с рабочего места, в том числе и покидать территорию работодателя. Предоставление перерыва для отдыха и питания не означает, что в этот период он не может заниматься трудом, т.е. выполнять ту или иную работу [4, С. 272]. Отметим точку зрения, согласно которой отказ работника от своего права на использование перерыва для отдыха и питания и добровольное выполнение им своих трудовых обязанностей, не порождает обязанности работодателя оплачивать соответствующее время, если иное не предусмотрено соглашением между ними [2].

Однако в трудовом законодательстве предусмотрены случаи, когда работодатель вправе не предоставлять работникам перерыв для отдыха и питания. В ч. 3 ст. 108 Трудового кодекса РФ говорится, что на работах, где по условиям производства (работы) предоставление перерыва для отдыха и питания невозможно (например, в непрерывном производстве), работодатель обязан обеспечить работнику возможность отдыха и приема пищи в рабочее время. В данном случае работодатель организует прием пищи работниками на рабочих местах, продолжительность отдыха и питания в подобной ситуации длится не более 30 минут, так как использование 30 минут означает предоставление перерыва для отдыха и питания [10, С. 250–251]. Здесь видоизменяется одна из характеристик данного перерыва, обеспечение работодателем отдыха и питания в течение рабочего времени улучшает положение работников, так как организуемый перерыв для этой цели подлежит оплате. Перечень таких работ, а также места для отдыха и приема пищи устанавливаются правилами внутреннего трудового распорядка. Следует заметить, что если работодатель не выполняет свои обязанности по обеспечению питания работников в течение рабочего времени, то работники вправе воспользоваться перерывом для отдыха и питания продолжительностью до 2 часов. Но в данном случае рабочее время будет продлено на время, потраченное работником на указанный перерыв.

Как правило, перерыв для отдыха и питания должен предоставляться независимо от продолжительности рабочего дня (смены). Сложившаяся за многие годы практика придерживалась правила, согласно которому, если продолжительность рабочего дня или смены не превышает шести часов, работа может производиться без перерыва. Такая практика теперь рассматривается как противоречащая ст. 108 Трудового кодекса РФ [11]. Но непредставление перерыва для отдыха и питания не противоречит Трудовому кодексу РФ в случае, если работа выполняется в течение половины рабочего дня или в меньший период (при неполном рабочем времени) [12, С. 218]. Данный вопрос следует решать в зависимости от продолжительности неполного рабочего дня по соглашению между работником и работодателем [13]. При этом Н.М. Саликова подчеркивает: «Если продолжительность рабочей смены более восьми часов, то работнику могут предоставляться два и более перерыва для отдыха и питания» [4, С. 272–273], например, для водителей автомобилей при установлении графиком сменности продолжительности ежедневной работы более восьми часов могут предоставляться два перерыва для отдыха и питания общей продолжительностью не более двух часов [14].

Помимо перерыва для отдыха и питания в течение рабочего дня (смены) работникам могут предоставляться иные специальные перерывы (ст. 109 Трудового кодекса РФ), предусмотренные в интересах охраны труда, преодоления усталости [9, С. 381–387]. В соответствии со ст. 224 Трудового кодекса РФ, работник вправе рассчитывать на предоставление ему специальных перерывов в работе. Специальные перерывы имеют огромное число разновидностей, считается, что специальные перерывы должны устанавливаться на всех видах работ, поскольку работник не в состоянии в течение всего рабочего дня трудиться без отдыха [6, С. 10–11].

В научной литературе, как правило, выделяются следующие виды специальных перерывов: предоставляемые работникам в силу специфики технологии и организации производства и труда; предоставляемые работникам, работающим в холодное время года на открытом воздухе или в закрытых не обогревае-

мых помещениях; предоставляемые грузчикам, занятым на погрузо-разгрузочных работах; другим работникам в необходимых случаях [15].

Думается, что данная квалификация видов не вполне соответствует действительности, в ней сверх меры раздроблена ч. 2 ст. 109 Трудового кодекса РФ из-за чего теряется сущность и особенность именно специальных перерывов, предоставляемых конкретно для обогрева и отдыха. В данной классификации выделяются специальные перерывы, предоставляемые другим работникам в необходимых случаях, которые по смыслу статьи равнозначны специальным перерывам, предоставляемым работникам в силу специфики технологии и организации производства и труда. Также вызывает особое недоумение отсутствие перерывов для кормления ребенка, хотя следует отметить, что ряд исследователей трудового права при использовании подобного перечня все же включают в него перерывы для кормления ребенка [16, С. 211–212]. Соответственно более правильной и обоснованной с трудово-правовой точки зрения является следующая классификация специальных перерывов: предоставляемые работникам в силу специфики технологии и организации производства и труда; предоставляемые работникам, работающим в холодное время года на открытом воздухе или в закрытых не обогреваемых помещениях, а также грузчикам, занятым на погрузо-разгрузочных работах, и другим работникам в необходимых случаях; предоставляемые для кормления ребенка.

Следует отметить, что есть и другие виды классификаций специальных перерывов, например, Т.А. Зыкина разделяет их на: связанные со спецификой производственной технологии, проявляющейся в действии неблагоприятных факторов – повышенном уровне шума, влажности, наличии излучения и других; связанные с организацией труда, например, с подъемом тяжестей вручную, работой в холодное время года на открытом воздухе или в закрытых, но необогреваемых помещениях; и связанные с особенностями регулирования труда женщин [17, С. 242–245]. Классификация, предложенная профессором Т.А. Зыкиной, хотя и построена логически правильно, все же

далее мы будем исходить из предложенной нами классификации, основанной на структуре, предложенной в Трудовом кодексе РФ.

Специальные перерывы предоставляются работникам, если необходимость в таких перерывах в определенной отрасли или для конкретных видов работ, категории работников обусловлена технологией производства или организацией производства и труда. Такие перерывы иногда называют функциональными или технологическими [16, С. 211–212]. Виды таких перерывов, продолжительность и периодичность определяются правилами внутреннего трудового распорядка на основании ч. 1 ст. 109 Трудового кодекса РФ. Как правило, такие перерывы предоставляются для кратковременного отдыха, при этом работник в большинстве случаев не покидает рабочего места (производственного помещения).

В Трудовом кодексе РФ не определяется, включаются ли в рабочее время специальные перерывы, обусловленные технологией и организацией производства и труда. Хотя считается, что эти перерывы, все же должны включаться в рабочее время [16, С. 212]. Следует отметить, что работодатель не обязан руководствоваться данной точкой зрения при установлении специальных перерывов, но должен обязательно соблюдать правило о недопустимости ухудшения положения работника по сравнению с действующим трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, коллективными договорами, соглашениями.

К специальным перерывам, предоставляем работникам в силу специфики технологии и организации производства и труда, относятся перерывы, предоставляемые в соответствии с государственными требованиями охраны труда [11]. Необходимость таких специальных регламентированных перерывов в течение рабочего дня определена, в частности, санитарными нормами и правилами, например, в целях предотвращения воздействия на человека вредных факторов производства при работе с видеодисплейными терминалами и персональными электронно-вычислительными машинами помимо перерывов для отдыха и питания работникам должны предоставляться допол-

нительные регламентированные перерывы, причем интервалы между этими перерывами и их продолжительность зависят от режима и категории тяжести и напряженности работы [18]; для женщин при работе в позе сидя в условиях действия вибрации должны предусматриваться перерывы по 5–10 мин через каждый час работы для профилактики застойных явлений в малом тазу [19].

Также специальные перерывы могут предусматриваться и по соображениям безопасности [20, С. 304–307], например, диспетчерам, непосредственно управляющим воздушным движением за диспетчерским пультом, оборудованным видеодисплейным терминалом, после 2 часов непрерывной работы предоставляется специальный перерыв продолжительностью 20 минут [21]. Аналогичные перерывы предоставляются водителям автомобилей [22].

Помимо указанных специальных перерывов правилами внутреннего трудового распорядка, коллективными договорами и соглашениями или соглашением между работником и работодателем могут устанавливаться и другие специальные перерывы или краткосрочные перерывы (паузы) для отдыха и личных нужд. К этим перерывам можно отнести перерывы для производственной гимнастики, физкультурные паузы и другие мероприятия, которые предоставляются тем категориям работников, которые в силу специфики их труда нуждаются в активном отдыхе и проведении специального комплекса гимнастических упражнений; перерывы, предоставляемые для работающих в принудительном ритме, например, на конвейере и другие [23]. Работодатель всегда может предоставить специальные перерывы для производственной гимнастики, которая способствует уменьшению утомляемости работников и повышению производительности труда. Специальные перерывы продолжительностью 10–20 минут в комнате психологической разгрузки способны вернуть работника в рабочее состояние, сняв усталость и эмоциональное напряжение [24]. Такие перерывы могут включаться в рабочее время путем учета их при установлении норм труда (выработки, времени, обслуживания, нормативов численности) [25, С. 301–303]. Также возможно введение в течение ра-

бочего дня (смены) через каждые 50–60 минут работы микропауз, продолжительностью по 2–3 минуты для самостоятельного массажа из 2–3 упражнений [26, С. 83–84]. Вопрос о предоставлении подобных перерывов решается в правилах внутреннего распорядка.

Разновидностью специальных перерывов являются специальные перерывы, предоставляемые работникам, работающим в холодное время года на открытом воздухе или в закрытых не обогреваемых помещениях (например, рабочим-строителям, монтажникам, на строительстве и ремонте дорог и т.п.), а также грузчикам, занятым на погрузочно-разгрузочных работах, и другим работникам в необходимых случаях предоставляются специальные перерывы для обогрева и отдыха, которые включаются в рабочее время и подлежат оплате. Их число, продолжительность и периодичность определяются работодателем в зависимости от природно-климатических условий, интенсивности и напряженности работы и устанавливаются в коллективных договорах или локальных актах. Отсутствие в коллективных договорах или локальных нормативных актах условий о предоставлении специальных перерывов для обогрева и отдыха перечисленным работникам позволяет им самостоятельно воспользоваться такими перерывами, так как их предоставление не зависит от усмотрения работодателя [6, С. 10–11]. Также работодатель обязан предоставить оборудованное помещение для обогрева и отдыха или специально приспособленное место, в котором работник смог бы принять пищу, отдохнуть, поспать или, например, согреться, в целом данные помещения должны отвечать санитарно-гигиеническим требованиям. Следует отметить, что если работодатель не обеспечит работника помещением для обогрева, а работник заболеет и утратит (полностью или частично) профессиональную трудоспособность, то данный случай будет рассматриваться как трудовое увечье и у работника возникнет соответствующее право возмещения вреда [27, С. 38–40]. Даже если работодатель не может предоставить в необходимых случаях помещения для обогрева, то он обязан создать комфортные зоны на рабочих местах с использованием инфра-

красных излучателей или предоставить работникам средства для обогрева (костры, теплушки, палатки) [28]. При этом с работодателя не снимается обязанность по созданию соответствующее оборудованных помещений для обогрева.

В настоящее время разработаны методические рекомендации, регулирующие режим труда и отдыха работающих в холодное время на открытой территории или в неотапливаемых помещениях [29]. Согласно данным рекомендациям продолжительность однократного перерыва на обогрев в отапливаемом помещении не должна быть менее 10 минут, при этом перерывы на обогрев могут сочетаться с перерывами на восстановление функционального состояния работника после выполнения физической работы. В обеденный перерыв работник должен находиться в отапливаемом помещении и обеспечен «горячим» питанием. Во избежание переохлаждения работникам не следует во время перерывов в работе находиться на холоде в течение более 10 минут при температуре воздуха до $-10\text{ }^{\circ}\text{C}$ и не более 5 минут при температуре воздуха ниже $-10\text{ }^{\circ}\text{C}$. В данных рекомендациях также устанавливается допустимая продолжительность непрерывного пребывания на холоде и число 10-минутных перерывов на обогрев (за 4-часовой период рабочей смены) от 1 до 8, в зависимости от температуры окружающего воздуха, скорости ветра и категории работ, которая различается согласно санитарным правилам и нормам в зависимости от физического напряжения и подвижности работы [30].

Для отдельных отраслей производства разработаны свои правила по охране труда, регламентирующие предоставление специальных перерывов для обогрева и отдыха. В частности, для предотвращения охлаждения и обморожения работников структурных подразделений хозяйства грузовой и коммерческой работы железных дорог, баз твердого топлива железных дорог и для работников федерального железнодорожного транспорта, занятых обслуживанием пассажиров на железнодорожных вокзалах, пассажирских железнодорожных станциях, и осуществляющих работы в холодное время года на открытом воздухе устанавливаются специальные перерывы для обогрева и отдыха продолжительностью от 10 до 15 минут за каждый час,

в зависимости от температуры окружающего воздуха и скорости ветра [31].

Работающим женщинам, имеющим детей в возрасте до полутора лет, в том числе усыновившим ребенка либо установившим над ним опеку, предоставляются помимо перерыва для отдыха и питания дополнительные перерывы для кормления ребенка (детей) не реже, чем через каждые три часа продолжительностью не менее тридцати минут каждый (ст. 258 Трудового кодекса РФ). Однако с учетом конкретных обстоятельств (состояния здоровья матери и ребенка, отдаленности места жительства семьи (или места нахождения ребенка в период работы матери) от места работы и иных обстоятельств, влияющих на режим кормления), получасовой перерыв не всегда достаточен. В соответствии с медицинским заключением его продолжительность может быть увеличена [11]. При наличии у работающей женщины двух и более детей в возрасте до полутора лет продолжительность перерыва для кормления устанавливается не менее одного часа. По заявлению женщины перерывы для кормления ребенка (детей) присоединяются к перерыву для отдыха и питания либо в суммированном виде переносятся как на начало, так и на конец рабочего дня (рабочей смены) с соответствующим его (ее) сокращением. Для такого суммирования не требуется согласия работодателя и каких-либо специальных согласований и перерывы обязаны быть предоставлены в том порядке, который указан в заявлении женщины или другого лица, имеющего на них право. Избранный вариант использования перерывов на кормление ребенка закрепляется в правилах внутреннего трудового распорядка или в приложениях к трудовому договору.

Женщины, имеющие детей в возрасте до 1,5 лет, в случае невозможности выполнения прежней работы переводятся по их заявлению на другую работу с оплатой труда по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе до достижения ребенком возраста 1,5 лет. (ч. 4 ст. 254 Трудового кодекса РФ). Невозможность выполнения прежней работы женщинами, имеющими детей в возрасте 1,5 лет, имеет место в случаях, когда эта работа в силу воздействия на мать неблагоприятных факторов несовместима с кормлением ребенка и ухो-

дом за ним, что при необходимости подтверждается медицинским заключением, либо связана с разъездами, не допускает отлучек в рабочее время и т.д.

Трудовой кодекс РФ не устанавливает количество предоставляемых перерывов и конкретную продолжительность каждого из них, поскольку частота и продолжительность этих перерывов зависят от состояния здоровья вскармливаемых детей и их количества, продолжительности рабочей смены, режима труда и других факторов. До внесения в Трудовой кодекс РФ изменений указанные перерывы предоставлялись не реже, чем через каждые 3 часа непрерывной работы матери. Такой порядок не позволял обеспечить строгую периодичность кормления ребенка и регулярный режим его питания, поскольку не учитывал, что потребность ребенка в питании возникает через определенные промежутки астрономического времени. В новой редакции ч. 1 ст. 258 слова «непрерывной работы» исключены. Перерывы на кормление ребенка должны теперь предоставляться не реже чем через 3 часа астрономического времени, включая время работы матери, перерывы, относящиеся к рабочему времени, и время для отдыха и приема пищи. Думается, что данный порядок в большей мере отвечает целям организации рационального режима питания детей в возрасте до 1,5 лет. Соответственно этому при 8-часовой рабочей смене и при 7-часовом рабочем дне, а также при 6-часовом рабочем дне с обеденным перерывом следует предоставлять два перерыва на кормление ребенка [9, С. 808–809]. Перерывы для кормления ребенка (детей) включаются в рабочее время и подлежат оплате в размере среднего заработка.

Перерывы для кормления ребенка предоставляются женщине независимо от того, на грудном или искусственном вскармливании находится ребенок. Этот перерыв также предоставляется в соответствии со ст. 264 Трудового кодекса РФ лицам, воспитывающим детей без матери, например, одинокому отцу, опекуну, попечителю.

Библиографический список

1. *Хохрякова О.С.* Источники советского трудового права. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1976.
2. *Трудовое право* / под общ.ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. М., 2008.
3. *Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда* / под ред. М.В. Лушниковой. М., 2008.
4. *Трудовое право* / под ред. С.Ю. Головиной, М.В. Молодцова. М., 2008.
5. *Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в воспитательных колониях федеральной службы исполнения наказаний*, утвержденной Приказом Минюста РФ от 23.06.2005 г. № 95 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 30.
6. *Миронов В.И.* Трудовое право России // Трудовое право. 2004. № 12.
7. *Коршунов Ю.Н., Силаев В.П.* Рабочее время и время отдыха. М., 1976.
8. *Время труда и время отдыха* / под ред. Б.А. Шеломова. М., 1997.
9. *Комментарий к Трудовому кодексу РФ* / под ред. Ю.П. Орловского. М., 2007.
10. *Трудовое право России* / С.П. Маврин, М.В. Филиппова, Е.Б. Хохлов. СПб., 2005.
11. *Комментарий к Трудовому кодексу РФ (постатейный)* / отв. ред. А.М. Куренной, С.П. Маврин, Е.Б. Хохлов. М., 2005. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. *Трудовое право* / Д.А. Никонов, А.В. Стремоухов. М., 2007.
13. *Анисимов Л.* Время отдыха // Кадровик (Трудовое право для кадровика). 2007. № 1.
14. *Положение об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха водителей автомобилей*, утвержденное Приказом Минтранса России от 20.08.2004 г. № 15 // Российская газета. 2004. № 248.

15. *Комментарий* к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. М., 2008 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. *Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда* / под ред. М.В. Лушниковой. М., 2008.

17. *Зыкина Т.А.* Реализация работником права на отдых: отдельные вопросы // Современное законодотворчество и правоприменение: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посв. 60-летию юрид. ф-та ПГУ. Пермь, 2008.

18. *Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.2.2./2.4.1340-03 «Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы»*, утверждены Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 03.06.2003 N 118 // Российская газета. 2003. № 120.

19. *Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.2.0.555-96 «Гигиенические требования к условиям труда женщин»*, утверждены Постановлением Госкомсанэпиднадзора РФ от 28.10.1996 N 32 // Экологический вестник России. 2001. № 3.

20. *Трудовое право России* / В.А. Болдырев, В.А. Сысоев, М., 2006.

21. *Положение об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха работников, осуществляющих управление воздушным движением гражданской авиации РФ*, утвержденное Приказом Минтранса России от 30.01.2004 г. № 10 // БНА РФ. 2004. № 11

22. *Положение об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха водителей автомобилей*, утвержденное Приказом Минтранса России от 20.08.2004 г. № 15 // Российская газета. 2004. № 248.

23. *Межотраслевые правила по охране труда при эксплуатации промышленного транспорта (конвейерный, трубопроводной и другие транспортные средства непрерывного действия*, утвержденные Постановлением Минтруда РФ от 17.06.2003 г. № 36 // Российская газета. 2003. № 239.

24. *Кондратьева Е.В.* Рабочее время и время отдыха. М., 2005.

25. *Комментарий к Трудовому кодексу РФ (постатейный)* / отв. ред. М.В. Буянова, И.А. Костян. М., 2008.

26. *Физиологические* принципы разработки режимов труда и отдыха / Под ред. В.И. Медведева. М., 1984.

27. *Время труда и время отдыха* / под ред. Б.А. Шеломова. М., 1997.

28. *Типовая инструкция по охране труда для маляра*. ТОИ Р-31-206-97, утвержденной Приказом Минтранса РФ от 15.09.1997 № 105 (Документ опубликован не был); П. 1.8. Правил по охране труда на работах на воздушных линиях связи и проводного вещания (радиофикации) ПОТ Р О-45-006-96, утвержденные Приказом Минсвязи РФ от 25.01.1996 г. № 8 (Документ опубликован не был).

29. *Методические рекомендации 2.2.7.2129-06 «Методические рекомендации «режима труда и отдыха работающих в холодное время на открытой территории или в неотапливаемых помещениях»*, утверждены Главным государственным санитарным врачом РФ 19.09.2006 г. (Документ опубликован не был).

30. *Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.2.4.548-96 «Гигиенические требования к микроклимату производственных помещений»*, утверждены Постановлением Госкомсанэпиднадзора РФ от 01.10.1996 N 21. (Документ опубликован не был).

31. *Отраслевые правила по охране труда в пассажирском хозяйстве федерального железнодорожного транспорта*. ПОТ РО-13153-ЦЛ-923-02, утвержденные МПС РФ 20.11.2002 г. (Документ опубликован не был).

УДК 349.2: 331.5
ББК 67.305

Ю.В. Фокеева

Институт государства и права Тюменского
государственного университета

НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

В статье раскрываются дискуссионные аспекты соотношения норм гражданского процессуального и трудового законодательства РФ, наглядно раскрываются примеры неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть на практике при столкновении вышеуказанных норм и вносятся предложения в трудовое законодательство РФ, направленные на минимизацию (исключение) данных неблагоприятных последствий.

Ключевые слова: защита трудовых прав, коллизия, профсоюзный лидер, увольнение.

Iu.V. Fokeeva

The Institute of state and law of Tyumen state University

RULES OF CIVIL PROCEDURE AND LABOUR LAW: THE PROBLEMS OF CORRELATION AND IMPLEMENTATION

The article describes the controversial aspects of the relationship between the norms of civil procedure and labour law of the Russian Federation, clearly reveals examples of adverse effects that may arise in practice when confronted to the above rules and make proposals to the labour legislation of the Russian Federation aimed at minimizing (exception) of adverse effects.

Key words: protection of labour rights, conflict, trade Union leader, dismissal.

Реализация участниками трудовых отношений своих прав и предоставляемых трудовым законодательством РФ возможностей регулировать трудовые процессы и воздействовать на других участников трудовых отношений в ряде случаев может быть

ограничена нормами иных отраслей права. В некоторых случаях указанное ограничение может вносить серьезный резонанс в возможность для участников трудовых отношений реализовывать предоставленные им трудовым законодательством РФ права. Проблему соотношения норм гражданского процессуального права и трудового права автор настоящей статьи предлагает рассмотреть на конкретном примере.

Так, согласно ст. 209 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК) решения суда вступают в законную силу по истечении срока на апелляционное обжалование, если они не были обжалованы. В случае подачи апелляционной жалобы решение суда вступает в законную силу после рассмотрения судом этой жалобы, если обжалуемое решение суда не отменено.

При этом другие статьи ГПК регламентируют последствия пропуска срока на подачу апелляционной жалобы. Ст. 109 ГПК предусматривает, что право на совершение процессуальных действий погашается с истечением установленного федеральным законом или назначенного судом процессуального срока. Ст. 112 ГПК закрепляет, что лицам, пропустившим установленный федеральным законом процессуальный срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен. Пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы может быть восстановлен только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной или надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего жалобу, его беспомощное состояние и другое), и эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу (указанный вопрос также рассмотрен в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19.06.2012 № 13). На определение суда о восстановлении или об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока сторона гражданского процесса может подать частную жалобу.

Перечисленные выше статьи имеют повышенную актуальность в связи с вступившей с 11 июля 2014 г. редакцией

ст. 374 Трудового кодекса РФ, принятой федеральным законом от 28.06.2014 № 199-ФЗ. В ч. 12 ст. 374 ТК РФ установлено, что работодатель вправе произвести увольнение по основанию, предусмотренному п. 2 и п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, руководителей (заместителей) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций, выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций структурных подразделений организаций (не ниже цеховых и приравненных к ним), не освобожденных от основной работы (далее – профсоюзных лидеров) в течение одного месяца со дня, в том числе, вступления в силу решения суда о признании необоснованным несогласия соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа с данным увольнением. В установленный срок не засчитываются периоды временной нетрудоспособности работника, пребывания его в отпуске и другие периоды отсутствия работника, когда за ним сохраняется место работы (должность).

Детальное прочтение ч. 12 ст. 374 ТК РФ и ст. 209, 109, 112 ТК РФ в случае с пропуском срока подачи апелляционной жалобы, когда решение суда первой инстанции имеет отметку о вступлении его в силу с указанием даты вступления, и при этом судом назначено рассмотрение ходатайства о восстановлении пропущенного срока на апелляционное обжалование вызывает дискуссии по вопросу о том, вправе ли работодатель в сложившейся ситуации уволить работника в месячный срок со дня вступления решения суда первой инстанции в силу (дата отсчитывается от даты отметки суда), либо работодатель обязан ждать результатов рассмотрения судом ходатайства о восстановлении пропущенного срока и вступления в законную силу определения об этом. Как показывает практика, вопрос о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы может быть решен судом позднее, чем истечет месячный срок со дня вступления в законную силу решения суда о признании незаконным несогласия соответствующего вышестоящего профсоюза на увольнение профсоюзного лидера.

В пользу точки зрения, что работодатель должен подождать вступления в силу определения суда о восстановлении пропущенного срока, говорит редакция ст. 209 ГПК РФ, в соответ-

ствии с которой решения суда вступают в законную силу по истечении срока на апелляционное обжалование, если они не были обжалованы. В описанной ситуации апелляционная жалоба соответствующим вышестоящим профсоюзом в суд подана, однако с нарушением срока подачи, то есть она не считается поданной в надлежащем виде до тех пор, пока суд в силу каких-либо уважительных причин не восстановит пропущенный срок на ее подачу. Значимую роль также играет наличие у работодателя штампа о вступлении решения суда в законную силу и отсутствие письма из суда об отмене действия (аннулировании) этого штампа. Следовательно, работодатель не может отдать приоритет поданной с нарушением срока апелляционной жалобе, поскольку в противовес ей стоит решение суда первой инстанции о признании незаконным отказа соответствующего вышестоящего профсоюза в даче согласия на увольнение.

В вышеуказанной ситуации работодатель в целях точного соблюдения ч. 12 ст. 374 Трудового кодекса РФ должен уволить работника не позднее истечения месячного срока на увольнение после вступления в силу решения суда и не имеет права ждать разрешения судом вопроса о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы, поскольку в последующем, в случае невозможности этого срока, увольнение будет произведено за пределами вышеуказанного месячного срока, что повлечет за собой признание процедуры увольнения незаконной и восстановления работника на работе в рамках последующего судебного спора о восстановлении на работе.

Однако, если приказ об увольнении работника будет издан, а пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы впоследствии будет восстановлен, то обоснованно полагать, что работодателю не нужно будет отменять приказ об увольнении работника и допускать его к работе на период до рассмотрения судом апелляционной жалобы, поскольку на момент увольнения работодатель имел отметку о вступлении решения суда в силу и действовал в строгом соответствии с ч. 12 ст. 374 ТК РФ. В сложившейся ситуации вопрос об отмене приказа об увольнении должен быть решен уже на основании решения суда о восстановлении работника о работе (при этом иск о восстановлении

на работе будет подан согласно ст. 392 ТК РФ в месячный срок с даты увольнения, т.е. до разрешения апелляционной жалобы) либо после рассмотрения судом апелляционной жалобы и принятия решения не в пользу работодателя по вопросу о признании незаконным несогласия соответствующего вышестоящего профсоюза в даче согласия на увольнение профсоюзного лидера (работодатель в этом случае вправе отменить приказ об увольнении).

Исходя из вышеизложенного, срок для увольнения профсоюзного лидера продолжительностью не более одного месяца с даты вступления решения суда в законную силу является неоправданно коротким и может создать такие проблемы для работодателя как:

1) издание приказа об увольнении при наличии ходатайства о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы в ситуации, когда имеются уважительные причины для восстановления пропущенного срока, указанные в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19.06.2012 № 13 (наличие временной нетрудоспособности и т.п.). В этой ситуации работодатель, зная о наличии таких уважительных причин, должен несмотря на риск пропуска месячного срока на увольнение взять на себя функцию суда и до вынесения судебного акта о восстановлении пропущенного срока принять решение работника не увольнять. Однако, если в итоге пропущенный срок не будет восстановлен, то работодатель уже не сможет уволить работника, так как пропустил предусмотренный ч. 12 ст. 374 ТК РФ месячный срок на увольнение. Восстановление пропущенного срока на увольнение работника не предусмотрено действующим гражданским процессуальным и трудовым законодательством и может быть отклонено судом как непредусмотренная законом мера самозащиты работодателем своих трудовых прав;

2) издание приказа об увольнении при наличии ходатайства о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы в ситуации, когда не имеется уважительных причин для восстановления пропущенного срока, указанных в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19.06.2012 № 13.

При этом в практике многих судов общей юрисдикции имеется множество примеров, когда пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы суды восстанавливают в отсутствие уважительных причин, поскольку вопреки п. 2 ст. 321 ГПК РФ суды считают срок подачи апелляционной жалобы с даты получения подателем апелляционной жалобы судебного решения первой инстанции по почте. Такая сложившаяся в некоторых регионах негативная практика осложняет положение работодателя в ситуации, когда он должен уволить работника – профсоюзного лидера в пределах установленного ч. 12 ст. 374 ТК РФ месячного срока на увольнение;

3) восстановление судом пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы и, следовательно, отмена штампа о вступлении решения суда первой инстанции в законную силу в ситуации, когда увольнение работника уже произведено.

Таким образом, во избежание изложенных проблем *полагаем обоснованным предусмотреть для профсоюзных лидеров срок увольнения с даты вступления в силу решения суда – три месяца. Установленный срок на увольнение 1 месяц является неоправданно коротким и в вышеописанных ситуациях может повлечь за собой вынужденные нарушения работодателем норм трудового права, регламентирующих увольнение работника. Полагаем, что в случае увеличения вышеуказанного срока увольнения до трех месяцев работодатель не столкнется с вышеуказанными проблемами и не будет ограничен в праве принятия управленческих решений по увольнению работника.*

РАЗДЕЛ 4

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

УДК 343.9
ББК 67.51

Д.С. Васильев

Юридический институт
Сибирского федерального университета, Красноярск

ВИДЫ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ

В статье исследуются имеющиеся подходы к классификации пост-пенитенциарных мер безопасности. Автор анализирует существующие виды постпенитенциарных мер безопасности, предлагает свой вариант их классификации.

Ключевые слова: Меры безопасности, рецидивная преступность, профилактика преступлений, классификация мер безопасности, меры постпенитенциарного воздействия.

D.S. Vasiliev

Law Institute of Siberian Federal University, Krasnoyarsk

TYPES OF SECURITY MEASURES FOR EX-OFFENDERS

The article examines the existing approaches to the classification of post-penitentiary security measures. The author analyzes the existing types of post-penitentiary security measures, offers its own version of their classification.

Key words: security measures, recurrent criminality, crime prevention, classification of security measures, measures of post-penitentiary impact.

В современном российском обществе одной из основных проблем является проблема предупреждения преступности. Высокий уровень преступности препятствует нормальному эконо-

мическому, социальному и культурно-духовному развитию общества. Вместе с тем, несмотря на некоторое снижение уровня преступности, согласно последним отчетам Министерства внутренних дел, этот уровень остается крайне высоким.

Одним из основных показателей эффективности антикриминальной политики является уровень рецидивной преступности. В настоящее время рецидивная преступность представляет собой одну из главных проблем современной криминологической ситуации в нашей стране. Согласно данным, которые приводит О.Р. Афанасьева относительно ситуации в России, 452312 преступников, т.е. 44,7 % от всех выявленных (на 6,1 % больше, чем в 2011 г.), составляют лица, ранее совершавшие преступления. Число ранее судимых преступников составило 32,3 %, при этом 1,8 % совершили преступления при опасном и особо опасном рецидиве [6].

Такая ситуация во многом отражает существенные недостатки в существующей модели профилактики совершения преступлений, а также низкую эффективность мер исправительного воздействия в местах лишения свободы.

Одним из перспективных направлений предупреждения совершений преступлений представляются меры безопасности. В настоящий момент идея мер безопасности реализована в законодательстве многих зарубежных стран, благодаря чему термин «меры безопасности» приобрел конкретно-юридическое значение [9].

Учитывая сложившуюся в нашей стране ситуацию, связанную с рецидивной преступностью, Н.В. Щедрин отмечает, что мировой и российский опыт показал, что в борьбе с рецидивом необходимо также использовать меры безопасности, которые бы ограничивали проявление повышенной опасности рецидивиста, как во время исполнения наказания, так и в постпенитенциарный период [8, с. 139].

Мы полагаем, что именно меры безопасности могут стать тем самым элементом, который сможет внести определенные коррективы в указанную нами выше негативную статистику.

Следует отметить, что термин «меры безопасности» весьма широк и большая часть мер, составляющих ее содержание, прямо или косвенно оказывает воздействие на рецидивную пре-

ступность. Вместе с тем, нас в первую очередь интересуют меры безопасности, которые прямо и непосредственно направлены на предупреждение рецидивной преступности. Такими мерами являются постпенитенциарные меры безопасности.

Постпенитенциарные меры безопасности следует понимать как меры некарательного ограничения поведения лиц, освобожденных из мест лишения свободы, применяемые соразмерно характеру и степени общественной опасности преступления, его тяжести, личности лица, отбывшего наказание в местах лишения свободы, с целью защиты общества и его членов от повторного совершения преступных посягательств указанными лицами, применяемые на определенный срок или бессрочно и имеющие собственный механизм реализации.

Вместе с тем, в настоящий момент, законодательство не содержит четкого перечня постпенитенциарных мер безопасности. Подобное положение дел вызывает определенные проблемы на практике, поскольку отсутствие подробного перечня ограничений, которые налагаются на лицо, освобожденное из мест лишения свободы, негативно влияет как на эффективность применения этих мер, так и на процесс ресоциализации лица, освобожденного из мест лишения свободы.

Мы полагаем, что в настоящий момент актуальной является необходимость формирования классификации постпенитенциарных мер безопасности, что позволит свести к единому перечню имеющиеся ограничения для лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Перед тем как перейти к классификации стоит отметить, что ранее В.И. Горобцов, исследуя меры постпенитенциарного воздействия, уже давал им классификацию. При этом фактически В.И. Горобцов подразумевал под мерами постпенитенциарного воздействия постпенитенциарные меры безопасности, поэтому мы полагаем, что для целей нашего исследования необходимо проанализировать предложенные им критерии для классификации мер постпенитенциарного воздействия, актуализировав и дополнив их, поскольку предложенная Горобцовым В.И. классификация датируется 1995 г.

Приводя классификацию мер постпенитенциарного воздействия, Горобцов В.И. предлагает следующие критерии для классификации:

1. По юридической силе нормативных актов, устанавливающих ограничения лиц, пребывающих в состоянии судимости, в правах и в выполнении обязанностей (меры, предусмотренные законодательными актами и меры, а также меры, предусмотренные ведомственными актами) [7, с. 94].

Данный критерий актуален и в настоящее время. Большинство ограничений предусмотрены на уровне законодательства, однако есть исключения. В частности ограничения при приеме на службу в органы госнаркоконтроля и при ее прохождении для лиц, имеющих судимость, либо имевших ее в прошлом установлены п. 18 «Положения о правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ», утвержденного Указом Президента РФ от 05.06.2003 № 613 «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» [4].

Представляется, что такое положение дел не соответствует требованиям Конституции РФ, в ч. 3. ст. 55 которой установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1].

Таким образом, любые ограничения прав и свобод человека и гражданина, в том числе лиц, освобожденных из мест лишения свободы, могут быть установлены только на уровне федерального законодательства, но никак не на уровне подзаконных актов, в том числе путем издания Указа Президента.

Кроме того, мы полагаем, что критерий, предложенный Горобцовым В.И., следует несколько изменить, исключив из него ссылку на состояние судимости, поскольку, как мы уже отметили выше, некоторые постпенитенциарные меры безопасности могут быть не связаны с состоянием судимости (бессрочные меры безопасности).

2. По объекту воздействия Горобцов В.И. выделяет меры, распространяющиеся на всех лиц, освободившихся из мест ли-

шения свободы и меры, распространяющиеся на определенные категории указанных лиц [7, с. 94].

Полагаем, что данный критерий также имеет право на существование. Действительно, постпенитенциарные меры безопасности можно разделить на меры, распространяющиеся на всех лиц, освобожденных из мест лишения свободы (примером могут быть профессиональные запреты для лиц, отбывших наказание, занимать определенные должности), а также на меры, применяемые к определенным категориям лиц (запрет лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 198 УК РФ (уклонение от уплаты налогов) и имеющим неснятую и непогашенную судимость по этой статье, представлять декларацию о доходах в упрощенном порядке [5]).

Следует отметить, что в большинстве случаев законодатель накладывает определенные ограничения, представляющие собой постпенитенциарные меры безопасности, на конкретные группы лиц, основываясь либо на совершении данными лицами конкретного преступления (как в указанном выше примере на лиц, совершивших уклонение от уплаты налогов), либо на совершении лицами преступления, посягающего на определенные общественные отношения (запрет лицам, имеющим судимость за преступление в сфере экономики занимать должности члена совета директоров (наблюдательного совета) кредитной организации [2]), либо на форме умысла лица при совершении им преступления (запрет лицам, совершившим умышленные преступления занимать должности арбитражного управляющего [3]).

3. По субъекту реализации мер постпенитенциарного воздействия допустимым представляется выделение мер, реализуемых органами внутренних дел, администрациями предприятий, учреждений и организаций, военной администрации, органов пограничной службы [7, с. 94].

С данным критерием следует согласиться, при этом отметив, что сами ограничения, составляющие содержание постпенитенциарных мер безопасности действуют без вынесения какого-либо акта государственных органов, на этих органах лишь лежит обязанность по контролю за соблюдением данных ограничений.

Подводя итог, мы полагаем, что предложенная классификация постпенитенциарных мер безопасности имеет важное значение как в теории, так и на практике, поскольку позволяет более глубоко уяснить структуру и содержание постпенитенциарных мер безопасности, что в том числе должно сыграть роль в ходе формирования политики предупреждения преступности в России, в особенности рецидивной преступности.

Библиографический список

1. *Конституция РФ* // Российская газета, № 7 от 21.01.2009.
2. О банках и банковской деятельности: ФЗ от 02.12.1990 г. № 395-1 // Российская газета. 10.02.1996. № 27.
3. О несостоятельности (банкротстве): ФЗ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ // Российская газета. 02.11.2002. № 209–210.
4. О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ: Указ Президента РФ от 05.06.2003 № 613 // Российская газета № 112 (3226) от 11.06.2003 г.
5. Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами: ФЗ от 30.12.2006 № 269-ФЗ // Российская газета. 31.12.2006. № 297.
6. *Афанасьева О.Р.* К вопросу об исследовании социальных последствий рецидивной преступности // Российский следователь. 2013. № 7.
7. *Горобцов В.И.* Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: моногр. Орел, 1995.
8. *Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / О.М. Кылина, Н.А. Никитина, А.Е. Речицкий и др.; под ред. Н.В. Щедрина.* Красноярск. 2010.
9. *Понятовская Т.Г.* Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета права и экономики. 2013. № 3.

УДК 343.37
ББК 67.408.12

В.В. Дараган
Днепропетровский государственный
университет внутренних дел

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В УКРАИНЕ

В статье рассмотрены основные элементы криминологической характеристики преступлений в сфере государственных закупок Украины. Сделан вывод о том, что изучение элементов криминологической характеристики являются краеугольным камнем в разработке мероприятий по предупреждению преступлений в исследуемой сфере.

Ключевые слова: преступность; государственные закупки; коррупция; криминологическая характеристика; экономика; государственные средства.

V.V. Daragan
Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

ON THE ELEMENTS OF CRIMES CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS IN PUBLIC PROCUREMENT IN UKRAINE

The article describes the basic elements of criminological characteristics of crimes in the sphere of public procurement in Ukraine. It is concluded that the study of the elements of criminological characteristics are a cornerstone in the development of measures to prevent crime in the study area.

Key words: crime; public procurement; corruption; criminological characteristics; the economy; state funds

Сегодня наблюдаются многочисленные факты проведения фиктивных конкурсных торгов и торгов по завышенным ценам, монополистического заговора участников, продвижения на рынок «своих» или фиктивных фирм, существование системы «откатов» и так называемого «кумовства». С целью создания фик-

тивной конкуренции довольно часто проводятся торги, когда «родственные» фирмы-участники подают разные по цене предложения конкурсных торгов для формального соблюдения процедуры государственных закупок [9, с. 181].

Сегодня в Украине происходят процессы, направленные на восстановление украинской экономики. Одной из первых задач, направленных на восстановление и стабилизацию экономики Украины, которые выделяются руководством страны, является преодоление коррупции в сфере государственных закупок.

Не случайно в Антикоррупционной стратегии на 2014–2017 гг. отдельной сферой предотвращения коррупции выделена сфера государственных закупок, а также предусмотрен целый ряд первоочередных мер, направленных на предотвращения коррупции в указанной сфере [1].

В связи с этим, возникает необходимость исследования мотивов и факторов, служащих причинами возникновения этого явления, механизмов их формирования и влияния на уровень и характеристики преступности в сфере государственных закупок в Украине.

Несмотря на довольно большое количество публикаций, связанных с предупреждением коррупции в сфере государственных закупок, вопросы криминологической характеристики данных преступлений в Украине исследованы недостаточно глубоко. Как правило, отдельные элементы криминологической характеристики преступлений в сфере государственных закупок изучались в рамках оперативно-розыскной или общей характеристики указанных преступных проявлений.

Эффективность осуществления государственных закупок всегда находится в центре внимания политиков и общества. Такое внимание связано с двуединой роли феномена государственных закупок: с одной стороны, за счет государственных закупок государство осуществляет (по крайней мере – должно осуществлять) свою социальную функцию – обеспечение потребностей общества за счет публичных ресурсов, но, с другой стороны, эта деятельность становится источником и соблазном государственной бюрократии обращение части указанных ресурсов в свою пользу [5, с. 81].

Сравнивая различные определения криминологической характеристики, можно сделать вывод, что большинство исследователей, изучающих экономические преступления, отмечают такие элементы криминологической характеристики [11–13]: состояние; динамика; личность преступника, причины и условия, способствующие совершению преступления, последствия.

Рассмотрим более детально указанные элементы криминологической характеристики присущие преступлениям в сфере государственных закупок в Украине.

Состояние. Процесс проведения закупок товаров, работ и услуг за государственные средства сегодня является слишком криминализированным и серьезным источником коррупции. Следует отметить, что официальные статистические данные о преступлениях в сфере государственных закупок не отражают реального положения дел борьбы с преступностью в указанной сфере. Большинство преступлений в указанной сфере имеют латентный характер [10].

Создание и реализация комплексных мер по формированию конкурентной среды в сфере государственных закупок, предотвращение проявлений коррупции, обеспечение прозрачности процедур закупок товаров, работ и услуг за государственные средства и достижение оптимального и рационального их использования является одним из основных приоритетов государственной политики Украины в сфере государственных закупок.

Значительное количество ученых и экспертов склоняются к мнению, что предоставление заказчикам права самостоятельно осуществлять закупку товаров, работ и услуг за государственные средства у одного участника приводит к коррупционной составляющей в этой сфере.

Одной из норм направленных на обеспечение принципов добросовестной конкуренции среди участников и предотвращения коррупционных действий и злоупотреблений были положения ст. 39 Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок» от 01.06.2010 № 2289-VI в (редакция от 02.10.2011), а именно абзац, который определял, что процедура закупки у одного участника применяется заказчиком после согласования с Уполномоченным органом (Министерство экономики Украины)

в порядке, утвержденном Кабинетом Министров Украины. Однако указанный абзац в октябре 2011 г. был исключен на основании Закона Украины от 08.07.2011 № 3681-VI «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по вопросам государственных закупок», принятие которого вызвало беспокойство у некоторых ученых и общественных организаций.

Согласно действующему Закону Украины «Об осуществлении государственных закупок», закупка у одного участника получила новое название «переговорная процедура закупки» – это процедура, которая используется заказчиком как исключение и в соответствии с которой заказчик заключает договор о закупке с участником после проведения переговоров с одним или несколькими участниками (ч. 1 ст. 39) [2].

Размытость формулировки норм, по мнению экспертов, позволяет применять ее почти всегда. Официальная статистика показывает, что около половины затраченных на государственные закупки средств приходится на закупку по неконкурентной процедуре у одного участника (2011 (325,1) – 97,2; 2012 (428) – 215,2; 2013 (185) – 87,9; 2014 (113,7) – 53,2 млрд грн). Из указанного видно насколько увеличился объем затрат по неконкурентной процедуре закупки у одного участника после удаления нормы о необходимости её согласования. Таким образом, в Украине, по нашему мнению, развивается негативная ситуация относительно объемов применения при осуществлении государственных закупок неконкурентной переговорной процедуры закупки, что негативно влияет на экономику Украины ведь указанная процедура является одной из самых незащищенных от проявлений коррупции.

Указанная проблема имеет свое место не только в Украине, но и в других странах СНГ. Так, например, в 2011 г. в Российской Федерации, объем заказов, размещенных государственными ведомствами без конкурентной борьбы, превысил отметку в 3,4 трлн. рублей», т.е. более 41,4 % из 8,3 трлн. рублей, выделенных государством на реализацию закупок и выполнение подрядных работ, было потрачено на совершение непрозрачных и коррупциогенных сделок с одной единственной фирмой, участвовавшей в процедуре конкурсного отбора [7, с. 72].

Динамика. Динамика преступности в сфере государственных закупок показывает, что в последние годы уровень выявленных преступлений в сфере государственных закупок значительно вырос. Согласно статистических данных МВД Украины с 2007 по 2014 г. было выявлено более 8 300 преступлений в сфере государственных закупок, при этом, более половины таких преступлений выявлено в 2013–2014 гг. (более 5 000). Позитивную динамику можно объяснить тем, что деятельность по выявлению преступлений в сфере государственных закупок была отнесена руководством МВД к приоритетным направлениям деятельности подразделений Государственной службы по борьбе с экономической преступностью, а с 2014 г. показатели такой деятельности были включены в Перечень показателей и индикаторов для определения эффективности и законности служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Украины [3].

Анализ статистических данных МВД Украины показал, что подавляющее количество преступлений этого вида совершаются при проведении торгов связанных со строительством, а также при закупке медицинских препаратов и оборудования [15, с. 40].

В 2013 г. в Винницкой, Киевской, Полтавской, Ровенской, Тернопольской и Черкасской областях эффективность работы по обеспечению сопровождения расходов, которые осваиваются с помощью процедур государственных закупок, вдвое ниже, чем в среднем в государстве [4, с. 40]. В 2014 г. указанная динамика наблюдалась в Киевской, Полтавской и Черниговской областях.

Удельный вес выявленных преступлений в сфере государственных закупок среди общего количества выявленных преступлений в сфере экономики составляет около 10 %.

Личность преступника. Со стороны заказчиков торгов. Служебные и материально ответственные лица предприятий заказчика, которые проводят процедуры конкурсных торгов или осуществляют прием товаров, работ и услуг.

Данные преступления, как правило, совершаются членами комитетов по конкурсным торгам, лицами, которые осуществляют прием товаров (работ, услуг) или руководителями структурных подразделений предприятия заказчика, которые в совершенстве владеют знаниями по проведению процедур закупок

за государственные средства, кроме того, на некоторых крупных государственных предприятиях существуют внутренние приказы, регулирующие данные вопросы и, как правило, они полностью соответствуют требованиям Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок».

Со стороны участников конкурсных торгов и поставщиков это, как правило, служебные и материально ответственные лица предприятий поставщиков (участников торгов).

Данные преступления, как правило, совершаются руководителями предприятий поставщиков (участников торгов) или «доверенными» лицами. В основном эти лица имеют высшее образование и владеют специальными знаниями касательно предмета закупки (товаров, работ и услуг). Также указанные лица обладают определенными знаниями и навыками относительно способов сокрытия недостатков предмета закупки.

Приведем сводные данные анкетного изучения дел уголовного производства (уголовных дел) о преступлениях в сфере государственных закупок. Преступления данной категории на предприятиях железнодорожного транспорта совершаются в основном мужчинами (77 % преступников) в возрасте от 25 до 50 лет (71 % преступников), имеющие высшее образование (75 % преступников) [8]. Что касается общей характеристики таких преступников, среди лиц, совершающих преступления в сфере государственных закупок, 57 % составляют мужчины и 43 % женщины в возрасте 30–45 лет, 79,8 % которых имеют высшее образование [14]. Что касается лиц, занимающихся получением неправомерной выгоды, следует отметить, что лиц мужского пола среди взяточников в два раза больше, чем женского (62,7 % против 37,3 %) [10].

Причины и условия, способствующие совершению преступления. Предупреждение экономической преступности должно быть основано на своевременном выявлении и нейтрализации ее причин и условий и рассматриваться в качестве одного из важнейших направлений предупредительной работы как государственных (правоохранительных и контролирующих) органов, так и негосударственных структур безопасности [6, с. 72].

Причины и условия, способствующие совершению экономических преступлений, достаточно многочисленными, разно-

образными и обусловлены соответствующими изменениями в социально-экономической жизни общества [16, с. 60].

Проведенный анализ дел уголовного производства (уголовных дел), а также научных разработок по данной проблематике позволил нам сделать вывод, детерминантами, способствующими совершению преступлений в сфере государственных закупок, являются:

- высокий уровень коррупции среди распорядителей государственных средств;

- деформация морали распорядителей бюджетных средств как следствие процессов, происходящих в деятельности управленческого аппарата;

- неправильное применение положений законодательства или прямое его игнорирование, а также преднамеренное уклонение заказчиками от выполнения требований закона;

- отсутствие закрепленной на законодательном уровне нормы, регулирующей вопрос обязательного прохождения обучения членов комитета конкурсных торгов относительно организации и проведения конкурсных торгов;

- несовершенство законодательства, регулирующего вопросы закупок товаров, работ и услуг за государственные средства;

- отсутствие у членов комитета конкурсных торгов и лиц, осуществляющих прием товаров (работ, услуг) соответствующих знаний, связанных с их профессиональной деятельностью;

- отсутствие надежного механизма привлечения к ответственности за нарушение законодательства, регулирующего вопросы закупки товаров, работ и услуг за государственные средства;

- низкий уровень контроля со стороны контролирующих органов за законностью проведения конкурсных торгов;

- недостатки в организации и функционировании правоохранительных органов (кадровые просчеты, низкий уровень материального обеспечения, отсутствие четкого разграничения обязанностей по оперативному обслуживанию);

- отсутствие у работников правоохранительных органов определенных специфических знаний, которые присущи сфере государственных закупок;

– отсутствие четкого механизма взаимодействия между контролирующими органами.

– отсутствие объективных критериев оценки расходов на проведение государственных закупок;

– отсутствие реестра недобросовестных участников конкурсных торгов;

– отсутствие методологии определения потребностей заказчиков;

– отсутствие закрепленного на законодательном уровне нормирования государственных нужд (касается закупки предметов роскоши);

– отсутствие мотивации и системы стимулирования кадров;

– отчуждение большей части населения от власти, в частности, от управления имуществом.

Последствия. Из-за коррупционных схем в сфере государственных закупок, согласно исследованиям экспертов, экономика Украины теряет от 20 до 40 % денежных средств, выделенных на их осуществление. Исходя из затрат на осуществление государственных закупок сумма ущерба национальной экономике от коррупции в данной сфере за период с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2014 г. составляет от 243,1 до 486,3 млрд грн (общий объем государственных закупок по: 2010 – 172,1; 2011 – 325,1; 2012 – 428; 2013 – 185; 2014 – 113,7 млрд грн) [18]. Указанная сумма ущерба равна годовому бюджету страны, что негативно влияет не только на экономику страны, но и на экономическую и национальную безопасность в целом.

В некоторых случаях, уровень коррупции в сфере государственных закупок, а также политические решения, которые касаются вопросов организации таких закупок, имеют и общенациональные политические последствия международного уровня. Так, в конце февраля 2011 г. Европейский союз официально сообщил о приостановлении безвозмездной бюджетной помощи органам государственной власти в связи с внесением Верховным Советом Украины изменений в процедуру государственных закупок. Беспокорство было вызвано решением не проводить конкурсные торги при закупке энергетических товаров, а также услуг по во-

доснабженню и водоотводу. В связи с этим, было заморожено транш на 31 млн евро. При этом, в Брюсселе отметили, что на этом санкции в отношении Киева не закончатся [17].

Исходя из указанного, можно сделать вывод, что выработка эффективного механизма борьбы с коррупцией в сфере государственных закупок является не только перспективным направлением стабилизации экономики Украины, но и даст реальные предпосылки для её развития.

Бесспорно, изучения вышеупомянутых элементов криминологической характеристики преступлений в сфере государственных закупок не является самоцелью. Изучение указанных элементов являются краеугольным камнем в разработке мероприятий по предупреждению преступлений в исследуемых сфере.

Библиографический список

1. *Про засади державної антикорупційної політики в Україні (Антикорупційна стратегія) на 2014–2017 роки: Закон України від 14.10.2014 № 1699-VII // Відомості Верховної Ради. 2014. № 46. ст. 2047.*

2. *Про здійснення державних закупівель: Закон України від 10.04.2014 № 1197-VII // Відомості Верховної Ради. 2014. № 24. ст. 883.*

3. *Про внесення змін до Переліку показників та індикаторів для визначення ефективності та законності службової діяльності підрозділів органів внутрішніх справ України: наказ МВС України від 23.01.2014 № 50.*

4. *Аналіз роботи підрозділів ДСБЕЗ МВС України за 2013 рік / за заг. редакцією С.Г. Міщенко / [Міщенко С.Г., Сливенко В.Р., Лапко О.В., Василичук В.І., Панасенко Б.В.]. К.: ДП «Розвиток», 2014. 27 с.*

5. *Белкін Л.М. Актуальні проблеми удосконалення законодавства України про державні закупівлі в контексті зниження корупційної складової при їх здійсненні // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). 2012. № 1. С. 81–92.*

6. Буров В.Ю., Атанов Н.И., Андриянов В.Н., Судакова Т.М. Теневая экономика и коррупция как формы проявления экономической преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 65–74.

7. Глухов В.В., Жерновой М.В., Глухов Е.В. Криминологическая характеристика преступлений в сфере экономической деятельности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 4. С. 69–75.

8. Дараган В.В. Розкриття викрадань державних коштів при проведенні закупівель товарів та виконанні робіт (послуг) на підприємствах залізничного транспорту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Дніпропетровськ, 2012. 20 с.

9. Збірник методичних рекомендацій з викриття та документування злочинів у бюджетній сфері: [методичні рекомендації]: / Л.П. Скалозуб, В.І. Василичук, В.Р. Сливенко. К.: МВС України: 2009. 427 с.

10. Коряк В.В. Протидія хабарництву у сфері державних закупівель оперативними підрозділами МВС: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 2012. 19 с.

11. Криминологія. Особлива частина: Навчальний посібник для студентів юридичних спеціальностей вищих закладів освіти / І.М. Даньшин, В.В. Голіна, О.Г. Кальман; за редакцією І.М. Даньшина. Харків: Право, 1999. 232 с.

12. Ларичев В.Д. Преступность экономической направленности: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 160 с.

13. Плохов С.В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: криминологический анализ коррупции в областях здравоохранения и образования: монография / под ред.: Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с.

14. Сливенко В.Р. Оперативно-розшукова протидія злочинам у сфері державних закупівель: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 2012. 20 с.

15. *Сливенко В.Р.* Оперативно-розшукова протидія злочинам у сфері державних закупівель: дис. ... канд. юрид. наук. К., 2012. 274 с.

16. *Титаренко О.О.* Кримінологічна характеристика та протидія економічним злочинам у вугільній промисловості: Монографія. Дніпропетровськ: Дніпроп. держ. ун-т внутр. справ. 2008. 196 с.

17. *Госзакупки* дорого обходяться // URL: <http://www.kom-mersant.ua/doc.html? docId= 1590491.html> (дата обращения: 17.05.2015).

18. *Проведення* закупівель товарів, робіт і послуг за державні кошти в Україні // URL: http://ukrstat.org/uk/operativ/operativ2014/fin/zakup/zakup_u/zak314_u.htm (дата обращения: 17.05.2015).

УДК 343.2/.7
ББК 67.408.143.30

А.Л. Жуйков

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПОБЕГОВ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

В статье предпринята попытка определения комплекса детерминант таких преступлений как побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.

Ключевые слова: причины, условия, детерминанты, побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.

A.L. Zhuikov

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

THE CAUSES AND CONDITIONS OF SHOOTS FROM PRISON, FROM ARREST OR DETENTION

The article attempts to determine the complex determinants of such crimes, as an escape from prison, from arrest or detention.

Key words: causes, conditions, determinants, escapes from prison, from arrest or detention.

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи занимают одно из лидирующих мест в структуре пенитенциарной преступности. Как справедливо отмечает профессор А.И. Долгова, побег вытекает из самой природы наказания, предполагающего уклонение от него [2].

Вопрос о причинах и условиях преступности в криминологии является дискуссионным. Мы разделяем точку зрения профессора Н.Ф. Кузнецовой, которая в системе криминогенной детерминации различает причины, условия и корреляты [5, с. 11]. Причины преступности она определяет как явления (системы), порождающие, производящие другие явления (системы) – следствия. Двига-

ясь по криминогенной цепи от следствия (например, преступления) к его причинам, важно помнить, что причинная связь необратима, и в каждом её первичном звене непосредственна.

Вторым после причины видом детерминант являются условия, их связь с причиной и следствием называется обуславливанием. Условиями именуется многообразные факторы, которые способствуют, создают возможность возникновения и проявления причины, порождающей следствие. Их действие на следствие опосредовано причиной. Категория «условия» связана с категорией «возможность» и её количественным выражением «вероятностью». Условия не содержат тех потенциальных сил, которыми обладает причина для воспроизводства следствия. Но они обеспечивают появление и действие (проявление) причины. Без условий, без взаимодействия их с причиной последняя либо не появится, либо не будет действовать. При наличии одних только условий возможность появления следствия не превращается в действительность.

Третьим видом детерминант являются корреляты. Их связь со следствием – корреляция. Это многофакторная детерминация в массовидных системах, при которой изменения в одном ряду факторов в сторону возрастания или уменьшения вызывают соответствующие изменения в другом ряду факторов. Эта связь соответствия, более или менее полной синхронной взаимозависимости нескольких явлений друг от друга.

Так как причины, условия и корреляты преступности находятся в тесной взаимосвязи и образуют единую систему социально негативных явлений и процессов, детерминирующих преступность как своё следствие, в дальнейшем мы не будем их разделять. Преступность как самостоятельная система зависит, в первую очередь, от общества. Поэтому, во-первых, любой вид детерминант преступности будет неизбежно носить социальный характер. Во-вторых, в жизни общества традиционно выделяются четыре основные сферы: экономическая, социальная, политико-правовая и духовно-нравственная. Выделение этих четырёх сфер во многом определяет классификацию причин и условий преступности в целом, отдельных видов преступности и конкретных видов преступлений.

Мы согласны с В.С. Ишигеевым, который считает, что причинный комплекс, порождающий преступность в местах лишения свободы, прослеживается на взаимодействии трёх уровней. На уровне общего он вписывается в характер причин, генерирующих преступность в целом. На уровне видовой преступности он несёт в себе специфику, характерную именно для преступлений, совершаемых специфическими субъектами-осуждёнными, содержащимися в условиях изоляции от общества. На индивидуальном уровне в нём отражается антиобщественная направленность личности. Связь общих причин с причинами, непосредственно порождающими данную категорию преступлений, имеет сложный характер, поскольку причинная обусловленность пенитенциарной преступности имеет ряд особенностей, которые можно разделить на внутренние, связанные с самой сутью лишения свободы, и внешние детерминанты, находящиеся за пределами исправительного учреждения (ИУ) [3, с. 29].

К общим детерминантам относится, прежде всего, ухудшение социально-экономического положения в стране, проявляющееся:

- в отсутствии стабильности в экономике (80 % доходов государственного бюджета формируется за счёт распродажи сырьевых ресурсов страны и полностью зависит от мировых цен на нефть и газ);

- отсутствию взвешенной экономической политики государства;

- непомерно высокой инфляции;

- дисбалансе минимальной оплаты труда и прожиточного минимума;

- наличию огромного количества населения (свыше 20 %), находящегося за чертой нищеты;

- несложившейся социально-классовой структуре российского общества;

- отсутствию серьёзных социальных гарантий прав граждан.

К этому необходимо добавить детерминанты в политико-правовой и духовно-нравственной сферах общества.

Комплекс причин и условий пенитенциарной преступности можно разделить на следующие основные виды:

- 1) социально-экономические;
- 2) социально-психологические;
- 3) организационно-управленческие;
- 4) организационно-технические.

В структуре *социально-экономических факторов*, негативно воздействующих на состояние преступности в ИУ, следует выделить: сокращение выпуска промышленной продукции и занятости осуждённых; нарастание официальной и скрытой безработицы; сокращение поставок материальных ресурсов; сложности с питанием и размещением осуждённых, в том числе больных активной формой туберкулёза и т.п. Наиболее распространёнными социально-экономическими факторами являются: сокращение поставок материальных ресурсов и занятости осуждённых.

Отрицательные экономические тенденции оказывают непосредственное влияние на процесс исполнения наказания. И.И. Карпец утверждает, что действие социально-экономических факторов, как правило, носит опосредованный характер. Эти факторы не детерминируют непосредственно преступные проявления нарушения порядка исполнения наказания и процессуального принуждения, а воздействуют или преломляются через структуру личности преступника [4, с. 28–32].

Наибольшее значение из основных видов детерминант играют *социально-психологические факторы*. Пенитенциарная преступность имеет свою социальную среду, и взаимодействие этой среды и личности является основой механизма преступного поведения.

При исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы возникают противоречия, с одной стороны, между осуждёнными и администрацией учреждений, с другой – между самими осуждёнными. Если в первом случае отношения регулируются, прежде всего, нормами уголовно-исполнительного законодательства, то во втором – нормами идеологии уголовного мира (так называемых «воровских понятий»). Из этих двух видов наиболее криминогенными являются конфликты между осуждёнными. А.В. Усс к числу факторов объективного характера, способствующих возникновению конфликтов между осуждёнными, относит:

– принудительный способ создания социальной общности, реализация которого нарушает избирательность как неотъемлемое условие нормального общения и ограничивает возможность избежать нежелательных контактов;

– динамичность исправления, обуславливающую неизбежность пребывания в одном ИУ лиц, окончательно порвавших с преступным прошлым, и осуждённых, имеющих противоположные устремления;

– ограниченность материальных ресурсов, в связи с которой значимость предметов, обладающих в условиях свободного общежития минимальной ценностью, существенно возрастает, отношения по поводу их распределения обостряются;

– стихийную стратификацию, т.е. размежевание осуждённых на несколько категорий, участники которых различаются по таким признакам, как объём неформальной власти, характер отношений с другими осуждёнными, образ жизни в колонии [9, с. 10–11].

Как справедливо указывает профессор А.И. Долгова, к основным детерминантам совершения преступлений осуждёнными в условиях изоляции являются:

1) наличие у значительного количества осуждённых тех или иных невротических отклонений. Эти отклонения затрудняют осуждённому возможность в полной мере осознать значение своих действий, руководить ими и зачастую именно поэтому способствуют совершению преступлений. Например, А.Я. Марков и А.Н. Волобуев установили наличие психопатических отклонений у всех лиц, совершивших побег [8, с. 391];

2) осуждённые в большинстве случаев имеют невысокий образовательный уровень и, соответственно, примитивную структуру потребностей. Недостаточное же их интеллектуальное развитие, неспособность к абстрактному мышлению, установленные, например, в результате криминологических исследований у всех лиц, совершивших побег и убийства в ИУ, сказываются на преобладании у них эмотивных побуждений;

3) эмоциональная неустойчивость, несдержанность лица, ограниченное самоуправление в экстремальных условиях, преобладание возбуждения над торможением, эмоций над разумом

характерны для большинства осуждённых, совершающих преступления в ИУ;

4) конформность, зависимость от других осуждённых, обусловленная ограниченным кругом общения, невозможностью лица сменить по желанию эту среду в случае возникновения конфликтов и т.п., вызывает подсознательно естественное стремление вырваться из замкнутого круга и как следствие – проявление уклонения от отбывания наказания;

5) интровертированность осуждённых, склонность к самоанализу, необщительность, пессимизм, скрытность и другие свойства, которые способны при отсутствии длительной разрядки разрешиться в эмоциональном взрыве;

6) повышенная тревожность, выражающаяся в страхах, осторожности, стремлении к минимальности в контактах, в постоянном погружении в раздумья, вызывает, в конечном счёте, невротическое или психическое заболевание.

Все указанные детерминанты являются следствием одного и того же: влияния социальной среды на личность. По сути, речь идёт о системе моральных норм криминального мира как основе для формирования механизма преступного поведения. Мы разделяем точку зрения Ю.И. Блохина, который рассматривает тюремную субкультуру как «самостоятельную культуру определённой социальной микросреды» [1, с. 12]. Как справедливо отмечает А.Н. Олейник, «... тюрьма представляет собой общество внутри общества. Тюремное сообщество имеет свой язык, свою культуру, свои социальные категории, свои ценности и нормы. Лишение свободы и попадание в пенитенциарное учреждение обуславливают не только психологический стресс, но и глубокий социальный стресс» [6, с. 81–89].

Существуют две классификации осуждённых: официальная и неофициальная. Официальная даётся сотрудниками пенитенциарных учреждений, согласно ей осуждённые делятся на три основные группы:

- осуждённые положительной направленности;
- нейтральные;
- отрицательно характеризующиеся.

Эта классификация даётся на основе действующего уголовно-исполнительного законодательства, подзаконных нормативно-правовых актов Министерства юстиции РФ и основ воспитательной работы с осуждёнными. Неофициальная классификация в основе своей имеет морально-нравственную систему ценностей криминального уголовного мира.

Свой вариант официальной классификации осуждённых приводит Е.Н.Сапёлкина. Она всех лиц, совершивших преступление в ИУ, делит на три основные группы:

1. Криминально активные лица, устойчиво ориентированные на совершение преступлений. Для них характерны: активное противодействие требованиям режима отбывания наказания, ориентация на соблюдение неофициальных норм поведения, грубые нарушения режима отбывания наказания, стремление к лидерству, создание конфликтных ситуаций в среде осуждённых, негативное отношение к администрации ИУ и т.д. Особенностью этой группы является тотальность деформации всех уровней морально-этической сферы. Им присущи такие черты характера, как циничность, жестокость, хитрость, изворотливость, извращённость нравственных и правовых представлений. Преступления криминально активных лиц отличаются конкретными целями, продуманностью, определённой умысле. Для этого нередко принимаются меры по созданию соответствующих условий, устранению тех или иных препятствий. При совершении групповых преступлений эти лица выступают организаторами или активными соисполнителями. Криминально активные лица затрачивают на подготовку преступлений наибольший промежуток времени. Их действия конспиративны и содержательны. Они, как правило, стараются соразмерять, приспособлять способ совершения преступления к обстановке, которая складывается в ИУ на момент преступного деяния.

2. Неустойчивые преступники, не имеющие постоянной установки на совершение преступлений. Для них не свойственна связь между нарушениями режима отбывания наказания и совершением преступлений. Их преступное поведение отличается непоследовательностью. Нарушения режима отбывания наказания, как правило, носят необдуманый характер и являются бессистемны-

ми; их действия менее избирательны, характеризуются стихийностью и противоречивостью. Данную группу можно обозначить как «социально-приспособленческий тип деформации» исходя из того, что адекватная социально-психологическая линия поведения для этих лиц возможна лишь в диапазоне той социальной среды, которая соответствует их индивидуально-психологическим ресурсам и удовлетворяет их личностным потребностям. Специфика их личностных свойств сказывается на неустойчивости их положения в среде осуждённых. В отдельных случаях они могут декларативно поддерживать администрацию ИУ или, наоборот, лидеров с отрицательной направленностью. Такие осуждённые не имеют чёткой линии поведения в конфликтных ситуациях, поэтому оно поддаётся прогнозированию. При совершении преступлений для них не характерны организующие функции, как правило, они являются исполнителями. Большинство лиц анализируемой категории являются эмоционально неуравновешенными. Для них свойственны антисоциальные поведенческие привычки и вместе с тем склонность к сопереживанию.

3. Лица, случайно вовлечённые в преступления. Данная категория осуждённых является наиболее разнообразной по своим личностным качествам. Среди них выделяются лица с холерическим темпераментом и свойствами неврастенической личности, где преобладают мнительность, раздражительность, вспыльчивость, повышенная самооценка и не критическое отношение к себе. В их личностной структуре наблюдается дисгармоничность психических, психологических свойств и особенно эмоционально-волевой сферы. Для них свойственно неадекватное поведение, доминирующая роль в котором принадлежит неосознанным процессам. Тяжесть совершённых преступлений такими лицами явно не соответствует силе и значимости поводов. Последние выступают как конфликтные ситуации, возникающие в некоторых случаях по их вине или инициированные ими. Указанные преступления свидетельствуют об отсутствии у виновного в достаточной мере внутренних сил для того, чтобы противостоять отрицательной ситуации, не выйдя за пределы, установленные законом. Как правило, деяние совершается в результате внезапно возникшего сильного душевного волнения,

вызванного противоправными действиями потерпевшего, или превышением пределов необходимой обороны и в других ситуациях [7, с. 147–148].

Исследования Е.Н.Сапелкиной показывают, что среди лиц, совершивших побег, преобладают лица с устойчивой криминальной направленностью (47,6 %) [7, с. 149].

Не менее значимыми в комплексе причин и условий пенициарной преступности являются **детерминанты организационно-управленческого характера**.

Проведённый анализ позволяет определить следующие *основные причины и условия совершения побегов*.

1. Судами назначается наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении лицам, осуждённым за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, без учёта личности подсудимого и обстоятельств совершённого преступления. Для отбытия наказания в колонии-поселения судами направляются лица неоднократно судимые, а также лица со стойкой наркотической зависимостью или ранее находившиеся в розыске.

2. Предоставление права проживания за пределами колоний осуждённым осложняет оперативную обстановку в колониях-поселениях. Данная ситуация значительно затрудняет организацию надзора за ними. Проверки данной категории осуждённых по местам работы и жительства проводятся примерно 1 раз в месяц;

3. Недостатки в организации изучения личности осуждённых-поселенцев, прибывших в КП для отбывания наказания из зала суда. Мероприятия по профилактике их противоправных намерений не совсем соответствуют складывающейся оперативной обстановке. Руководители ИУ, ссылаясь на производственную необходимость, допускают трудоустройство недостаточно изученных осуждённых на отдельных объектах без обеспечения должного надзора.

4. Увеличению побегов из мест лишения свободы и уклонений от отбывания наказаний в виде лишения свободы способствует отсутствие оперативной информации о готовящихся преступлениях и намерениях осуждённых совершить побег.

5. В ряде территориальных органов ФСИН России существует практика искажения в предоставляемых отчётах сведений о совершённых побегах.

К причинам и условиям побегов также относятся:

- недобросовестное отношение администрации ИУ к выполнению служебных обязанностей;
- слабое владение оперативной обстановкой;
- отсутствие должного надзора за осуждёнными, пользующимися правом бесконвойного передвижения;
- ненадлежащее проведение обысковой работы и изъятие запрещённых предметов у осуждённых;
- недостаточная работа с лицами, склонными к совершению рассматриваемых преступлений;
- ослабление режима содержания;
- неудовлетворительное несение службы часовыми;
- недобросовестная ежечасная проверка осуждённых, «склонных к побегу» с рабочих мест и в жилой зоне;
- слабая проверка автотранспорта при въезде и выезде на охраняемые объекты;
- халатное отношение инженерно-технического персонала к выполнению своих обязанностей и др.

И последнюю группу специальных криминогенных детерминант образуют **факторы организационно-технического характера**, к которым можно отнести различного рода несовершенства ИТСО, таких как:

- использование устаревших охранных систем;
- недостаточная прочность оконных решёток;
- отсутствие должной противотаранной системы;
- длительное отключение охранной сигнализации при профилактических работах и др.

Указанные причины обусловлены сложным положением в материально-техническом и финансовом обеспечении учреждений УИС, а также незнанием младшими инспекторами службы безопасности и другими представителями администрации признаков, свидетельствующих о подготовке осуждённых к совершению преступлений, нарушающих порядок исполнения наказания и процессуального принуждения в виде изоляции от общества.

Материальная база УИС давно требует выполнения капитальных работ. Срок эксплуатации ряда сооружений истёк, а ремонтные мероприятия проводятся очень медленно, что даёт больше возможности совершения осуждёнными преступных нарушений. Проблема материального обеспечения касается не только отбывания, но и исполнения наказаний, то есть реализации всей уголовно-исполнительной функции в целом. Указанная проблема не может быть решена сиюминутно, однако над её разрешением необходима постоянная работа.

С учётом изложенного необходимо сделать выводы, отражающие особенности детерминации преступлений, нарушающих порядок исполнения наказания и процессуального принуждения в виде изоляции от общества.

1. В детерминационном комплексе, порождающем рассматриваемые преступления, можно выделить два уровня: общие (внешние) причины и условия – относящиеся к преступности в целом, и специальные (внутренние) – специфичные для функционирования учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. По содержанию специальные факторы могут быть разделены на подвиды: социально-психологические; социально-экономические; организационно-управленческие; организационно-технические. Материалы проведённого нами исследования свидетельствуют о доминирующей роли социально-психологических и организационно-управленческих факторов.

2. Психологическая классификация лиц, нарушающих порядок исполнения наказания и процессуального принуждения в виде изоляции от общества, включает в себя три категории преступников: 1) криминально активных лиц, устойчиво ориентированных на совершение преступлений; 2) неустойчивых преступников, не имеющих постоянной установки на совершение преступлений; 3) лиц, случайно вовлечённых в преступления. Именно для первой группы свойственно совершение побегов.

Библиографический список

1. *Блохин Ю.И.* Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осуждённых отрицательной

направленности в тюрьмах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999.

2. *Долгова А.И.* Криминология. М., 2001.

3. *Ишигеев В.С.* Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2004.

4. *Карпец И.И.* Криминология: Проблемы и перспективы // Социалистическая законность. 1985. № 10.

5. *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. М., 1984.

6. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура. М., 2001.

7. *Сапелкина Е.Н.* Преступления, связанные с нарушением порядка исполнения и процессуального принуждения в виде изоляции от общества: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.

8. *Старков О.В.* Криминопенология. М., 2004.

9. *Усс А.В.* Конфликты между осуждёнными, сопровождающиеся насильственными посягательствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1980.

УДК 34.3/.7+34.06
ББК 67.401.133

П.А. Корж

Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СТ. 203 УК РФ

В статье дается характеристика частной детективной и охранной деятельности. Предлагается анализ текста статьи с технико-юридической точки зрения. Дается характеристика состава преступления с позиции теории и судебной практики.

Ключевые слова: частная детективная и охранная деятельность, юридическая техника, статья 203 УК РФ.

P.A. Korzh

West-Ural Institute of Economics and Law, Perm

LAW ENFORCEMENT AND TECHNICAL LEGAL MATTERS ART. 203 THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA

The article describes the private detective and security activities. It is proposed to analyze the text of a technical legal technical point of view. The characteristic of a crime from the perspective of the theory and jurisprudence.

Key words: private detective and security activities, legal technique, article 203 of the Criminal Code of Russia.

Напомним, ст. 203 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за превышение полномочий частным охранником или детективом. Поэтому считаем возможным коснуться, для начала, правовых аспектов данного вида деятельности, которая регулируется, в первую очередь, Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности» 1992 г. [3]

Частным детективом является гражданин Российской Федерации, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя и получивший лицензию, выдаваемую орга-

нами внутренних дел. Полномочиями частного детектива являются: сбор сведений по уголовным и гражданским делам, изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров, поиск без вести пропавших и т.д.

Частным охранником является гражданин Российской Федерации, прошедший соответствующую подготовку, сдавший квалификационный экзамен, получивший удостоверение частного охранника и работающий в охранной организации по трудовому договору. Частный охранник вправе заниматься следующими видами деятельности: защита жизни и здоровья граждан, охрана объектов и имущества, консультирование, обеспечение порядка в местах проведения массовых мероприятий и пр.

Частные охранники при осуществлении своих полномочий вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. При этом, частный охранник должен предупредить о намерении использовать оружие, стремиться, чтобы причиненный вред был минимальным, обеспечить пострадавшим первую помощь и немедленно уведомить прокурора о всех случаях причинения телесных повреждений либо смерти.

Частный охранник вправе применять физическую силу в случае, если закон разрешает применять специальные средства или огнестрельное оружие. Специальные средства разрешается применять для отражения нападения, угрожающего жизни и здоровью частного охранника или охраняемых граждан, а также для пресечения преступления в отношении охраняемого имущества. Огнестрельное оружие разрешается применять для отражения нападения, непосредственно угрожающего жизни охранника, при отражении группового или вооруженного нападения на охраняемое имущество, а также для подачи сигнала тревоги и вызова помощи.

Таким образом, нами определен правовой статус частного детектива и охранника, что позволяет перейти к анализу состава деяния. Для начала, кажется необходимым дать диспозицию состава ч. 1 ст. 203 УК РФ.

«Совершение частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, действий, выходящих за пределы полномочий, установлен-

ных законодательством Российской Федерации, регламентирующим осуществление частной охранной и детективной деятельности, и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства» [2].

Субъектом преступления является специальный субъект – частный детектив или работник частной охранной организации, имеющий соответствующее удостоверение. Здесь нам видится некоторая технико-юридическая неточность. Поскольку состав является отсылочным к законодательству о частной детективной и охранной деятельности, понятие частного охранника по которому определено достаточно точно (наличие удостоверения и являющийся работником), то упоминать эти подробности в диспозиции состава кажется ненужным. Вполне хватило бы указания на субъект *«Совершение частным детективом или частным охранником...»*, поскольку лица, не являющиеся сотрудниками охранных организаций и не имеющие удостоверения, частными охранниками не являются.

Само по себе осуществление охранной деятельности лицом, не являющимся частным охранником, содержит состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.16 КоАП РФ *«Незаконное осуществление частной охранной деятельности»*. При этом, законодатель ввел для этих видов деятельности специальный состав, отличный от общего, предусмотренного ст. 14.1 КоАП. Очевидно в связи с тем, что для частного охранника необходима не лицензия, как было ранее, а получение удостоверения. Кроме этого дифференциация осуществляется и по объекту. Для состава предусмотренного ст. 14.1 КоАП РФ [1] это общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, а для ст. 20.16 КоАП РФ – общественный порядок и общественная безопасность.

Соответственно, совершение лицом, незаконно осуществляющим частную охранную деятельность, деяния, предусмотренного ст. 203 УК РФ деяния, ответственности по данному составу не влечет. Такое лицо привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях. А заодно и к ответственности

административной. То же верно и для незаконного осуществления частной детективной деятельности.

Учитывая, что частным детективом или охранником может стать гражданин РФ, достигший возраста 18 лет, субъектом преступления по факту также является лицо, достигшее 18-летнего возраста.

С точки зрения **субъективной стороны**, преступление совершается с умышленной формой вины. Несмотря на то, что состав является материальным, на практике вопросы мотива и цели преступления не ставятся, поскольку они не влияют на квалификацию, в отличие, например, от ст. 105 УК РФ. Мотивами могут быть как типовые (хулиганский или корыстный) так и, например, ложное понимание интересов службы, что позволяет предположить форму вины как в виде прямого, так и в виде косвенного умысла.

Объектом преступления выступают общественные отношения в сфере нормальной частной детективной или охранной деятельности.

Объективная сторона преступления выражается, прежде всего в действии. Бездействие состава ст. 203 УК РФ не образует, но может квалифицироваться по другим составам уголовного законодательства. Эти действия должны выходить за пределы законных полномочий частного детектива или охранника, рассмотренных выше. Также эти действия должны существенно нарушать права граждан, организаций, или охраняемые законом интересы общества и государства.

Здесь, на наш взгляд, кроется еще один технико-юридический недочет рассматриваемой норы. В данном случае, закон дает неопределенное толкование нарушаемых интересов: какие из них являются существенными, а какие несущественными непонятно. Как правило, при описательно-мотивировочной части приговора суд указывает, что было нарушено право потерпевшего на личную свободу и неприкосновенность, защищаемую как Конституцией РФ, так и международным законодательством о защите прав и свобод человека, например: *«Своими действиями Амельченко В.Н. существенно нарушил предусмотренные статьями 21,22 Конституции Российской Федерации права Г. на охрану досто-*

инства личности, неподверженность насилию и личную неприкосновенность» [6]. Очевидно, целесообразнее с точки зрения правовой определенности уголовного закона давать более однозначные характеристики преступному поведению.

Также, судебная практика квалифицирует причинение вреда, не повлекшего расстройства здоровья или повлекшего вред здоровью легкой степени тяжести, по ч. 1 ст. 203 УК РФ [5].

Квалифицированный состав дается в ч. 2 ст. 203 УК РФ: «То же деяние, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием оружия или специальных средств и повлекшее тяжкие последствия».

Насилие определяется как противоправное умышленное воздействие на человека. Насилие может быть физическим (применение силы) или психическим (угроза применения силы) [8, с. 8]. Учитывая данный подход, правильнее было бы указать именно «...совершенное с применением насилия либо...», поскольку угроза применения насилия сама по себе является насилием в психической форме.

Такой же технико-юридический вопрос возникает с применением оружия или спецсредств. Применение последнего само по себе является насилием, в т.ч. и, например, демонстрация оружия как психическое насилие (угроза применения). Таким образом, формулировка «То же деяние, совершенное с применением насилия и повлекшее тяжкие последствия» будет включать в себя и угрозу (психическое насилие), и применение оружия спецсредств и физической силы, но исключает излишнюю детализацию и тавтологию.

Отдельный вопрос касается крайне неопределенного термина «тяжкие последствия». Уголовный закон не дает понимания данной дефиниции, хотя и неоднократно использует ее в тексте. Так, в тексте п. б) ч. 3 ст. 131 УК РФ, предусматривающего ответственность за изнасилование, повлекшее по неосторожности тяжкий вред здоровью потерпевшей, заражение ее ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия, данный термин используется для определения характера последствий. (Что интересно, умышленное причинение таких последствий предусмотрено ч. 2 ст. 131 УК РФ и влечет значительно более мягкое наказание.) В случае

же ч. 2 ст. 203 УК РФ термин «тяжкие последствия» полностью неопределен. Данные последствия должен определить суд, исходя из собственного понимания их смысла в общем контексте данной статьи и данной главы [7, с. 32].

Судебная практика связывает тяжкие последствия с причинением вреда повлекшего средней тяжести вред здоровью потерпевшего. В этом случае, деяние квалифицируется только по ч. 2 ст. 203 УК РФ и дополнительной квалификации не требует. При причинении тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, деяние квалифицируется по ч. 2 ст. 203 и соответствующей части ст. 111 УК РФ [1].

Также необходимо отметить, что диспозиция ч. 2 ст. 203 УК РФ предусматривает только насилие, повлекшее тяжкие последствия. Психическое насилие (угроза применения насилия) не повлекшее тяжкие последствия не подлежит квалификации по ч. 2 ст. 203 УК РФ, в отличие от, например, ст. 162 УК РФ, предусматривающую ответственность за нападение с целью хищения (разбой), совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья либо с угрозой его применения.

В заключении можно отметить, что технико-юридическое составление текста ст. 203 УК РФ недостаточно проработано. Это в определенной мере компенсируется относительно сложившейся судебной практикой, но не исключает необходимости последующего технико-юридического оформления уголовного закона в этой части.

Библиографический список

1. *Кодекс* РФ об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 декабря. (по сост. на 30.06.2015).

2. *Уголовный кодекс* РФ: Федер. закон Рос. Федерации от 13.06.1996. № 93-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 22. 1996. 17 июня. Ст. 2954. (по сост. на 30.06.2015)

3. «*О частной детективной и охранной деятельности*»: Закон Рос. Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 // Рос. газ. № 100. 1992. 30 апреля. (по сост. на 30.06.2015)

4. *Апелляционное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 14.01.2014 г. по делу № 22-124/2014 [Электронный ресурс]. URL: [http:// docs.pravo.ru/kodeks-ugolovniy/79028393? line_id=1036](http://docs.pravo.ru/kodeks-ugolovniy/79028393?line_id=1036) (дата обращения: 30.06.2015).

5. *Апелляционное* определение Новочебоксарского городского суда Республики Чувашия от 20.03.2015 г. по делу № 10-21/2014 [Электронный ресурс]. URL: [http://docs.pravo.ru/kodeks-ugolovniy/79028393? line_id=1036](http://docs.pravo.ru/kodeks-ugolovniy/79028393?line_id=1036) (дата обращения: 30.06.2015).

6. *Приговор* Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила от 13.01.2015 г. по делу № 1-35/2015 [Электронный ресурс]. URL: [http://docs.pravo.ru/kodeks-ugolovniy/ 79028393? line_id=1036](http://docs.pravo.ru/kodeks-ugolovniy/79028393?line_id=1036) (дата обращения: 30.06.2015).

7. *Савельева В.С.* Основы квалификации преступлений. М: Проспект, 2011. 80 с.

8. *Шумихин В.Г., Буркина О.А., Котельникова Е.А.* Квалификация насильственных посягательств на жизнь, здоровье и свободы человека. Изд. 3-е, перераб. и доп. Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т., 2013. 195 с.

УДК 343.17
ББК 67.411

Д.Н. Маринкин
Пермский филиал РАНХиГС,
НИУ ВШЭ в Перми

ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

На основе проведенного исследования законодательных норм и практики работы судов по уголовным делам в особом порядке, в статье даются предложения по совершенствованию данных институтов уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: особый порядок уголовного судопроизводства, обвиняемый, суд, сделка с правосудием

D.N. Marinkin
Perm branch of a RANERA,
NIU HSE in Perm

IMPORTANT QUESTIONS OF THE SPECIAL ORDER OF JUDICIAL PROCEEDINGS ON CRIMINAL CASES

On the basis of the conducted research of legislative norms and practice of a work of the courts on criminal cases in a special order, in article suggestions for improvement of data of institutes of criminal legal proceedings are given.

Key words: the special order of criminal legal proceedings accused court, the transaction with justice

В настоящее время в России более 50 % дел рассматриваются в особом порядке. Введение данного института в Российской Федерации основывается на зарубежном опыте «сделок о признании вины». По такой сокращенной форме судопроизводства в Соединенных Штатах Америки, странах Западной Европы рассматривается более 90 % уголовных дел.

В особом порядке, обвиняемый согласен с предъявленным обвинением, проведение судебного заседания в сокращенной форме является, несомненно, оправданным, поскольку тем самым достигается процессуальная экономия, позволяющая сэкономить время, силы и средства участников уголовного судопроизводства [9]. Нет необходимости вызывать всех свидетелей, экспертов, специалистов, понятых.

Актуальность вопросов обусловлена новизной института особого порядка при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и вызывает противоречия у правоведов [3, 5].

В частности, И.Л. Петрухин высказал точку зрения относительно того, что «сделки о признании вины» чужды для российского менталитета. Сделка в уголовном правосудии – явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о её бессилии, неспособности установить истину по уголовному делу. Сделки о признании вины могут способствовать распространению коррупции. Законодатель не допускает торга стороны обвинения и стороны защиты по поводу обвинения. Квалификация преступления должна отвечать реальным обстоятельствам дела, с достаточной полнотой обоснована доказательствами, собранными по уголовному делу, а не являться результатом договорённости защиты и обвинения [7].

На основании проведенного нами исследования особенностей особого порядка судебного разбирательства по российскому уголовно-процессуальному законодательству [2] сделаны ряд теоретических и практических выводов.

Итак, рассмотрение дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением возможно при следующих условиях: обвиняемый должен согласиться с предъявленным ему обвинением; он также должен ходатайствовать о постановлении по его делу приговора без проведения судебного разбирательства; ему должно быть предъявлено обвинение в преступлении, наказание за которое не превышает 10 лет лишения свободы; государственный или частный обвинитель и потерпевший должны согласиться с удовлетворением хода-

тайства обвиняемого; обвиняемый должен осознавать характер и последствия заявленного ходатайства; ходатайство должно быть заявлено им добровольно и после проведения консультаций с защитником.

Кроме того, исследование и оценка доказательств, собранных по уголовному делу, не проводятся [8]. Однако возможно исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, и обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание.

Следует отметить и то, что в итоге особого разбирательства судья назначает наказание, которое не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Таким образом, введение института особого порядка судебного разбирательства является одним из признаков демократии. Всё-таки человеку, сошедшему с пути правомерного поведения, необходимо дать возможность исправиться. А согласие с обвинением, признание вины обвиняемым (подсудимым) является шагом раскаяния перед обществом.

Следует помнить, что согласно закону в действующей редакции [4], обвиняемый может подать ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает 10 лет лишения свободы. Инициаторы законопроекта предлагают «базу» расширить – применять особый порядок к тем, кому грозит срок до 15 лет [10].

Следовательно, с одной стороны, это нецелесообразно, так как человек, совершивший умышленное убийство, будет осужден не по всей строгости закона, а получит только 2/3 от максимального размера наказания. Скажем, семья жестоко убитого кормильца вряд ли порадуется существенному сокращению кары убийце. В особом порядке можно будет рассматривать и дела об особо тяжких преступлениях. Признание может стать «царицей доказательств».

Значит нельзя упрощать судебную процедуру, низводя ее до признания вины как очевидного доказательства [6]. А с другой стороны, это сократит расходы на рассмотрение дел в судах общей юрисдикции, так как именно они рассматривают дела данной категории.

В связи с чем, предлагаем внести в УПК РФ необходимые изменения.

Во-первых, при отсутствии потерпевшего судья удостоверяется в надлежащем уведомлении его о времени и месте судебного заседания. Во-вторых, при нарушении требований судебного заседания откладывается. В-третьих, при соблюдении требований потерпевшему направляется уведомление с просьбой в установленный судом срок изложить свою позицию по вопросу рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства. В-четвертых, отсутствие в установленный срок возражений от потерпевшего или выраженное потерпевшим согласие влекут рассмотрение дела в особом порядке судебного разбирательства. То есть, с учетом принципа процессуальной экономии, такой вариант наиболее приемлем.

И у секретаря не будет необходимости постоянно обзванивать потерпевших [1], в случае их неявки, и выяснять мнение по согласию на особый порядок.

Также предлагаем изменить формулировку п. 1 ст. 314 УПК РФ: «Обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о признании своей вины и о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает 10 лет лишения свободы».

Заметим, что гл. 40 УПК РФ следовало бы назвать «Особый порядок принятия судебного решения при признании обвиняемым своей вины и согласии с предъявленным ему обвинением».

В завершение исследования отмечаем о необходимости добавить в ст. 315 УПК РФ п. 2 «Порядок заявления ходатайства»:

«Обвиняемый вправе заявить ходатайство:

1) в момент ознакомления с материалами уголовного дела, о чем делается соответствующая запись в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 218 настоящего Кодекса;

2) на предварительном слушании, когда оно является обязательным в соответствии со ст. 229 настоящего Кодекса.

3) в подготовительной части судебного разбирательства.

Заявление ходатайства в начале разбирательства не нарушает прав участников и не препятствует достижению задач (назначению) уголовного судопроизводства».

Таким образом, указанные предложения на наш взгляд позволяют существующий институт особого судебного разбирательства сделать более демократичным и реализовывать принципы судопроизводства эффективнее.

Библиографический список

1. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Российская газета. 2010. № 3. Ст. 11.

2. *Отчеты* о работе судов общей юрисдикции и мировых судей с 2011–2014 гг. URL: <http://www.cdep.ru>. (дата обращения: 15.03.2015 г.).

3. *Купрейченко А.Б.* К вопросу о проблемах законодательного регулирования и практики особого порядка судебного разбирательства: сб. науч. ст. Краснодар, 2014.

4. *Лазарева В.А., Кувалдина Ю.В.* К вопросу об основаниях и условиях применения главы 40 УПК РФ // Мировой судья. 2012. № 4. С. 1.

5. *Мурашкин И.Ю.* Противоречия апелляционного оспаривания судебных решений по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства: учеб. пособие. Н. Новгород, 2013. С. 133.

6. *Неретин Н.Н.* Спорные моменты, возникающие при рассмотрении уголовного дела в особом порядке принятия судебного решения // *Российский судья*. 2013. № 12. С. 30–32.

7. *Петрухин И.Л.* Сделка о признании вины чужда российскому менталитету // *Российская юстиция*. 2001. № 5. С. 35–36.

8. *Поздняков М.К.* Что особый порядок, что не особый // *ЭЖ-Юрист*. 2012. № 25.

9. *Степаненко Д.А., Днепровская М.А.* Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: учебник. И., 2011.

10. *Ямшанов Б.* С судом договоримся // *Российская газета*. 2013. № 178.

УДК 345.575

ББК 67.52

В.В. Семенчук, И.В. Филиппова

Дальневосточный юридический институт МВД России,
Хабаровск

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШАЕМОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков с использованием сети Интернет. Проведенный анализ позволил выявить ряд проблем правового характера, решение которых позволит повысить эффективность деятельности правоохранительных органов в данном направлении.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, сеть Интернет, электронные денежные средства.

V.V. Semenchuk, I.V. Filippova

Far Eastern Law Institute of the Russian Interior, Khabarovsk

THE PROBLEMS OF COMBATING DRUG TRAFFICKING COMMITTED THROUGH THE USE OF THE INTERNET

The article focuses on the problems of combating drug trafficking via the Internet. In the course of the analysis revealed a number of problems in the Russian legislation. The resolution of these problems will enhance the effectiveness of law enforcement in this area.

Key words: drug trafficking, the Internet, electronic cash.

С начала 90-х гг. прошлого века и по настоящее время отмечается рост числа лиц, употребляющих наркотические средства, и увеличение объемов незаконного оборота наркотических средств. В 2014 г. выявлено 253,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а за первый квартал 2015 г. уже 66,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом

наркотиков, что на 4,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [9].

Помимо количественного роста незаконного оборота наркотических средств, отмечается качественное усложнение данной деятельности, в том числе использование современных средств коммуникации.

Возможности сети Интернет значительно упростили реализацию наркотических средств. Анализ различных сайтов, форумов, объявлений располагаемых в сети Интернет, показал, что заказать наркотическое средство можно практически не выходя из дома. Незаконной реализацией наркотиков занимаются обширные законспирированные организованные преступные группы, со строгой иерархией, где каждый занимается своими обязанностями (организаторы, изготовители, распространители, сбытчики, перевозчики и др.). В тоже время такие преступления имеют весьма низкую раскрываемость.

Используя социальные сети (к примеру, «ДругВокруг», «Вконтакте», «ISQ», «WhatsApp»), изначально предназначенные для знакомств, обмена сообщениями, преступники практически открыто размещают объявления о реализации наркотических средств. Схема реализации наркотических средств с использованием сети Интернет довольно проста и включает следующие этапы:

1. Преступниками размещаются анонимные объявления о продаже наркотических средств. При этом могут быть использованы страницы в социальных сетях, зарегистрированные на вымышленных лиц.

2. Потенциальный покупатель, путем отправки сообщения, либо по иным каналам связи, указанным в объявлении, связывается со сбытчиком и договаривается о покупке и оплате наркотических средств.

3. Покупатель получает номер электронного кошелька одного из операторов электронных денежных средств (либо номер банковской карты), на который необходимо осуществить оплату за сбываемый наркотик.

Как правило, для расчетов используются электронные денежные средства (далее – ЭДС), под которыми в соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О на-

циональной платежной системе» [3] понимаются денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

По состоянию на 30.03.2015 г. в России действует 98 операторов ЭДС [8]. Наиболее популярными системами ЭДС в России являются Visa QIWI Wallet (ЗАО «КИВИ Банк»), WebMoney, ООО НКО «Яндекс.Деньги», ООО НКО «Рапида», RBK Money (ООО «НКО «ЭПС»), ООО НКО «МОНЕТА.РУ», ООО НКО «Деньги.Мэйл.Ру», Wallet One (ООО НКО «Единая касса»), ООО НКО «ПэйПал РУ», ООО НКО «ПэйЮ».

Большинство операторов ЭДС предоставляют возможность создания электронного кошелька, для регистрации которого, как правило, достаточно указания номера сотового телефона. Для подтверждения регистрации используется пароль, направленный оператором ЭДС в виде СМС на указанный номер.

После регистрации электронного кошелька клиент получает возможность его пополнения, в том числе путем перечислений от третьих лиц.

4. После получения подтверждения об оплате, сбытчик по используемым каналам связи сообщает покупателю адрес и точное место «закладки» (тайника, где спрятано наркотическое средство). Далее покупатель просто забирает сверток с наркотиком.

Приведенная трансформация незаконного оборота наркотических средств требует адекватных мер государственного противодействия. В связи с тем, что данная деятельность носит анонимный характер ее выявление невозможно без использования ресурсов оперативно-розыскной деятельности.

Между тем, использование типовых алгоритмов, используемых при выявлении «традиционных» способов незаконного оборота наркотических средств в данном случае является за-

труднительным. К примеру, проведение ОРМ «проверочная закупка» скорее позволит убедиться в том, что имеет место незаконный оборот наркотиков и определить вид наркотического средства, а не выявить лиц их сбывающих.

В этой связи особую актуальность приобретает установление лиц, осуществляющих незаконный сбыт наркотических средств, что в связи с анонимностью противоправной деятельности вызывает определенные сложности. Так, покупатели наркотических средств, как правило, не располагают информацией о сбытчике и в основном могут предоставить информацию о способах связи со сбытчиком. Особую роль в данном случае будет играть получение информации о ресурсах сети Интернет (сайт, либо аккаунт в социальной сети), используемых в противоправной деятельности.

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] на организаторов распространения информации в сети Интернет возложена обязанность хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и информацию об этих пользователях в течение шести месяцев с момента окончания осуществления таких действий, а также предоставлять указанную информацию уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами.

Постановлением Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 [4], вышеуказанная норма детализирована и предусмотрен состав информации подлежащей хранению. В состав сохраняемой информации, в том числе входят: сведения о пользователе, в том числе идентификатор пользователя в коммуникационном интернет-сервисе; сведения регистрационных данных; сведения о фактах авторизации; информация о точном времени приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений.

Сведения могут быть получены у организаторов распространения информации в сети Интернет по запросу органа,

осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном анализируемым нормативным правовым актом.

Дальнейшая идентификация лиц, совершающих противоправную деятельность, осуществляется путем проведения ряда ОРМ, являющихся преимущественно негласными. В связи с открытым характером данной работы раскрыть их содержание не представляется возможным.

Между тем, ряд негативных тенденций, в том числе частая смена средств связи, а также использование общественных средств связи (в первую очередь публичный WIFI) без авторизации, не всегда позволяют установить злоумышленников.

В этой связи становится актуальным установление способов использования денежных средств, добытых преступным путем. Как было отмечено ранее, для этих целей злоумышленниками, как правило, используются ЭДС.

Регистрация электронного кошелька может носить анонимный характер. При регистрации электронного кошелька оператор ЭДС будет располагать сведениями о номере телефона, а также о части технических данных получаемых при регистрации и дальнейшего обслуживания пользователя (в первую очередь, IP адрес, использованный при регистрации).

Как следствие, возникает ряд вопросов по получению данных сведений правоохранительными органами. Так, в соответствии со ст. 26 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и ст. 26 Федерального закона от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [2] сведения о переводах ЭДС относятся к банковской тайне.

В рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности при наличии судебного разрешения уполномоченным органом могут быть получены справки по операциям, счетам и вкладам физических лиц. Как отмечено в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности» данные положения распространяются на сведения об остатках ЭДС клиентов кредитных организаций и сведения о переводах ЭДС кредитными организациями по распоряжению их клиентов.

В то же время остается неурегулированным вопрос о возможности получения технической данных, фиксируемых оператором ЭДС, при осуществлении взаимодействия с клиентом (в том числе об IP адресах используемых для связи).

Для идентификации клиента, осуществлявшего распоряжение электронным кошельком, сотрудники правоохранительных органов необходимо получить сведения, полученных оператором при регистрации и о каналах доступа к электронному кошельку (IP адресах клиента).

На практике, операторы ЭДС предоставляют данные сведения по запросам уполномоченных органов, осуществляющих ОРД. Между тем, это не является их обязанностей, а скорее актом доброй воли.

Таким образом, является целесообразным внесения дополнений в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», направленного на формирование возможности получения компетентными органами информации, необходимой для осуществления идентификации владельца ЭДС.

С целью обнаружения лиц, осуществляющих противоправную деятельность, также необходимо осуществить анализ расходных операций по конкретному электронному кошельку.

При наличии средств на электронном кошельке клиент имеет право осуществить комплекс расходных операций, определяемых функциональными возможностями системы ЭДС. В случае необходимости, клиент системы ЭДС может осуществить вывод средств, находящихся на электронном кошельке. Например, в системе Visa QIWI Wallet клиент может перевести средства на банковский счет, либо банковскую карту, вывести средства через системы денежных переводов (к примеру, WESTERN UNION, UNISTREAM, CONTACT), либо снять их через банкомат, если к электронному кошельку привязана банковская карта.

В случае, если электронный кошелек используется в противоправной деятельности, преступники, как правило, осуществляют обналичивание незаконно добытых денежных средств. Для обналичивания преступниками может быть осуществлен перевод на банковскую карту и последующее снятие денежных средств в банкомате.

Действующее законодательство, несмотря на ряд ограничений, позволяет осуществлять анонимные операции по переводу ЭДС¹.

В случае перевода денежных средств на банковскую карту и последующего их снятия наличными у правоохранительных органов возникает необходимость получения сведений о снятии денежных средств с целью идентификации предполагаемого преступника.

При переводе средств на банковскую карту, выпущенную отечественным банком, получение данной информации, как правило, не вызывает сложностей.

Между тем, современные системы ЭДС позволяют осуществлять переводы денежных за рубеж путем:

1. Перевода средств на банковские карты иностранных банков. В настоящее время в сети Интернет распространены предложения по удаленному заказу (online) банковских карт (в том числе анонимно), денежные средства с которых можно снимать в любых банкоматах, поддерживающих соответствующие платежные системы (к примеру, Mastercard, Visa, Maestro и прочие).

2. Перевода денежных средств через другие платежные системы с последующим снятием за рубежом. Например, система UNISTREAM позволяет перевести с электронных кошельков и получить денежные средства в ряде стран СНГ и дальнего зарубежья. Для осуществления перевода клиенту ЭДС необходимо указать лишь страну назначения и ФИО получателя средств.

При переводе средств на банковскую карту, выпущенную иностранным банком, информацией о лице, получившем денежные средства (в том числе времени, месте снятия и пр.) будет располагать иностранный банк, выпустивший банковскую карту.

¹ Примечание. В соответствии со ст. 10 Федерального закона «О национальной платежной системе» в случае непроведения оператором ЭДС идентификации клиента – физического лица использование электронного средства платежа осуществляется клиентом – физическим лицом при условии, что остаток электронных денежных средств в любой момент не превышает 15 тыс. руб., а общая сумма переводимых электронных денежных средств с использованием одного неперсонифицированного электронного средства платежа не превышает 40 тыс. руб. в течение календарного месяца.

В соответствии с Инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола [5] сведения, составляющие банковскую тайну, в том числе об открытии физическими и юридическими лицами счетов в банках и о движении денежных средств по ним, могут быть получены от правоохранительных органов иностранных государств – членов Интерпола только после рассмотрения соответствующим органом юстиции, прокуратуры или судом иностранного государства официального обращения (международного следственного поручения по уголовному делу) Генеральной прокуратуры Российской Федерации, копия которого может быть передана по каналам Интерпола.

Данное положение затрудняет получение искомой информации в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности в отсутствие возбужденного уголовного дела.

В целом возможности системы ЭДС в определенной степени являются условиями совершения преступления. С другой стороны ЭДС являются производной развития научно-технического прогресса и рыночной экономики, в связи с чем чрезмерные запретительные меры являются недопустимыми.

Между тем, с целью устранения условий совершения преступлений необходимо осуществить разработку эффективной системы идентификации клиентов при открытии электронных кошельков и использовании ЭДС.

По нашему мнению открытие электронных кошельков должно осуществляться в порядке аналогичном открытию счетов физических и юридических лиц. В настоящее время требования к открытию и использованию электронных кошельков гораздо мягче требований, предъявляемых к лицам, открывающим счета в кредитных организациях, что является недопустимым. В связи с этим назревает необходимость нормативного урегулирования данной сферы деятельности аналогично действующим требованиям Центрального банка Российской Федерации к открытию счетов и идентификации клиентов [6, 7].

В целом появление новых способов незаконного оборота наркотических средств является вызовом правоохранительным органам. Данная угроза носит комплексный характер, что требу-

ет принятия комплекса мер, в том числе по ликвидации условий совершения преступлений. Отставание правоохранительных органов в решении данных задач может способствовать распространению наркомании и возникновению ряда других социально неблагоприятных последствий.

Библиографический список

1. *Федеральный закон* от 02 декабря 1990 г. N 395-1 «О банках и банковской деятельности» // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 6. Ст. 492.

2. *Федеральный закон* от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

3. *Федеральный закон* от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 27. Ст. 3872.

4. *Постановление* Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 759 «О Правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информации об этих пользователях, предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 32. Ст. 4526.

5. *Приказ* МВД РФ N 786, Минюста РФ N 310, ФСБ РФ N 470, ФСО РФ N 454, ФСКН РФ N 333, ФТС РФ 971 от 06 октября 2006 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 2006. № 47.

6. *Инструкция* Банка России от 30 мая 2014 г. № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкла-

дам (депозитам), депозитных счетов» // Вестник Банка России. 2014. № 60.

7. *Положение* об идентификации кредитными организациями клиентов и выгодоприобретателей в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Банком России 19.08.2004 N 262-П) // Вестник Банка России. 2004. № 54.

8. *Перечень* кредитных организаций, уведомивших Банк России о начале деятельности по осуществлению перевода электронных денежных средств (ЭДС) по состоянию на 30.03.2015 года // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/PSystem/? PrtId=oper_zip. (дата обращения: 21.04.2015).

9. *Состояние* преступности // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/folder/101762> (дата обращения: 20.04.2015).

Д.В. Шмыков

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет

ПОРНОГРАФИЯ, ЭРОТИКА, НРАВСТВЕННОСТЬ

Рассматривается содержание понятий «порнография» и «эротика». Приводятся позиции различных авторов к понятию «непристойность», «порнография», «эротика». Указываются критерии разграничений порнографии и эротики. Под порнографией понимается противоречащее принципам общественной нравственности, вульгарно-натуралистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека.

Ключевые слова: порнография, эротика, нравственность, непристойность.

Shmykov Dmitry

Perm state humanitarian pedagogical University

PORNOGRAPHY, EROTICA, MORALITY

Discusses the content of the concepts of pornography and erotica. Are the positions of the various authors to the concept of obscenity, pornography, erotica. Specify the criteria for distinction pornography and erotica. Based on the evidence, it displays the concept of pornography, which is understood as contrary to the principles of public morality, vulgar-naturalistic, cynical representation of the sexual parts, special detailed image of the genitals, scenes of a sexual act, sexual perversions, insulting the honor and dignity of the person.

Key words: pornography, erotica, morality, obscenity.

А.В. Наумов в комментарии к УК РФ дает следующее определение порнографическим материалам: «Материал или предмет является порнографическим, если он, взятый как целое, направлен на возбуждение похоти (грубо чувственного полового влечения) и если в явной, очевидно циничной, непристойной

форме изображает половое влечение человека, и при этом не имеет существенной литературной, художественной или научной ценности» [7, с. 338].

Как видно из этого определения, главной его составляющей является *циничная* и *непристойная* форма. Данные определения являются субъективными. Непристойность зависит напрямую от воспитания и культуры определенных лиц. То есть одна категория людей может отнести, исходя из своих познаний, картину либо скульптуру изображающие обнаженное тело к ряду непристойных, а другая группа посчитает это шедевром мирового искусства [5, с. 133].

О. Савельева определяет непристойность как «поведение, «вгоняющее в краску» средненормального члена общества, то есть человека, придерживающегося господствующих в этом обществе культурных и социальных норм. С другой стороны, широта понятия непристойность достаточно индивидуальна. Сексуально ориентированная непристойность и есть порнография. Но в юридической практике подобная трактовка этого феномена не работает» [11, с. 25].

Р.С. Джинджолия трактует порнографию как «описание или изображение половых органов, полового акта, половых аномалий и изощрений в непристойном виде, осуществленное вопреки нравственным принципам эротического искусства, с нарушением требований научной сексологии и педагогики, способные вызвать извращенное сексуальное чувство» [4, с. 18].

О.А. Аксенов придерживается мнения о том, что «на представления об этом понятии влияют национальные и религиозные взгляды и традиции, отражающие православные, мусульманские, буддистские, иудаистские и иные вероучения. В результате невозможно создать общенародное, всероссийское понятие о том, что именно является циничным и непристойным в половой жизни» [1, с. 227].

Высказанная позиция представляется спорной. Разумеется, хотя на представления о пристойном и непристойном, влияют культурные, национальные и религиозные особенности разных народов и групп населения, тем не менее, международное сообщество может найти и фактически находит общий язык

в понимании и юридическом определении рассматриваемого явления [8, с. 137].

О.Ш. Петросян определяет порнографию как «непристойное, грубо натуралистическое, циничное изображение сексуальной жизни, публично фиксирующее внимание потребителя информации на половых органах персонажей с целью возбуждения грубочувствительного полового влечения и удовлетворения половой страсти» [9, с. 9].

М.В. Гусарова под порнографией трактует «детальную демонстрацию половых органов либо полового акта, умышленно созданную с целью производства сильного полового возбуждения, не обладающую при этом культурной, научной и исторической ценностью, и являющуюся по своей сути оскорбительной для общественной нравственности» [3, с. 28].

Понятие порнографии является оценочным. Только искусствоведческая экспертиза с обязательным привлечением специалистов в области медицины, педагогики, сексологии, художественного искусства, кино-, теле- и видеоиндустрии, других, имеющих соответствующее образование и опыт работы, может отнести тот или иной предмет к статусу порнографических материалов. Однако зачастую к исследованиям привлекаются специалисты, область профессиональных знаний которых находится за пределами искусствоведческого анализа видеопродукции: гинекологи, врачи-педиатры, фотографы, преподаватели школ и т.п. [10, с. 15]. Выводы таких экспертов не могут быть положены в основу заключения, так как они являются не результатом использования специальных познаний в соответствующей области, а лишь субъективной оценкой, основанной на личных предположениях.

Лица, имеющие специальные познания в данной области и входящие в состав комиссии, неоднозначно трактуют понятие порнографии и эротики, так как критерии их разграничения различны.

В настоящее время существует множество точек зрения относительно не только содержания, но и формы порнографии. О.А. Булгакова предлагает разделить ее, на легальную (ограниченную) и нелегальную (запрещенную). При этом, уголовная ответственность, должна наступать во всех случаях распростра-

нения запрещенной порнографии, а незаконное распространение легальной порнографии, следует квалифицировать как административное правонарушение или как преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ, – «незаконное предпринимательство» [2, с. 141–144]. С данной позицией автор не согласен, так как, порнография в любой форме несет в себе вред общественной нравственности, в связи с чем более разумным будет ее полный запрет.

В целом, на взгляд автора, можно выделить два противоположных подхода к порнографии.

Сторонники первого считают, что при просмотре порнографических материалов у людей возникает потребность в реализации увиденного, с воплощением своей агрессии, с целью сексуальной разрядки.

Сторонники второго подхода предполагают, что просмотр порнографических материалов способен дать сексуальную разрядку, что приводит, наоборот, к угасанию возможной агрессии [6, с. 633].

Из исследований американского ученого В. Фишера следует, что у 89 % из обследованных им мужчин при просмотрах порнографии увиденное не вызвало какой-либо агрессии [13, с. 23–38]. Например, в Дании в 1969 г. порнография была полностью легализована, что послужило снижению числа половых преступлений.

Поскольку данные исследования проводились не в России, нельзя сказать, что порнографию в нашей стране необходимо легализовать, чтобы получить результат, тождественный описанному выше.

Для более эффективной борьбы с исследуемым негативным феноменом необходимо сформулировать и закрепить в примечании к ст. 242 УК РФ понятие порнографии, а также разработать и указать в постановлении Пленума Верховного суда РФ критерии, позволяющие разграничить порнографию и эротику, чтобы использовать их при проведении экспертизы по каждому конкретному уголовному делу.

Под порнографией следует понимать противоречащее принципам общественной нравственности. вульгарно-натура-

листическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека [12, с. 123].

Исходя из данного определения, можно выделить следующие признаки порнографии:

- ◆ она фиксирует внимание потребителя на гениталиях, манипуляциях с гениталиями, половом акте и технике его проведения;
- ◆ изображение полового акта является в порнографии самоцелью, следование которой убирает из сексуальной жизни другие компоненты сексуального поведения;
- ◆ в порнографии отсутствует выражение личностного смысла сексуального поведения;
- ◆ она, в отличие от эротики, ориентирована только лишь на стимуляцию сексуального возбуждения;
- ◆ порнография изображает дегуманизированные социально или морально осуждаемые формы половых контактов (гомосексуализм, групповой секс, половые контакты с животными и т.д.);
- ◆ в ней присутствует демонстрация сексуальных сцен вне художественной задачи с детализированными грубо натуралистичными, циничными, непристойными деталями;
- ◆ в порнографических материалах имеет место использование крупного плана, прямых ракурсов съемки при показе сцен полового акта.

Библиографический список

1. *Аксенов О.А.* Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству России. Ростов н/Д, 1997.

2. *Булгакова О.А.* Уголовная ответственность за распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.

3. *Гусарова М.В.* Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

4. *Джинджолия Р.С.* Уголовная ответственность за незаконное распространение порнографических материалов или предметов. Сочи, 2001.

5. *Изосимов С.В., Шмыков Д.В.* Незаконный оборот порнографических материалов: пробелы уголовного законодательства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 4.

6. *Келли Гэри Ф.* Основы современной сексологии. СПб., 2000. С. 633.

7. *Комментарий к УК РФ* / под ред. Наумова А.В. М., 1996.

8. *Международное уголовное право: учеб. пособие* / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999.

9. *Петросян О.Ш.* Уголовная ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

10. *Родионов А.* Борьба с незаконным распространением порнографических материалов // Профессионал. 2000. № 2.

11. *Савельева О.* Грязное порно или крылатый эрос? // Бизнес адвокат. 2000. № 9.

12. *Шмыков Д.В.* Противодействие обращению порнографических материалов или предметов: уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 200 с.

13. *Fisher W.A.* Violent pornography, antiwoman thoughts and antiwoman acts // Journal of Sex Research. 1994. № 1. P. 23–38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антропов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Забайкальского института предпринимательства СибУПК, г. Чита.

E-mail: roman-antropov23@rambler.ru

Аристов Евгений Вячеславович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: znakomyi72@mail.ru

Арпентьева Мариям Равильевна – доцент кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет»

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Белевская Юлия Александровна – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск.

E-mail: belvp46@mail.ru

Беляев Валерий Петрович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск.

E-mail: belvp46@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск.

E-mail: belvp46@mail.ru

Бикбова Тая Ирековна – помощник юриста ООО «Меж-региональный центр юруслуг», г. Пермь
E-mail: taya445@yandex.ru

Богустов Андрей Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного права Гродненского филиала «БИП – Институт правоведения», г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: bogustow@mail.ru

Васильев Дмитрий Александрович – аспирант кафедры деликтологии и криминологии. Юридический институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск
E-mail: Linkin30Dima@yandex.ru

Глевич Михаил Александрович – аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь
E-mail: ma_levich@mail.ru

Голохвастова Наталья Вениаминовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, начальник научного отдела НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь

Гройсберг Анна Исааковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Пермь
E-mail: anna-groisberg@yandex.ru

Дараган Валерий Валерьевич – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Днепропетровского государственного университета внутренних дел.
E-mail: velcom2007@mail.ru

Евлоев Ильяс Муслимович – судья Конституционного Суда Республики Ингушетия, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института экономики и правопедения, г. Назрань.

E-mail: evlo@mail.ru

Жуйков Александр Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: Svetlana120562@mail.ru

Зарубин Алексей Сергеевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского права НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: lexx_pgu@mail.ru

Ильянова Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры предпринимательского права НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: ilyanova_J@mail.ru

Карманова Екатерина Васильевна – кандидат юридических наук, г. Батна, Алжир.

E-mail: karmanovaev@yandex.ru

Клименко Екатерина Петровна – ведущий специалист кафедры истории и теории государства и права Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь.

E-mail: ker810@gmail.com

Козьминых Елена Станиславовна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: Ekozminyh@yandex.ru

Коновальчиков Ярослав Андреевич – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

E-mail: jarush999@mail.ru

Корж Павел Анатольевич – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», член Российской криминологической ассоциации, г. Пермь.

E-mail: korzh2006@gmail.com

Лисий Валерия Валериевна – студентка 3 курса юридического факультета Бердянского университета менеджмента и бизнеса, Республика Украина.

E-mail: kaf_itdp@mail.ru

Маринкин Денис Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры гражданского и предпринимательского права социально-гуманитарного факультета Пермского филиала НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: mdn444@yandex.ru

Мирских Ирина Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

E-mail: gloriaday@mail.ru

Носов Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, декан юридического факультета НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: nosovdv@yandex.ru

Семенчук Василий Владимирович – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России, г. Хабаровск.

E-mail: Semenchuk_ord@mail.ru

Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Института экономики, управления и права, г. Казань.

E-mail: askorobogatov@rambler.ru

Соловьева Виктория Викторовна – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, зав. кафедрой истории и теории государства и права Бердянского университета менеджмента и бизнеса, Республика Украина.

E-mail: kaf_itdp@mail.ru

Сергеева Ольга Сергеевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры трудового и социального права Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Пермь

E-mail: oikey@mail.ru

Сосенков Федор Сергеевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ФБОУ ВПО «Волжский государственный университет водного транспорта», г. Нижний Новгород.

E-mail: fss2005@rambler.ru

Телегин Александр Степанович – кандидат юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: zuier@mail.ru

Тозик Леонид Владимирович – соискатель кафедры гражданского права Белорусского государственного университета, г. Минск.

E-mail: leonidnnm@tut.by

Ухтинский Павел Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: pavel277257@gmail.com

Файн Вероника Александровна – старший помощник прокурора Пермского края по взаимодействию с представительными (законодательными) и исполнительными органами края, органами местного самоуправления, советник юстиции.

E-mail: fain.v@mail.ru

Фокеева Юлия Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и предпринимательства Института государства и права ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

E-mail: julsana@mail.ru

Хамадиярова Татьяна Анатольевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Пермского филиала НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», г. Пермь.

E-mail: hamaddr@mail.ru

Хисматуллин Ильгиз Рафитович – магистр географического образования. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа.

E-mail: hismatullin87@mail.ru

Худолей Дмитрий Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и финансового права ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

E-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

Худолей Константин Михайлович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и финансового права ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

E-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Чулакова Ольга Юрьевна – генеральный директор, ООО «Межрегиональный центр юруслуг», г. Пермь

E-mail: icls59@mail.ru

Шащенко Александр Николаевич – кандидат юридических наук, директор Красноярского центра занятости населения, Белгородская область, п. Красная Яруга.

E-mail: belvp46@mail.ru

Шмыков Дмитрий Валерьевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания права ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет».

E-mail: dimao999or@mail.ru

Щукина Раиса Ивановна – кандидат философских наук, доцент, НОУ ВПО «Западно-Уральский институт экономики и права», г. Пермь.

E-mail: raisa.schukina@mail.ru

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Материалы II Всероссийской с международным участием
научно-практической конференции

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 30.11.2015. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 20,46. Тираж 100 экз. Заказ 98/2015.

Редакционно-издательский отдел
Западно-Уральского института экономики и права
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 35, литер Д, офис 204

Отпечатано в типографии издательства «Книжный формат»
614000, г. Пермь, ул. Пушкина, 80